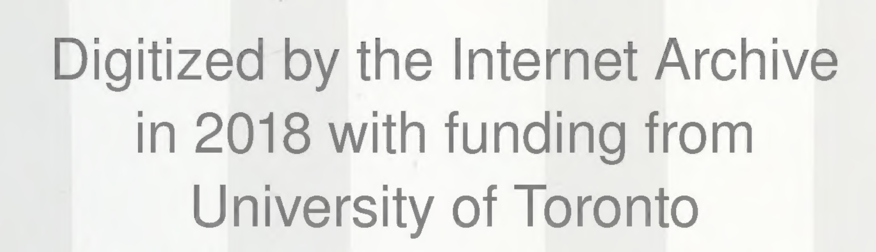

MAR 26 1970
UNIVERSITY OF

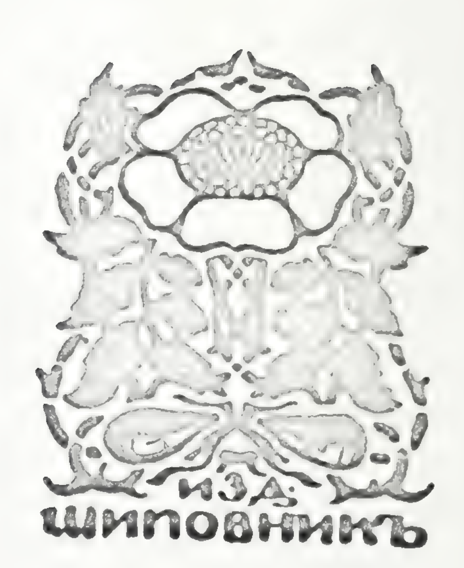
Собранiе сочиненiй

ѲЕДОРА СОЛОГУБА

Т. Xй

Изд-во
ШИПОВНИКЪ
С. П. Б.

ИЗД.
ШИПОВНИКЪ

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ

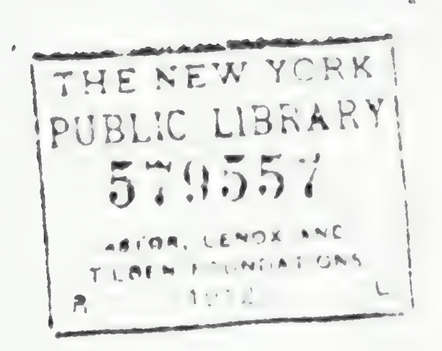
ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

СКАЗОЧКИ И СТАТЬИ

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.

Типографія Т-ва
„Екатерингофское Печатное Дѣло“.
Екатерииг. пр., 10—19.

СКАЗОЧКИ.

Молотъ и цѣпь.

Крѣпкій молотъ, проникнутый прекрасными намѣреніями, сдѣланный изъ лучшаго желѣза, бесѣдовалъ съ желѣзною полосою, которая лежала на наковальнѣ. Они говорили о земныхъ несовершенствахъ, о злыхъ обидахъ, которыми одни осыпаютъ другихъ.

— Оковы — позорный остатокъ варварства, — говорилъ молотъ, и убѣждалъ желѣзо никогда не дѣлаться цѣпью.

Слушая его на горячей наковальнѣ, подъ жаромъ горна, желѣзо смягчалось и таяло. Но вотъ дюжій кузнецъ взмахнулъ высоко молотомъ, и тяжко опустилъ его на желѣзо. Посыпались красныя искры, и застонала бѣдная полоса.

— Какъ, ты самъ рѣшился меня бить? — спросила она.

— Да, я бью тебя, а ты будешь терпѣть. Такъ устроено, и я поставленъ выше тебя въ свѣтѣ, чтобы бить по тебѣ.

Молотъ тяжко опускался на желѣзную полосу, приговаривая съ большимъ вѣсомъ:

— Не надо жестокостей! Презрѣнны жестокіе!

Когда изъ желѣза выковались звенья прочной и длинной цѣпи, молотъ отвернулся съ презрѣніемъ.

— Всѣ ренегаты таковы,—сказалъ онъ,—мягкіе, какъ воскъ, въ началѣ, въ концѣ они не стыдятся служить кандалами.

А цѣпь тихо позвенивала своими прочными кольцами, и мечтала:

— Такъ и должно быть, такъ все устроено. Еще нѣсколько ударовъ по моимъ звеньямъ,—и я съ наслажденіемъ обовью тѣло проклятаго каторжника.

ОБИДЧИКИ.

Мальчикъ съ пальчикъ встрѣтилъ мальчика съ ноготокъ, и поколотилъ его. Стоитъ мальчикъ съ ноготокъ, и жалобно пищитъ.

Увидалъ это мальчикъ съ два пальчика, и прибилъ мальчика съ пальчикъ.—не дерись!—говоритъ. Заверещалъ мальчикъ съ пальчикъ.

Идетъ мальчикъ съ локотокъ, и спрашиваетъ:

— Мальчикъ съ пальчикъ, о чемъ ты плачешь?

— Гы-гы! мальчикъ съ два пальчика меня оттаскалъ,—говоритъ мальчикъ съ пальчикъ.

Догналъ мальчикъ съ локотокъ мальчика съ два пальчика, и больно прибилъ его.—не обижай,—говоритъ,—маленькихъ!

Заплакалъ мальчикъ съ два пальчика, и побѣжалъ жаловаться мальчику приготовишкѣ. Приготовишка сказалъ: я его вздую!—и вздулъ мальчика съ локотокъ. А приготовишку за это поколотилъ второклассникъ.

За приготовишку заступилась его мама, и оттаскала второклассника.

Закричалъ второклассникъ,—прибѣжалъ его папа, прибилъ приготовишкину маму. Пришелъ городовой, и свелъ второклассникова папу въ участокъ.

Тутъ сказка и кончилась.

ТИКЪ.

Одинъ маленькій мальчикъ всѣхъ передразнивалъ. Кто смѣется, а ужъ онъ кричитъ: ки-ки. Чихнетъ кто-нибудь, онъ скажетъ: тикъ. Вотъ пошелъ мальчикъ по сырой травѣ. Вернулся домой, и чихаетъ. Мама спросила:

— Ты что чихаешь?

А мальчикъ говоритъ:

— Такъ, мама, тикъ! такъ.

Мама говоритъ:

— Да у тебя насморкъ. Ты по сырой травѣ должно быть ходилъ?

Мальчикъ сказалъ:

— Нѣтъ, мама, тикъ! не ходилъ.

Мама пощупала у мальчика ноги, и сказала:

— А сапоги отчего сырые?

Мальчикъ заплакалъ и сказалъ:

— Я, мама, не ходилъ—тикъ!— по сырой травѣ, а это—тикъ!—мои сапоги ходили!

ВЕСЕЛАЯ ДѢВЧОНКА.

Жила такая веселая дѣвчонка,—ей что хочешь сдѣлай, а она смѣется.

Вотъ отняли у нея куклу подруги, а она бѣжитъ за ними, заливается-смѣется и кричитъ:

— Наплевать на нее! Не надо мнѣ ея.

Вотъ мальчишки ее прибили, а она хохочетъ:

— Наплевать!—кричитъ,—гдѣ наше не пропадало!

Говоритъ ея мать:

— Чего, дура, смѣешься,—вотъ возьму вѣникъ.

Дѣвчонка хохочетъ.

— Бери,—говоритъ,—вѣникъ,—вотъ то не заплачу,—наплевать на все!

Веселая такая дѣвчонка!

БЫКЪ.

У одного мальчика мама была въ свѣтло-синихъ очкахъ, папа—въ темно-синихъ.

Они на вѣсахъ вѣшали все, что мальчикъ ѣлъ,—мясо, и молоко,—все вѣшали.

Вотъ разъ папа и говоритъ мамѣ:

— А вѣдь нашъ мальчикъ сегодня перваго быка скушалъ,—завтра за второго примется.

Мальчикъ услышалъ это, заплакалъ и сказалъ:

— Я не хочу ѣсть быка,—у быка рога.

КУСОЧЕКЪ САХАРУ.

Жила-была хозяйка. У нея былъ маленькій ключикъ отъ шкапика. Въ шкапикѣ стоялъ маленькій ящикъ. Въ ящикѣ лежалъ малюсенькій кусочекъ сахару.

Жила у хозяйки собаченка. Она была капризная, - вдругъ возьметъ да и затявкаетъ на хозяйку.

А хозяйка возьметъ ключикъ, отворитъ шкапикъ, достанетъ ящикъ. и вынетъ кусочекъ сахару. Собаченка и завиляетъ хвостомъ.

А хозяйка скажетъ:

— Тявкала, Каприза Петровна,—вотъ тебѣ и не будетъ сахару.

И спрячетъ все попрежнему. Собаченка раскаивается, да поздно.

ЛЕДЕНЧИКЪ.

У дѣвочки былъ леденчикъ въ бумажкѣ.

Сперва было ихъ много, да она съѣла, — одинъ остался.

Вотъ и думаетъ: „съѣсть самой или на бѣдныхъ пожертвовать?“

Думаетъ: „бѣдной дѣвочкѣ отдамъ“.

А потомъ подумала: „лучше буду дѣлиться съ бѣдными пополамъ“. И съѣла полъ-леденца.

А потомъ опять подумала, „со слѣдующихъ леденцовъ начну, а теперь дамъ ей полъ-половинки“, — и съѣла сама полъ-половинки.

А такъ мало осталось, что уже и не стоило отдавать бѣдной дѣвочкѣ, — дѣвочка и остальное сама съѣла.

МАЛЬЧИКЪ И БЕРЕЗА.

Въ саду росла береза. На дачѣ жилъ мальчикъ Ника. Ника былъ шалунъ. А у березы были вѣтки. Разъ Ника много шалилъ. Тогда съ березы сорвали вѣтку, а съ вѣтки листья обдернули.

Потомъ ужъ Ника не любилъ березу. Вотъ лѣто было долго, и насталъ іюль, и конецъ іюля. На березѣ показались желтые листья. Ника сказалъ березѣ:

— Что, злючка, вотъ тебя Богъ и наказалъ,—другія деревья молодыя, а ты уже сѣдая.

БАЙ.

У дѣвочки Манечки была комната, и въ комнатѣ четыре стѣны: бѣлая, голубая, зеленая да красная.

Вечеромъ Манечка не хотѣла спать. Няня сказала:

— Бай-бай-бай! Маню покачай!

Бай пришелъ, идетъ по красной стѣнѣ. А Манечка увидѣла и смѣется:

— Старикъ съ бородою, да какой смѣшной!

Бай и ушелъ, а Маня разгулялась. Только поздно. Няня поетъ:

— Приходи, голубчикъ бай, нашу Маню покачай!

Пошелъ бай по зеленой стѣнѣ. Маня увидѣла и говоритъ:

— А старикъ-то опять пришелъ, — бѣлый самъ, и борода бѣлая.

А бай не любитъ, чтобъ на него смотрѣли, — онъ опять ушелъ. Маня шалитъ, няня поетъ:

— Приходи, голубчикъ бай, Маньку-Маню укачай.

Бай по голубой стѣнѣ подходитъ. Маня говоритъ:

— Противный старикъ, опять лѣзетъ, — борода то длинная, сѣдая.

Бай ушелъ. Маня капризничаетъ, няня поетъ:

— Милый бай, добрый баюшка-бай, приходи къ намъ, поспѣшай, нашу Маню закачай.

Тутъ пошелъ бай по бѣлой стѣнѣ, — Маня и заснула.

ПРО БѢЛАГО БЫЧКА.

Няня спросила Леночку:

— Сказать тебѣ сказку про бѣлаго бычка?

Леночка сказала:

— Скажи.

А няня и говоритъ:

— Я скажу сказку про бѣлаго бычка, ты скажешь сказку про бѣлаго бычка, не сказать-ли тебѣ сказку про сѣраго бычка?

Леночка догадалась, что няня не знаетъ про бѣлаго бычка. Вотъ и думаетъ Леночка,—ладно, лягу спать, сама увижу про бѣлаго бычка. Заснула Леночка, и всю ночь спала крѣпко, а ужъ подъ самое утро вспомнила про бѣлаго бычка, и увидѣла бѣлаго бычка во снѣ. Но только что она его увидѣла, какъ пришла няня, и разбудила Леночку. Леночка разсердилась и сказала:

— Сама не знаешь, да и другимъ узнать не даешь.

ЛАСКОВЫЙ МАЛЬЧИКЪ.

Саша любилъ сладкое.

А мама не давала ему много сладкаго, чтобы у него зубы не испортились.

Онъ и придумалъ такъ выпрашивать, —знаетъ, что у мамы есть конфеты, онъ и примется ее цѣловать да приговаривать:

— Сладенькая ты моя конфетка, гладенькая ты моя конфетка.

Мама разсмѣется, и дастъ Сашѣ конфетку.

Пришелъ рябой дядя съ пряниками. Саша забрался къ нему на колѣни, и приговариваетъ:

— Писанный ты мой пряничекъ, вяземскій ты мой пряничекъ!

А рябой дядя сказалъ:

— Я не люблю попрошаекъ.

И спряталъ пряники въ карманъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ КАМЕНЬ.

Была въ городѣ мостовая. Колесомъ вышибло изъ нея малый камешекъ. Онъ и думаетъ,—что мнѣ съ другими лежать, тамъ тѣсно,—побуду отдѣльно.

Прибѣжалъ мальчишка, и схватилъ камень.

Камень думаетъ: вотъ захотѣлъ да и поѣхалъ,— стоитъ только захотѣть.

Мальчишка швырнулъ камень въ домъ. Камень думаетъ себѣ:—захотѣлъ и полетѣлъ,—очень просто, моя воля!

Попалъ камень въ стекло, — стекло разбилось и закричало:

— Ахъ ты, озорникъ этакій!

А камень говоритъ:

— Раньше было сторониться! Я не люблю, чтобы мнѣ мѣшали,—у меня все чтобъ было по-моему, вотъ я какой!

Упалъ камень на коверъ, и думаетъ: полеталъ, а теперь полежу, отдохну.

Взяли камень, да и выбросили на мостовую.

Онъ и кричитъ другимъ камнямъ:

— Братцы, здорово,—былъ я въ хоромахъ, да не полюбилось мнѣ у господъ, захотѣлось въ простой народъ.

ВО СНѢ.

Одинъ мальчикъ любилъ спать. И онъ все сны видѣлъ. И такъ много сновъ видѣлъ, что и забывалъ иногда, что во снѣ, что на яву было.

Пошла мама въ лавку, и его взяла, говоритъ:

— Куплю тебѣ яблоковъ.

Только у нея денегъ не хватило, она и не купила яблоковъ.

Пришли домой, мальчикъ и говоритъ:

— Ты же яблоковъ обѣщала купить.

А мама говоритъ:

— Тебѣ это приснилось.

Мальчикъ хорошо помнилъ, что это не во снѣ было, и говоритъ мамѣ:

— Вотъ ты какая.

А потомъ онъ сталъ шалить, уронилъ маминъ зонтикъ, и сломалъ ручку. Пришла мама изъ сосѣдней комнаты, и говоритъ:

— Кто зонтикъ сломалъ?

Мальчикъ сказалъ:

— Онъ самъ ушибся.

Мама разсердилась и закричала:

— Ахъ ты лгунишка!—я сама черезъ дверь видѣла, какъ ты его бросилъ на полъ.

А мальчикъ сказалъ:

— Что ты, мама! должно быть, это тебѣ приснилось.

ДВѢ ДѢВОЧКИ И ПЕСОКЪ.

Жили были двѣ дѣвочки: знатная и простая.

Знатную звали принцесса Эльза. У нея косы были золотистыя, ручки серебристыя, чулочки шелковые, башмачки атласные.

А простую дѣвочку звали Машка-замарашка. Она ходила въ лохмотьяхъ, руки и ноги у нея были исцарапанныя. Только она веселая была.

Разъ она сидѣла на мокромъ пескѣ, и руками изъ него башни лѣпила и хлѣбы стряпала. Шла мимо принцесса Эльза. Машка замарашка кричитъ ей:

— Садись, поиграемъ.

Принцесса Эльза усмѣхнулась и сказала:

— Знатныя дѣвочки не играютъ мокрымъ простымъ пескомъ. У знатныхъ дѣвочекъ есть сухой золотой песокъ. Знатныя дѣвочки даже и не говорятъ съ босыми дѣвчонками.

Пошла къ себѣ въ садъ принцесса Эльза, и стала сыпать золотой песокъ въ золотыя чаши, да опрокидывать, но песокъ разсыпался, и башни не выходили. Взяла принцесса Эльза горсть песку, сжала его въ кулакъ,—а песокъ между пальцами вытекъ.

Разсердилась принцесса Эльза, повалилась на землю, и закричала:

— Замарашкинъ песокъ скверный, а мой еще хуже.

КРЫЛЬЯ.

Пасла дѣвочка гусей, а сама плакала. Пришла хозяйкина дочь, спросила:

— Чего, дура, ревешь?

Дѣвочка сказала:

— Отчего у меня крыльевъ нѣтъ? Я хочу, чтобы у меня крылья выросли.

Хозяйкина дочь сказала:

— Вотъ дура,—ни у кого нѣтъ крыльевъ, — на что тебѣ крылья?

А дѣвочка отвѣчала:

— Я бы все по небу летала, да во весь бы голосъ пѣсни пѣла.

Хозяйкина дочь сказала:

— Дура, какія у тебя могутъ вырасти крылья, коли у тебя отецъ батракъ! Вотъ у меня, пожалуй, выростутъ.

Облилась водой изъ колодца, и стоитъ на грядкѣ на солнцѣ, чтобъ крылья лучше росли.

Шла мимо купеческая дочь, спросила:

— Чего стоишь, красна дѣвица?

А хозяйкина дочь говоритъ:

— А крылья рощу, летать хочу.

Купеческая дочь засмѣялась, говоритъ:

— Мужичкѣ, да еще крылья,— не по спинѣ грузъ.

Пришла въ городъ, накупила себѣ масла, намазала спину, и вышла на огородъ ростить крылья.

Шла мимо барышня, спросила:

— Что, милая, дѣлаешь?

Купеческая дочь сказала:

— Крылья себѣ рощу, барышня.

Барышня покраснѣла, разсердилась,—это, говоритъ, не купеческое, а дворянское дѣло.

Пришла домой, облилась молокомъ, стала на огородѣ, ростить себѣ крылья.

Шла мимо царевна, увидѣла барышню на грядкахъ, послала своихъ служанокъ узнать, для чего она стоитъ. Пошли служанки, узнали, приходятъ, говорятъ:

— Молокомъ облилась, крылья роститъ, высоко летать хочетъ.

Царевна усмѣхнулась, и сказала:

— Глупая,— даромъ себя мучитъ,— у простой барышни не могутъ выраcти крылья.

Пришла царевна домой, облилась духами, пошла на огородъ, стоитъ, роститъ себѣ крылья.

Прошло сколько-то времени,—всѣ дѣвушки въ той землѣ одна по одной пошли на свои огороды, стоятъ себѣ на грядкахъ, ростятъ себѣ крылья.

Узнала объ этомъ Крылья-мать, прилетѣла, посмотрѣла, видитъ, что ихъ много, да и говоритъ:

— Дать вамъ всѣмъ крылья, такъ вы всѣ летать

будете,—а кто станетъ дома сидѣть, кашку варить, дѣтокъ кормить? Дамъ-ка я лучше крылья одной, которой раньше ихъ захотѣлось.

Такъ и выросли крылья у одной батраковой дочери.

Стала она по небу летать, да пѣсни пѣть.

ЗАПЛАТКИ.

Лазалъ Вася на березу, разорвалъ курточку.

Мама нашила на курточку заплатки, и сказала Васѣ:

— Шалуны всегда съ заплатками ходятъ.

Пришелъ вечеромъ дядя. Онъ былъ въ очкахъ.

Поглядѣлъ на него Вася, да и говоритъ:

— Мама, а мама! дядя-то у насъ — шалунъ: у него на глазахъ заплатки.

ЛЯГУШКИ.

Встрѣтились двѣ лягушки,—одна постарше, другая помоложе. Вотъ старшая и спрашиваетъ:

— А ты по-всякому квакать умѣешь?

А младшая отвѣчаетъ:

— Вотъ еще, конечно, по-всякому.

— Ну, поквакай,—говоритъ старшая.

Стала квакать маленькая лягушка:

— Ква, ква-ква!

На разные лады старается. А старшая говоритъ:

— Да ты только по-русски квакаешь.

— А то какъ же иначе?—спрашиваетъ маленькая.

— А вотъ,—говоритъ старшая,—по-французски ты и не умѣешь.

А маленькая и говоритъ:

— По-французски никто не квакаетъ.

— Нѣтъ, квакаютъ,—сказала большая.

— Ну, какъ по-французски квакаютъ?—спросила маленькая,—квакни, коли знаешь.

— А вотъ какъ, — и большая стала квакать:—квю-квю-квю!

— Такъ-то и я умѣю,—говоритъ маленькая.

— Поквакай, коли умѣешь,—сказала большая.

Маленькая и заквакала:

— Кви, кви, кви.

А старшая засмѣялась, и говоритъ:

— Такъ это ты „кви" по-нѣмецки квакаешь, а по-французски надо квакать „квю".

Маленькая какъ ни старалась, ни за что не могла квакнуть „квю". Заплакала, наконецъ, да и говоритъ:

— Русскія лягушки лучше французскихъ квакаютъ,—понятнѣе.

ВОРОНА.

Летѣла ворона. Видитъ мужика, и спрашиваетъ:

— Мужикъ, а мужикъ?

— Чего тебѣ?—говоритъ мужикъ.

— Воронъ считать умѣешь?

— Ишь ты, какая затѣйная, чего захотѣла,—проваливай по добру по здорову.

Полетѣла ворона, встрѣтила купца, спросила:

— Купецъ, воронъ считать умѣешь?

А купецъ говоритъ:

— Намъ такими пустяками не приходится заниматься,—наше дѣло торговое.

Полетѣла ворона, встрѣтила гимназиста, самаго маленькаго изъ всей гимназіи, и спрашиваетъ:

— Гимназистъ, воронъ считать умѣешь?

А онъ и говоритъ:

— Я все считать умѣю, я до милліона умѣю считать, и даже больше. Я Малинина и Буренина училъ.

А ворона ему въ отвѣтъ:

— А вотъ воронъ не сосчитаешь.

— А нѣтъ, сосчитаю,—говоритъ гимназистъ.

И сталъ считать:

— Одна, двѣ, три...

А ворона тутъ влетѣла ему въ ротъ, и укусила его за языкъ. Заплакалъ гимназистъ, и говоритъ:

— Никогда впередъ не буду васъ, воронъ, считать,—коли кусаетесь, какъ и живите такъ, несчитанныя.

НѢЖНЫЙ МАЛЬЧИКЪ.

Жилъ нѣжный мальчикъ.

На него съ самаго начала надѣли стеклянный колоколъ, чтобъ мухи его не обижали.

Такъ все и жилъ мальчикъ въ колоколѣ.

Вотъ видитъ мальчикъ,—береза шатается. А онъ не зналъ, что это отъ вѣтра,—не зналъ вѣтра нѣжный мальчикъ.

Онъ и сказалъ березѣ:

— Глупая береза, не шатайся, сломаешься.

Пересталъ дуть вѣтеръ, и береза не шаталась.

А нѣжный мальчикъ обрадовался, и сказалъ:

— Вотъ и умница, что послушалась.

ЗЛОЙ МАЛЬЧИКЪ И ТИХІЙ МАЛЬЧИКЪ.

Жилъ-былъ Злой мальчикъ.

У него были двѣ тети: умная тетя и добрая тетя.

Когда Злой мальчикъ чего не пойметъ, то онъ бѣжитъ къ умной тетѣ,—та объясняетъ; когда Злой мальчикъ напалитъ, то онъ бѣжитъ къ доброй тетѣ,—та укрываетъ.

Вотъ сидѣлъ разъ Злой мальчикъ съ умною тетею. Шелъ мимо Тихій мальчикъ.

Сказала умная тетя Злому мальчику:

— Бѣги скорѣй, куси Тихаго мальчика за ногу.

Обрадовался Злой мальчикъ. Онъ побѣжалъ. Но онъ былъ трусъ. Добѣжалъ до Тихаго мальчика,—не смѣетъ кусить.

Вотъ Злой мальчикъ нагнулся, кусилъ себя за ногу, и побѣжалъ къ доброй тетѣ, а самъ кричитъ да плачетъ:

— Добрая тетя, меня кусилъ скверный мальчишка — Тихій мальчикъ.

Добрая тетя повѣрила и сказала:

— Приведите негоднаго Тихаго мальчика.

Привели. Добрая тетя говоритъ:

— Ай-ай-ай! негодный мальчишка Тихій мальчикъ, какъ ты смѣешь кусаться? Добрые мальчики никогда не кусаются.

Тихій мальчикъ заплакалъ и сказалъ:

— Я никогда не буду кусаться.

И его поставили въ уголъ, а Злого мальчика погладили по головкѣ.

Такъ-то часто бываетъ.

ПЛѢНЕННАЯ СМЕРТЬ.

Въ старые годы жилъ храбрый и непобѣдимый рыцарь.

Случилось ему однажды плѣнить самое смерть.

Привезъ онъ ее въ свой крѣпкій замокъ, и посадилъ въ темницу.

Смерть ничего, сидитъ себѣ,—а люди перестали умирать.

Рыцарь радуется, и думаетъ:

— Теперь хорошо, да безпокойно, стеречь ее надо. Лучше совсѣмъ бы ее истребить.

Только рыцарь справедливый былъ,—не могъ умертвить ее безъ суда.

Вотъ онъ пришелъ къ темницѣ, сталъ у оконечка, и говоритъ:

— Смерть, я тебѣ голову срубить хочу,—много ты зла на свѣтѣ надѣлала.

Но смерть молчитъ себѣ.

Рыцарь и говоритъ:

— Вотъ, даю тебѣ сроку,—защищайся, коли можешь. Что ты скажешь въ свое оправданіе?

А смерть отвѣчаетъ:

— Я-то тебѣ пока ничего не скажу, а вотъ пусть жизнь поговоритъ за меня.

И увидѣлъ рыцарь,—стоитъ возлѣ него жизнь, бабища дебелая и румяная, но безобразная.

И стала она говорить такія скверныя и нечестивыя слова, что затрепеталъ храбрый и непобѣдимый рыцарь, и поспѣшилъ отворить темницу.

Пошла смерть,—и опять умирали люди. Умеръ въ свой срокъ и рыцарь,— и никому на землѣ никогда не сказалъ онъ того, что слышалъ отъ жизни, бабищи безобразной и нечестивой.

КЛЮЧЪ И ОТМЫЧКА.

Сказала отмычка своему сосѣду:

— Я все гуляю, а ты лежишь. Гдѣ-гдѣ я не побывала, а ты дома. О чемъ-же ты думаешь?

Старый ключъ сказалъ неохотно:

— Есть дверь, дубовая, крѣпкая. Я замкнулъ ее,— я и отомкну, будетъ время.

— Вотъ,—сказала отмычка,—мало-ли дверей на свѣтѣ!

— Мнѣ другихъ дверей не надо,—сказалъ ключъ,— я не умѣю ихъ открывать.

— Не умѣешь? А я такъ всякую дверь открою.

И она подумала: вѣрно этотъ ключъ глупъ, коли онъ только къ одной двери подходитъ. А ключъ сказалъ ей:

— Ты—воровская отмычка, а я—честный и вѣрный ключъ.

Но отмычка не поняла его. Она не знала, что это за вещи—честность и вѣрность, и подумала, что ключъ отъ старости изъ ума выжилъ.

ПАЛОЧКА.

Есть такая чудесная палочка на свѣтѣ,—къ чему ею ни коснись, все тотчасъ дѣлается сномъ, и пропадаетъ.

Вотъ если тебѣ не нравится твоя жизнь, возьми палочку, прижми ее концомъ къ своей головѣ,—и вдругъ увидишь, что все было сонъ, и станешь опять жить сначала и совсѣмъ по-новому.

А что было раньше, въ этомъ снѣ, про все вовсе забудешь.

Вотъ какая есть чудесная на свѣтѣ палочка.

КОЛОДКИ И ПЕТЛИ.

Шелъ, шелъ бѣлый человѣкъ и пришелъ въ коробку. Видитъ,—сидятъ черные люди, а лица у нихъ бѣлыя. Удивился бѣлый человѣкъ.

— Чего-жъ,—говоритъ,—у васъ на ногахъ колодки?

А они смѣются.

— Нельзя-же—говорятъ,—такъ стыдно ходить.

— Ну,—говоритъ бѣлый,—а зачѣмъ у васъ у каждаго петля на шеѣ?

А они пуще смѣются.

— Нельзя-же,—говорятъ,—такъ невѣжливо ходить.

Такъ ничего и не понялъ бѣлый человѣкъ. Ушелъ домой, гдѣ не носятъ на ногахъ колодокъ, а на шеяхъ петель.

ДВѢ СВѢЧКИ, ОДНА СВѢЧКА, ТРИ СВѢЧКИ.

Горѣли двѣ бѣлыя свѣчки и еще много лампъ по стѣнамъ. Читалъ человѣкъ по тетрадкѣ, а другіе молчали и слушали.

Огни дрожали. Свѣчки тоже слушали,—имъ нравилось, но ихъ потрясало,—оттого-то и дрожали огни.

Человѣкъ кончилъ. Задули свѣчи. Ушли.

Все равно.

Горѣла одна сѣрая свѣчка. Сидѣла швея и шила. Ребенокъ спалъ и кашлялъ во снѣ. Отъ стѣны дуло. Свѣчка плакала бѣлыми, тяжелыми слезами. Слезы текли и застывали. Стало свѣтать. Швея съ красными глазами все шила. Задула свѣчу. Шила.

Все равно.

Горѣли три желтыя свѣчки. Лежалъ человѣкъ въ ящикѣ,—желтый и холодный. Читалъ другой по книгѣ. Женщина плакала. Свѣчки замирали отъ страха и отъ жалести. Пришла толпа. Пѣли, кадили. Понесли ящикъ. Свѣчи задули. Ушли.

Все равно.

ЧТО БУДЕТЪ?

Одинъ мальчикъ спросилъ:

— Что будетъ?

Мама сказала:

— Не знаю.

Мальчикъ сказалъ:

— А я знаю.

Мама спросила:

— А что?

Мальчикъ засмѣялся и сказалъ:

— А вотъ не скажу.

Мама разсердилась. Пожаловалась папѣ. Папа закричалъ:

— Ты какъ это смѣешь?

Мальчикъ спросилъ:

— А что?

Папа опять закричалъ:

— Дерзости говорить! Ты что такое знаешь?

А мальчикъ испугался и сказалъ:

— Я ничего не знаю. Я пошутилъ.

Папа еще больше разсердился. Онъ думалъ, что мальчикъ знаетъ что-то,—и закричалъ страшнымъ голосомъ:

— Говори, что ты знаешь! Говори, что будетъ!

Мальчикъ заплакалъ, и не могъ сказать, что будетъ. И ему досталось.

Такое вѣдь вышло недоразумѣніе!

ГЛАЗА.

Были глаза, черные, прекрасные. Взглянуть, и смотрять, и спрашивають.

И были глазенки, сѣрые, плутоватые, все шмыгають, ни на кого прямо не смотрять.

Спросили глаза:

— Что вы бѣгаете? чего ищете?

Забѣгали глазенки, засуетились, говорять:

— Да такъ себѣ, по-немножечку, по-легонечку,— нельзя, помилуйте,—надо же, сами знаете.

И были глядѣлки,—тусклыя, нахальныя. Уставятся и глядять.

Спросили глаза:

— Что вы смотрите? что видите?

Скосились глядѣлки, закричали:

— Да какъ вы смѣете? да кто вы! да кто мы? да мы васъ!

Искали глаза глазъ такихъ же прекрасныхъ, не нашли, и сомкнулись.

ПѢСЕНКИ.

Съ виду онъ былъ такъ себѣ, забулдыга,—шлялся по улицамъ и дорогамъ, засиживался въ кабачкахъ, засматривался на веселыхъ дѣвицъ, и ничего не было у него сбережено, а потому и почетъ ему былъ маленькій.

Только иногда выйдетъ онъ на перекрестокъ, и запоетъ,—и такія слова онъ зналъ, что все ему тогда окликалось,—и птицы въ лѣсу, и вѣтеръ въ полѣ, и волны въ морѣ.

А собачка пустолаечка говорила:

—Плохо, плохо! Все это пустяки.

А хитрая лисичка говорила:

— Плохо, плохо! Это онъ все о земномъ, а Бога то и позабылъ.

Ну что жъ такое! За то все живое ему окликалось: и птицы лѣсныя, и волны морскія, и рыскучіе вѣтры.

ДОРОГА И СВѢТЪ.

Шли съ возами люди по длинной степной дорогѣ и только звѣзды озаряли имъ путь.

Ночь была долгая, и привыкли глаза ихъ къ мраку, и различали они всѣ неровности и повороты пути.

Но долгъ былъ путь, и скучно стало юному путнику.

Онъ сказалъ:

— Надо зажечь побольше фонарей, и освѣтить дорогу, и скорѣе пойдутъ лошади, и мы скорѣе достигнемъ цѣли.

Повѣрили ему люди, зажгли фонари, и, - мало имъ было того, — наломали вѣтвей, надѣлали факеловъ, разложили костры, много заботились объ освѣщеніи пути.

Лошади стали, — ничего, думали путники, — догонимъ послѣ.

И озарились яснымъ свѣтомъ окрестности, а звѣзды померкли, и увидѣли путники, что ихъ путь не единственный: многія отдѣлялись отъ него тропы и дороги, и каждая тропа и дорога казалась кому-нибудь самою короткою.

Перессорились попутчики и разбрелись, и солнце застанетъ ихъ на разныхъ дорогахъ и далеко отъ цѣли.

ДВА СТЕКЛА.

Одно стекло увеличивало, другое—уменьшало.

И первое стояло надъ каплею воды, и говорило другому стеклу:

— Страшныя, большія существа носятся и пожираютъ другъ друга.

Другое смотрѣло на улицу, и говорило:

— Маленькіе человѣчки мирно бесѣдуютъ, и проходятъ, все проходятъ...

Первое сказало:

— Мои остаются. Боюсь, что доберутся они и до человѣчковъ.

Но второе сказало:

— Человѣчки уйдутъ...

ЛАМПА И СПИЧКА.

На столѣ стояла лампа.

Съ нея сняли стекло; лампа увидѣла спичку, и сказала:

— Ты, малютка, подальше, я опасна, я сейчасъ загорюсь. Я зажигаюсь каждый вечеръ,—вѣдь безъ меня нельзя работать по вечерамъ.

— Каждый вечеръ!—сказала спичка,—зажигаться каждый вечеръ,—это ужасно!

— Почему же?—спросила лампа.

— Но вѣдь любить можно только однажды!—сказала спичка, вспыхнула,—и умерла.

КАПЛЯ И ПЫЛИНКА

Капля падала въ дождѣ, пылинка лежала на землѣ.

Капля хотѣла соединиться съ существомъ твердымъ,—надоѣло ей свободно плавать.

Съ пылинкою соединилась она,—и легла на землю комкомъ грязи.

ТА САМАЯ.

Шелъ поѣздъ, и шелъ все въ одну сторону. И былъ тамъ пассажиръ, который долженъ былъ выйти на той самой станціи, гдѣ ждали его лошади и друзья.

Пассажиръ былъ нетерпѣливый, на каждой станціи выходилъ и спрашивалъ:

— Это—та самая станція?

А ему отвѣчали:

— Нѣтъ, еще не та.

И, наконецъ, онъ заснулъ въ вагонѣ. Спалъ долго, видѣлъ очень пріятные сны.

Вдругъ проснулся, а поѣздъ стоитъ. Пассажиръ побѣжалъ на платформу, спрашиваетъ:

— Это—та самая станція?

А ему отвѣчаютъ:

— Нѣтъ, ужъ не та.

И скоро поѣздъ пошелъ дальше, а пассажиръ сидѣлъ въ вагонѣ, и плакалъ.

РАВЕНСТВО.

Большая рыба догнала малую, и хотѣла проглотить. Малая рыба запищала:

— Это несправедливо. Я тоже хочу жить. Всѣ рыбы равны передъ закономъ.

Большая рыба отвѣтила:

— Что жъ, я и не спорю, что мы равны. Коли не хочешь, чтобъ я тебя съѣла, такъ ты, пожалуй, глотай меня на здоровье,—глотай, ничего, не сомнѣвайся, я не спорю.

Малая рыбка примѣрилась, туда-сюда, не можетъ проглотить большую рыбу.

Вздохнула, и говоритъ:

— Твоя взяла,—глотай!

ХРЫЧЪ ДА ХРЫЧЕВКА.

Жили-были хрычъ да хрычевка.

Жилъ хрычъ пятьсотъ лѣтъ, хрычевка—четыреста.

Получалъ хрычъ большую пенсію, и отдавалъ ее хрычевкѣ на расходы.

Хрычъ носилъ фуфайку на тѣлѣ, хрычевка чернила волосы фиксатуаромъ.

Хрычъ нюхалъ табачекъ, и ходилъ въ баню париться, — хрычевка ѣла конфетки, и ходила въ русскую оперу.

Пошелъ разъ хрычъ въ баню, парился, парился, запарился, умеръ на полкѣ.

Пошла хрычевка въ оперу, вызывала пѣвца, кричала, кричала, закричалась, умерла на галеркѣ.

Схоронили хрыча да хрычевку.

Тужить не о чемъ: будутъ хрычи, будутъ и хрычевки.

САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ЛИСТЬЯ.

Сидѣли листья на вѣткѣ, на прочныхъ черешкахъ, и скучали. Очень непріятно: птицы летаютъ, коники бѣгаютъ, тучи носятся,—а тутъ сиди на вѣткѣ. Качались листья, старались оторваться. Они говорили другъ другу:

— Мы можемъ жить самостоятельно. Мы созрѣли. Не все-же намъ быть подъ опекою, сидѣть на этой глупой старой вѣткѣ.

Качались, качались, оторвались, наконецъ, упали на землю, и увяли. Пришелъ садовникъ, вымелъ ихъ съ соромъ.

ОДЕЖДЫ ЛИЛІИ И КАПУСТНЫЯ ОДЕЖКИ.

Въ саду на куртинѣ росла лилія. Она была бѣлая съ краснымъ, красивая и гордая.

Она тихо говорила пролетавшему надъ нею вѣтру:

— Ты осторожнѣе. Я—царственная лилія, и самъ Соломонъ премудрый не одѣвался такъ пышно и красиво, какъ я.

Неподалеку, въ огородѣ, росла капуста.

Она услышала лилейныя слова, засмѣялась, и сказала:

— Этотъ старый Соломонъ былъ, по-моему, просто санкюлотъ. Какъ они одѣвались, эти древніе? Прикроютъ кое-какъ наготу халатомъ, да и воображаютъ, что вырядились по самой лучшей модѣ. А вотъ я выучила людей одѣваться, ужъ могу себѣ чести приписать: на голышку-кочерыжку первую покрышку, рубашку, на рубашку стяжку, на стяжку подъ-одежку, на нее застежку, на застежку одежку, на одежку застежку, на застежку пряжку, на пряжку опять рубашку, одежку, застежку, рубашку, пряжку, съ боковъ покрышку, сверху покрышку, снизу покрышку, не видать кочерыжку. Тепло и прилично.

ЗЛАЯ ГАДИНА, СОЛНЦЕ И ТРУБА.

Забралась въ домъ злая гадина, людей покусала и повыгнала, углы запакостила и осталась жить: понравилось ей въ домѣ.

Люди плакали, да ничего не могли сдѣлать.

Сказало имъ солнце:

— Я вамъ помогу. Злая гадина боится свѣта.

И послало въ окна дома свои лучи. Злая гадина зашипѣла, закрыла всѣ окна черными ставнями, и ужъ ни одинъ солнечный лучъ не могъ войти въ домъ. А которые попали, тѣ умерли.

Тогда сказала труба:

— Солнце не помогло, дай-ка я попытаюсь помочь. Злая гадина любитъ тишину, и не выноситъ звука.

И труба затрубила во всю мочь.

Сквозь черные ставни, сквозь толстыя стѣны пробились трубные звуки.

Зашипѣла злая гадина, уползла.

Люди вошли въ домъ.

Только долго еще оставался въ домѣ скверный духъ отъ злой гадины.

МУХОМОРЪ ВЪ НАЧАЛЬНИКАХЪ

Жилъ на свѣтѣ мухоморъ.

Онъ былъ хитрый и зналъ, какъ устроиться получше: поступилъ въ чиновники, служилъ долго, и сдѣлался начальникомъ.

Люди знали, что онъ не человѣкъ, а просто старый грибъ, да и то поганый, но должны были его слушаться.

Мухоморъ ворчалъ, брюзжалъ, злился, брызгалъ слюною, и портилъ всѣ бумаги.

Вотъ одинъ разъ случилось, когда мухоморъ выходилъ изъ своей кареты, подбѣжалъ къ тому мѣсту босой мальчишка, и закричалъ:

— Батюшки, какой большой мухоморъ, да какой поганый!

Городовой хотѣлъ дать ему подзатыльника, да промахнулся.

А босой мальчишка схватилъ мухомора, и такъ швырнулъ его въ стѣну, что мухоморъ тутъ и разсыпался.

Босого мальчишку высѣкли,—нельзя же прощать такія шалости,—а только всѣ въ томъ городѣ были очень рады.

И даже одинъ глупый человѣкъ далъ босому мальчишкѣ на пряники.

СКАЗКИ НА ГРЯДКАХЪ И СКАЗКИ ВО ДВОРЦѢ.

Былъ садъ, гдѣ на грядкахъ вдоль дорожекъ росли сказки.

Разныя тамъ росли сказки, бѣлыя, красныя, синія, лиловыя, желтыя,—иныя сказки пахли сладко, другія хоть и не пахли, да за то были очень красивыя.

Былъ сынишка у садовника; онъ каждое утро подолгу любовался этими сказками.

Онъ вызналъ ихъ всѣ, и часто разсказывалъ своимъ товарищамъ на улицѣ: въ этотъ садъ простыхъ дѣтей не пускали, потому что это былъ садъ великой царицы.

Разсказали дѣти про сказки на грядкахъ своимъ мамкамъ да тятькамъ, тѣ своимъ знакомымъ,—дальше, больше. Узнала и царица, что у нея въ саду растутъ сказки. Она захотѣла ихъ увидѣть.

И вотъ одинъ разъ утромъ садовникъ нарѣзалъ много сказокъ, собралъ ихъ въ красивый и пышный букетъ, и послалъ во дворецъ.

Плакалъ садовниковъ сынишка, зачѣмъ рѣжутъ сказки, да его не слушали.

Мало-ли кто о чемъ заплачетъ!

Увидѣла царица сказки, удивилась и сказала:

— Что же въ нихъ интереснаго? Какія это сказки? Это самые простые цвѣты.

И выбросили на дворъ бѣдныя сказки, а сынишку садовника больно высѣкли, чтобы не говорилъ глупостей.

ПОЖЕЛТѢВШІЙ БЕРЕЗОВЫЙ ЛИСТЪ, КАПЛЯ И НИЖНЕЕ НЕБО.

Капля упала съ неба прямо на березовый листъ. Это была испуганная и дрожащая капля,—и березовый листъ пожалѣлъ ее.

— Отчего ты дрожишь?—спросилъ онъ.

— Я совсѣмъ не того ожидала,—сказала капля,—мнѣ сказали, что и внизу такое-же небо, какъ наверху.

— Здѣсь нѣтъ никакого неба, да никогда и не было,—отвѣтилъ березовый листъ.—Небо всегда бываетъ наверху, а внизу земля, камни и наши корни.

— Мнѣ страшно,—сказала капля,—я ошиблась.

— Ничего, не бойся,—утѣшалъ ее березовый листъ.—Будемъ жить вмѣстѣ, ужъ я не дамъ тебя въ обиду.

Капля приникла къ березовому листу. Уже они готовы были сочетаться навѣки. Но вдругъ капля услышала шумъ листьевъ, и вся радостно задрожала.

— Послушай,—сказала она,—вонъ тамъ внизу я слышу, какъ листья колышатся и шепчутъ: нижнее небо, нижнее небо.

— Какія глупости!—съ досадою сказалъ березовый листъ,—я же тебѣ говорю, что никакого нѣтъ нижняго неба.

Но капля сорвалась, и упала внизъ, а листъ пожелтѣлъ съ горя: онъ успѣлъ влюбиться въ каплю.

ТРИ ПЛЕВКА.

Шелъ человѣкъ, и плюнулъ трижды.

Онъ ушелъ, плевки остались.

И сказалъ одинъ плевокъ:

— Мы здѣсь, а человѣка нѣтъ.

И другой сказалъ:

— Онъ ушелъ.

И третій:

— Онъ только затѣмъ и приходилъ, чтобы насъ посадить здѣсь. Мы—цѣль жизни человѣка Онъ ушелъ, а мы остались.

НЕБЕСНЫЕ СПЛЕТНИКИ.

Солнце, луна и звѣзды круглыя сутки подглядывали, что дѣлаетъ человѣкъ, и все разсказывали Великому Господину Высотъ, — а онъ людей за все наказывалъ.

Было это въ той странѣ, гдѣ живутъ краснокожіе.

И вотъ пошелъ красный мальчикъ въ горы.

Шелъ долго. Пришелъ къ Великому Господину. Говоритъ:

— Охота тебѣ слушать всѣхъ этихъ сплетниковъ, что шляются по небу. И тебѣ безпокойство, да и намъ очень круто.

Засмѣялся Великій Господинъ Высотъ, и создалъ тучи.

Полегче стало людямъ: не все видятъ небесные соглядатаи, не о всемъ сплетничаютъ Великому Господину Высотъ.

КУКУШКИНЪ ФЛИРТЪ.

У одной Кукушки птенцы воспитывались на казенный счетъ въ Воздушномъ кадетскомъ корпусѣ, а сама Кукушка занималась флиртомъ, съ тремя птицами разомъ: Дятломъ, Филиномъ и Дроздомъ.

Дятелъ былъ настойчивъ и положителенъ, Филинъ — созидецъ, и онъ любилъ уединенную жизнь и ночныя поэтическія прогулки; оба были скромные.

Дроздъ-же блисталъ свѣтскими талантами, былъ тщеславенъ, завидовалъ Соловью, любилъ прихвастнуть, — и расщелкалъ про свои любовныя похожденія. Положимъ, по секрету, — компаніи молодыхъ Воробьевъ, но тѣ разболтали по всему лѣсу.

Всѣ птицы были возмущены такимъ безстыднымъ поведеніемъ Кукушки, и рѣшили съ нею не кланяться.

Тогда Кукушка прилетѣла къ старому Воробью, призналась ему въ любви, и сказала:

— А съ тѣми тремя я занимаюсь такъ только, для отвода глазъ, чтобы ваша старая Воробьиха не узнала, а также для упражненія, чтобы не быть вамъ скучною.

Старый Воробей сказалъ:

— Это другое дѣло.

И увѣрилъ всѣхъ птицъ, что на Кукушку наклеветали.

Такъ возстановила Кукушка свою честь.

СДѢЛАЛСЯ ЛУЧШЕ.

Много всякихъ мальчиковъ есть на свѣтѣ, хорошихъ и худыхъ.

Вотъ жили-были два мальчика,—хорошій и шалунъ. Пришелъ къ нимъ однажды волшебникъ, дядя Получше. И спросилъ ихъ:

— Хотите быть лучше?

Хорошій мальчикъ сказалъ:

— Хочу быть лучше, милый дяденька,—хорошему вездѣ хорошо.

А шалунъ сказалъ:

— А мнѣ, дядя, не требуется, я и такъ хорошъ. Съ большого-то хорошества какъ-бы ротъ звѣваючи не разорвать.

Дядя Получше сказалъ:

— Ну и оставайся шалунъ. А ты, хорошій мальчикъ, ужъ такимъ станешь сладкимъ, что всѣмъ на диво.

И ушелъ. И сдѣлался хорошій мальчикъ такимъ сладкимъ, что изъ него патока потекла. Ужъ ему и не рады были,—куда не придетъ, вездѣ своей патокою напачкаетъ. И мама сердилась.

5*

— На твои, — говоритъ, сладости бѣлья не напасешься. Ужъ лучше-бы ты въ хулиганы пошелъ.

А хорошему мальчику нравилось патоку изъ себя точить. Такъ онъ и остался. Выросъ, угождаетъ: изъ бумаги фунтики дѣлаетъ, въ фунтики патоку точитъ, нужнымъ людямъ подноситъ.

СТАЛЪ МАЛЕНЬКИМЪ.

Купилъ одинъ человѣкъ землицу и домикъ. Землица — шагнулъ разъ, шагнулъ два — да и въ загородку стукнулся. Домикъ — войти хочешь, нагнись.

Неловко было человѣку.

Сказалъ ему старый воробей:

— А ты бы сталъ поменьше.

А человѣкъ отвѣчаетъ ему очень разсудительно:

— И радъ бы, да какъ станешь меньше, коли съ коломенскую версту выросъ.

— А ты сходи въ аптеку къ нѣмцу, — сказалъ старый воробей, — пошепчись съ нимъ по секрету, и сунь ему барашка въ бумажкѣ, — онъ тебѣ уменьшительныхъ капель изъ-подъ микроскопа дастъ, ты малюсенькій будешь.

Человѣкъ обрадовался, сдѣлалъ все, какъ велѣлъ ему старый воробей, — и сталъ такимъ маленькимъ, какъ оловянный солдатикъ.

Пріѣхалъ въ свой домикъ, на свою землицу, — и все стало ему впору.

Домъ сталъ большой, большой, — въ каждой каморкѣ можно танцовать кадриль въ семь тысячъ паръ, такъ что человѣкъ разгородилъ свой домикъ, и сталъ сда-

вать другимъ человѣчкамъ, чтобы получить отъ малаго своего достатка большую себѣ выгоду.

Землица тоже стала громадная такая, что пойдетъ человѣчекъ гулять, кругомъ обойдетъ, — упарится съ устатку. И землицу накрошилъ человѣчекъ, дачки-конурки построилъ, сталъ сдавать, не малыя деньги брать. Деньги беретъ, въ банкъ носитъ, процентъ ему идетъ, богатѣетъ-жирѣетъ человѣчекъ.

Но прилетѣла тутъ большая ворона, ухватила человѣчка за воротъ, потащила къ себѣ въ гнѣздо, дѣтенышамъ на прокормъ. Спокаялся человѣчекъ, что стараго воробья послушался, да ужъ поздно.

Старый-то воробей, можетъ быть, нарочно все это одно къ одному подвелъ.

ЗОЛОТОЙ КОЛЪ.

Мальчикъ Вова разсердился на папу. Говоритъ Вова нянѣ:

— Какъ только выросту, поступлю въ генералы, приду къ папиному дому съ пушкой, папу въ плѣнъ возьму, и на колъ посажу.

А папа тутъ какъ тутъ, и говоритъ:

— Ахъ ты, злой мальчикъ! Какъ же это ты папу на колъ хочешь посадить? Вѣдь папѣ больно будетъ.

Вова испугался, да и говоритъ:

— Такъ вѣдь это, папа, будетъ колъ золотой, и съ надписью: за храбрость.

БУДУЩІЕ.

Никто не знаетъ, что будетъ.

Но есть мѣсто, гдѣ будущее просвѣчиваетъ сквозь лазурную ткань желанія. Это мѣсто, гдѣ покоятся еще нерожденные. Тамъ отрадно, покойно, свѣжо. Нѣтъ печали, и вмѣсто воздуха разлита атмосфера чистой радости, въ которой легко дышется нерожденнымъ.

И никто не уходитъ изъ этой страны, пока не захочетъ.

Были тамъ четыре души, которыя въ одинъ и тотъ же мигъ захотѣли родиться на нашей землѣ.

И въ лазурномъ туманѣ желаній явились имъ наши четыре стихіи.

И сказалъ одинъ изъ будущихъ:

— Я люблю землю, мягкую, теплую, твердую.

И другой:

— Я люблю воду, вѣчно падающую, прохладную, прозрачную.

И третій:

— Я люблю огонь, веселый, свѣтлый, очищающій.

И четвертый:

— Я люблю воздухъ, стремящійся вширь и ввысь, легкій воздухъ жизни.

И такъ сбылось.

Сталъ первый рудокопомъ,—и на работѣ обвалилась шахта, и засыпала его.

И второй лилъ слезы, какъ воду, и, наконецъ, утонился.

И третій сгорѣлъ въ пылающемъ домѣ.

И четвертаго повѣсили.

Невинныя, чистыя стихіи... Неразуміе хотящихъ...

О, отрадное мѣсто небытія, зачѣмъ изъ тебя уводитъ Воля!

СКЛАДЪ ДИВЪ-ДИВНЫХЪ И ХОРОШІЙ МАЛЬЧИКЪ.

Хорошаго мальчика отпустили папа съ мамою на два часа погулять.

Онъ и пошелъ.

Шелъ, шелъ, зашелъ въ невѣдомую страну.

Видитъ,—стоитъ домъ, въ домѣ сложены дива-дивныя, а у дома сидитъ старая карга.

Онъ съ нею поздоровался по-хорошему: лѣвою ножкою шаркнулъ, правою ручкою шапочку приподнялъ, причесанною головкою поклонился.

Каргѣ эти штуки понравились.

Она ему и говоритъ:

— Иди въ домъ, хорошій мальчикъ, я подарю тебѣ то, что тебѣ приглянется.

Хорошій мальчикъ обрадовался, и пошелъ за каргою. Показала ему карга коверъ-самолетъ. Понравился онъ хорошему мальчику.

— Это,—говоритъ,—хорошо, что онъ самъ летаетъ.

— Да,—сказала карга,—самъ летитъ, выше дерева стоячаго, ниже облака ходячаго.

Тутъ хорошій мальчикъ пріужаснулся, говоритъ:

— Не люблю я такъ высоко заноситься. Мнѣ бы хотѣлось въ Парижъ слетать, на Ротшильда посмотрѣть.

А карга и говоритъ:

— Онъ въ такія близкія мѣста и вниманія не возьметъ безпокоиться. Ужъ онъ не полетитъ ближе, какъ за тридевять земель, въ тридесятое государство, гдѣ Царь-Дѣвица живетъ.

И не захотѣлъ хорошій мальчикъ ковра-самолета.

— Вотъ мнѣ эта красная шапочка больше нравится, — говоритъ.

А карга ему объясняетъ:

— Это шапка-невидимка. Какъ надѣнешь на себя, да задомъ напередъ повернешь, такъ тебя никто и не увидитъ.

И это не понравилось мальчику.

— Я, — говоритъ, — не хочу прятаться. Я — хорошій мальчикъ, и на меня папа, мама и всѣ знакомые любуются, и гостинцевъ даютъ, — такъ мнѣ даже невыгодно такую шапку носить.

— Ну, возьми скатерть-самобранку, — сказала карга. — Какого кушанья ни попросишь, она тебѣ всего сейчасъ сама поставитъ.

Обрадовался хорошій мальчикъ, кричитъ:

— Скатерть-самобранка, раскрывайся, подавай мнѣ двѣ порціи кремъ-брюле.

Зашевелилась скатерть, затряслась, точно отъ смѣха. Да и карга засмѣялась, говоритъ:

— Порціи, хорошій мальчикъ захотѣлъ, такъ на это есть вичка-самодралка, вотъ ужъ она къ тебѣ подбирается.

Испугался хорошій мальчикъ, скорѣе давай Богъ ноги.

Такъ ничего и не выбралъ.

За то домой пришелъ во-время, папа съ мамою его похвалили, и дали ему послѣ обѣда двѣ порціи мороженаго.

ОНИ.

Мы могли бы ихъ увидѣть, если бы захотѣли, хотя они совсѣмъ не такіе, какъ мы, и почти не замѣчаютъ насъ. И что имъ до насъ!

Одинъ разъ я увидѣлъ его.

Былъ вечеръ, и я былъ вмѣстѣ съ моею тоскою въ безмолвныхъ объятіяхъ моихъ стѣнъ.

Минуты горѣли, потому что я не умѣлъ еще погасить сожигающаго ихъ пламени.

И мечта моя билась въ изнеможеніи на желтыхъ и блестящихъ доскахъ моего пола.

Предметы предстояли мнѣ, и я имъ вѣрилъ.

И было краткое мгновеніе...

О, если бы я умѣлъ найти слова о немъ!

Все призрачное, все привычное озарилось его свѣтомъ, отошло отъ моего вниманія, — и на меня упалъ его несказанный взоръ.

И отвѣчая на мой ужасъ, онъ сказалъ мнѣ только:

— Не бойся.

И опять настало время, и предметы снова очаровали меня.

ПАЛОЧКА ПОГОНЯЛОЧКА И ШАПОЧКА МНОГО-ДУМОЧКА.

Одному хорошему мальчику тетя подарила палочку погонялочку.

— Съ этою, - говоритъ, палочкой ты далеко уйдешь, въ люди выйдешь. Только не лѣнись. Какъ тебѣ что понадобится сдѣлать, такъ ты сейчасъ палочку - погонялочку скричи: палочка-погонялочка, прибавь мнѣ ума-разума.

Вотъ съ тѣхъ поръ, что ни понадобится хорошему мальчику, зададутъ-ли ему трудный урокъ, пошлютъ-ли его куда что купить или принести,—сейчасъ онъ и кричитъ:

— Палочка-погонялочка, прибавь мнѣ ума-разума.

И палочка-погонялочка тутъ, какъ тутъ, начнетъ хорошаго мальчика подгонять, такъ что у него откуда ноги берутся, бѣжитъ, земля дрожитъ, пятки сверкаютъ. А коли урокъ учить надо, такъ опять у палочки-погонялочки своя и на это сноровка: чуть хорошій мальчикъ зѣвнетъ или потянется, сейчасъ она его охаживать примется, мигомъ лѣнь, какъ рукою, сниметъ.

И сталъ хорошій мальчикъ на диво послушный, да прилежный. Папа, мама, дяди и тети, дѣдушки и бабушки имъ не нахвалятся. И самому хорошему маль-

чику сначала такая сноровка нравилась: извѣстно, дитя малое, неразумное; ему палочка-погонялочка спину бьетъ, а онъ себѣ смѣется и очень весело заливается, хохочетъ. Забавно глупышу, а кожа молодая, да и своя, не купленная.

Только вотъ видитъ онъ, что кожа то у него вся въ синякахъ. Пойдетъ-ли купаться,—сосѣдніе ребята смѣются.

— Опять,— говорятъ,—тебя твоя палочка-погонялочка исполосовала.

— За то,—говоритъ хорошій мальчикъ,—я всякій урокъ выучить могу, и всякую посылку снесу безъ сомнѣнія.

И опять ребята смѣются:

— Уроки,—говорятъ,—ты учишь, а какую тебѣ за то награду даютъ?

—Книжку съ картинками, да въ красномъ переплетѣ, да съ золотыми буквами,— говоритъ хорошій мальчикъ.

А ребята ему отвѣчаютъ, и такъ убѣдительно:

— Такія-то книжки и у насъ есть, да только тебѣ книжку даютъ съ поддѣлкою: середка-то у нея вся выдрана,—самое замѣчательное мѣсто мыши съѣли.

Посмотрѣлъ, посравнилъ хорошій мальчикъ, видитъ: и вправду у ребятъ книжки настоящія, въ полномъ составѣ, а у него вмѣсто книжки мышиный огрызокъ. И стало хорошему мальчику досадно.

Ну, думаетъ, побѣгу я въ чужіе края, узнаю тамъ, какъ мнѣ безъ палочки-погонялочки, да еще того лучше прожить.

Побѣжалъ хорошій мальчикъ за море далеко, а палочка-погонялочка его гонитъ, поколачиваетъ. Бѣжитъ

хорошій мальчикъ, плачетъ. Добѣжалъ хорошій мальчикъ до избушки на курьихъ ножкахъ. Вышла оттуда Баба-Яга, костяная нога, спина глиняная. Спрашиваетъ:

— Хорошій мальчикъ, куда путь-дороженьку держишь? За чѣмъ такъ проворно поспѣваешь?

Обсказалъ ей мальчикъ все свое дѣло. Баба-Яга ему и говоритъ:

— А ты, дурачекъ, палочку-погонялочку сломай, а надѣнь на себя вотъ эту шапочку-многодумочку.

И дала ему Баба-Яга шапочку-многодумочку.

И какъ только надѣлъ ее на себя хорошій мальчикъ, такъ зарадовался и сказалъ:

— Шапочка-многодумочка лучше палочки-погонялочки.

И сломалъ палочку-погонялочку.

Вернулся хорошій мальчикъ домой, и сталъ жить-поживать по-хорошему, не колоченный. А какъ надо ему что трудное сдѣлать, сейчасъ онъ шапочку-многодумочку надѣнетъ, и всѣ свои дѣла очень хорошо разсудитъ.

Люди добрые, сломайте-ка палочку-погонялочку, надѣвайте шапочку-многодумочку.

НЕТОПЛЕННЫЯ ПЕЧИ.

Въ одномъ домѣ были холодныя печи. Ихъ не топили, потому что боялись пожара. Хозяйка была скупая. Она говорила:

— Стѣнка есть, потолокъ да крышка есть, полъ есть, двери войлокомъ околочены, въ окна зимнія рамы вставлены, щели въ нихъ забиты паклей, замазаны замазкой, и закрашены краской. Холоднаго воздушку не дунетъ, наружной вѣтриночки не вѣнетъ. Чего же вамъ больше?

Хозяйкины дѣти, глупыши малые, ее просили:

— Ты бы намъ, мама, въ дѣтской хоть когда-когда печечку вытопила, а то ужъ больно зябко: зубъ на губъ не попадаетъ.

А скупая хозяйка имъ отвѣчаетъ весьма равнодушно и съ такою ласковою усмѣшечкою:

— И, полно, глупенькіе, какая вамъ печечка? Ваше дѣло молодое,—стерпится. Вы воздушку не шевелите, вѣтру не дѣлайте, сидите себѣ смирнехонько да скром-

6

нехонько, другъ къ дружкѣ покрѣпче прижмитесь, другъ о дружку грѣйтесь, вотъ зиму то и перетерпите. А тамъ, можетъ быть, и весна придетъ, такъ я васъ на травку выпущу. А дрова то въ печкѣ жечь, зря денежки въ трубу выпускать, дымомъ воронамъ носы коптить,— нѣтъ, милыя, этого у меня въ домѣ, пока я жива, не будетъ, и вы эти несбыточныя мечтанія оставьте.

Сама лисью шубу на себя накрутила, ковровыхъ платковъ на голову наслоила, ноги въ теплые чулки да въ мѣховые сапоги обула,—ходитъ да на дѣтокъ покрикиваетъ.

— Мнѣ,—говоритъ,—очень даже тепло.

Ну, а ребятишки, извѣстно, дѣтскимъ дѣломъ, одѣты тоненько да легонько. Да и пуговки у нихъ многія поотрывались, да и прорѣшекъ не мало понакопилось. Дрожатъ отъ стужи, зубами щелкаютъ, иной разъ и всплачутъ.

Только одинъ разъ старшій мальчикъ придумалъ такое дѣло:

— Что,—говоритъ,—намъ стынуть! Этакъ вся у насъ душа вымерзнетъ. Весна придетъ, а отъ насъ одни трупики останутся. Поломаемъ-ка мы столы да стулья, положимъ ихъ въ печку, погрѣемся.

— Мама забранится,—сказали дѣвочки.—Какъ бы не поколотила!

Но ужъ такъ зазябли ребятишки, что долго думать не стали,—всѣ свои столы и стулья поломали, и въ печь положили. Печку топятъ, огонь весело горитъ, ребята отъ радости смѣются, и промежъ себя говорятъ:

— Позовемъ и маму погрѣться.

ЛИШНЯЯ ВЕРЕВОЧКИ.

У одного мальчика мама была строгая, и папа былъ строгій. Какъ папа или мама увидятъ своего мальчика, такъ сейчасъ и закричатъ на него:

— Не шали! Какъ ты смѣешь шалить, скверный мальчишка! Тишину и порядокъ нарушаешь.

Ну, а мальчикъ, извѣстно, ребячьимъ дѣломъ, безъ шалостей не могъ прожить. Онъ бы и радъ не огорчать папашу и мамашу, да никакъ не могъ удержаться: нѣтъ, нѣтъ, да и нашалитъ.

Вотъ однажды папа съ мамою и сказали:

— Слова на тебя не дѣйствуютъ, такъ мы перейдемъ къ дѣлу. Мы тебя скрутимъ,—ты у насъ позабудешь, какъ шалятъ.

Хорошо,—сказано, сдѣлано. Связали мальчику руки веревочкою такъ, чтобы добрыя слова писать онъ могъ, а на дерзкія слова чтобы у него не было размаха; поноски для папаши съ мамашею носить можно, а въ барабанъ бить нельзя. Связали ему ноги,—ходить тихохонько можно, а ужъ побѣжать, — нѣтъ, братъ,

шалишь, не побѣжишь. На лицо надѣли хорошенькій намордничекъ, — манную кашку кушать можно, а кусаться и думать не моги. Къ спинѣ привязали палку, чтобы мальчикъ прямо держался, по формѣ. Ну, такъ скрутили мальчика, что просто бѣда. Не можетъ мальчикъ и шага лишняго сдѣлать. И сталъ мальчикъ скучный, все плакалъ потихоньку. А папа съ мамою говорили:

— Плачь, плачь,—видишь, какъ нехорошо шалить. Мы тебѣ раньше довѣряли, а теперь ужъ ты потерялъ право на довѣріе. Самъ на себя пеняй.

Бродитъ тихонечко мальчикъ, а сосѣдскіе ребята надъ нимъ смѣются. А у мальчика папа и мама были строгіе, но глупые. Они сначала радовались, что сосѣди надъ мальчикомъ смѣются. И сами мальчика стыдили.

— Видишь,—говорятъ,—всѣ надъ тобою смѣются.

Только одинъ разъ, когда они спали, кто-то разбилъ имъ стекло въ окнѣ. Бросили съ улицы камень, а на камнѣ бумажка привязана, а на бумажкѣ написано очень крупными буквами: „Это вамъ за то, что вашего мальчика обижаете".

Папа съ мамою прочитали бумажку по складамъ, шибко разсердились, своего мальчика наказали, городовому пожаловались,—только городовой ничего не могъ сдѣлать. Окрутили папа и мама мальчика еще новыми веревочками,—даже и тамъ второй разъ связали, гдѣ уже и раньше было связано, и легли спать,—сами поѣли, а мальчикъ безъ ужина, но привязанный къ своей кроваткѣ для спокойствія и безопасности, и чтобы на стѣну не полѣзъ.

Только имъ въ эту ночь и второе стекло камнемъ

высадили, и на камнѣ опять бумажка была, а на бумажкѣ написано: „И всѣ стекла высадимъ, если мальчика обижать станете“.

Тогда папа съ мамою струсили, пошли ко всѣмъ сосѣдямъ, и вездѣ объявили:

— Мы съ нашего мальчика излишнія веревочки снимемъ.

Сняли съ мальчика половину веревочекъ, — тѣ, что лишнія были навязаны, — и легли спать спокойно, — колпаки надѣли, и снятъ, думаютъ, — никто ихъ не тронетъ.

ИДОЛЪ И ПЕРЕИДОЛЪ.

Сошлись на улицѣ двое мальчишекъ, и ну переругиваться. Сперва ругались, потомъ одинъ передъ другимъ выхваляться стали. Одинъ говоритъ:

— У меня мамка пьяная распьяная лежитъ на полу, и послѣдними словами ругается.

А другой говоритъ:

— А у меня и вовсе мамки нѣтъ,—я изъ банной сырости завелся.

— Эка невидаль!—говоритъ первый,—я своихъ боговъ продалъ, деньги пропилъ.

— Важное кушанье! —отвѣчаетъ другой—и я боговъ продалъ, а на тѣ деньги идола купилъ.

— А я у сосѣда переидола укралъ.

— Мой идолъ большой, деревянный,—я тебѣ имъ голову проломлю.

— А у меня переидолъ желѣзный,—махну, ты у меня разлетишься.

Принесли они идола и переидола: идолъ—оглобля, переидолъ—ломъ желѣзный. Стали драться. Кровь течетъ, башки трещатъ, а они знай себѣ дерутся. Понравилось.

ХАРЯ И КУЛАКЪ.

Сидѣла въ избѣ харя, и глядѣла на улицу. Сидитъ глядитъ,—мухи дохнутъ, молоко киснетъ.

Шелъ мимо кулакъ. Понравилась ему харя. Онъ и говоритъ:

— Харя, а харя, иди за меня замужъ.

А харя ему отвѣчаетъ:

— Пошла бы я за тебя замужъ, а только вы, мужчины, коварные измѣнщики. Промѣняешь ты меня на прекрасную Алену, а я буду самая разнесчастная.

Кулакъ отвѣчаетъ:

— Не бось, я эту Алену сокрушу, ты мнѣ только дай ея адресъ.

Харя очень обрадовалась, заставила кулака побожиться, что онъ не обманетъ, и дала ему Аленинъ адресъ. Пошелъ кулакъ къ Аленѣ прекрасной, нашелъ Алену прекрасную по адресу, и своимъ глазамъ не вѣритъ. Спрашиваетъ:

— Ты Алена прекрасная?

Алена смѣется, говоритъ:

— Я сама и есть.

Плюнулъ кулакъ, говоритъ:

— Ни кожи, ни рожи, ни видѣнья. Не хочу о тебя и руки пачкать.

Пошелъ къ харѣ. Поженились. Кажинный Божій день дерутся. Все харя кулака къ Аленѣ ревнуетъ.

ЗАСТРАХОВАННЫЙ ГРИБЪ.

Одинъ грибъ застраховался. Съѣздилъ въ столичный городъ, заплатилъ, сколько потребовалось, на все лѣто застраховался, и вернулся въ свой лѣсъ. На шляпку ему дощечку малую гвоздиками приколотили, а на дощечкѣ надпись, очень явственно обозначаетъ: Страховое общество Россія. Стоитъ грибъ, и кичится. Отъ всѣхъ грибовъ ему большое почтеніе.

Пришли въ тотъ лѣсъ коровы. Траву ѣдятъ, грибами лакомятся, сами кутасами побрякиваютъ да хвостами помахиваютъ, оводовъ отгоняютъ. Очень хорошо себя чувствуютъ. Какъ генералы на дачѣ. А какъ подойдутъ къ застрахованному грибу, такъ сейчасъ у нихъ на душѣ неспокойно становится, и онѣ поскорѣе назадъ.

— Его,—говорятъ,—нельзя ѣсть. Онъ,—говорятъ,—заштрахованъ. Отъ него,—говорятъ,—надо подальше, а то еще невзначай ногой на него ступишь, бѣды не оберешься.

Но вотъ подошла одна корова, хочется ей этотъ грибъ съѣсть. Стоитъ и думаетъ:

— А что мнѣ будетъ, если я его стрескаю?

Спрашиваетъ другихъ коровъ:

— А гдѣ тутъ грибъ стоитъ заштрахованный?

Такой видъ изъ себя дѣлаетъ, будто бы сама не видитъ.

Показали.

— А какая,—спрашиваетъ,—на немъ штраховка?

— А вотъ,—говорятъ,—дощечка малая. Штука она маленькая, а сила въ ней большая.

Подумала корова, языкомъ дощечку малую лизнула, рогомъ подпихнула,—свалилась тутъ дощечка малая на гнилой пень.

— Ну,—говоритъ корова,—теперь штраховка на гнилой пень перешла. Нельзя теперь гнилой пень трогать,—онъ заштрахованный.

А другія коровы ей мычатъ въ отвѣтъ съ большимъ неудовольствіемъ:

— На что намъ гнилой пень? Намъ,—мычатъ,— гнилого пня не надо, намъ,—мычатъ,—грибовъ надобеть.

Но, пока онѣ такъ изъяснились на счетъ гнилого пня, корова, не будь дура, застрахованный-то грибъ и съѣла. Говоритъ:

— Заштраховался, да не крѣпко.

Съѣла, и пошла.

Ну, и ничего ей такъ и не было.

ХВАСТИ И ВѢСТИ.

Въ одномъ лѣсу жили хвасти. Маленькіе, грязненькіе, поганенькіе, какъ лишаи. На весь лѣсъ расширились, и хвастаютъ:

— Всѣ лѣса, всѣ поляны заберемъ подъ себя, и никто намъ не посмѣетъ противиться.

А въ сосѣднемъ лѣсу жили вѣсти. Тоже маленькія, только юркія, какъ ящерицы. Бѣгаютъ, шныряютъ вездѣ, гдѣ что дѣлается, сейчасъ вызнаютъ.

И вотъ вызнали вѣсти, что хотятъ хвасти ихъ завоевать. Собрали вѣсти, не долго думая, свое войско, пошли на хвастей, идутъ, не зѣваютъ.

Встрѣтились. Хвасти встали, растопырились, принялись хвастаться:

— Мы—такіе, сякіе, немазанные. Лучше насъ нѣтъ никого. Мы васъ поколотимъ, въ плѣнъ заберемъ, лѣсъ вашъ отвоюемъ.

Вѣсти говорятъ:

— Ну, что стоять, давайте драться.

А хвасти отвѣчають очень важно:

— Подождите, мы еще не все перехвастали. Мы хвасти, и сами очень хорошіе, и порядки у насъ за первый сортъ...

А тутъ вѣсти, не говоря худого слова, быстро на хвастей напали, расколотили ихъ на славу, и говорятъ:

— Ну, хвасти, битые, колоченные, по землѣ поволоченные, полно драться, давайте мириться, платите намъ выкупъ.

А хвасти говорятъ очень жалобно:

— Мы—хвасти, у насъ голыя пясти, платить вамъ выкупъ не изъ чего.

Но только вѣсти хвастямъ не повѣрили, карманы у хвастей повыворотили, большой себѣ выкупъ вытрясли.

Вернулись хвасти домой, сидятъ, пригорюнились, а все-таки хвастаютъ:

— Наши войски бились по-свойски, очень геройски. Боятся насъ вѣсти, не смѣютъ къ намъ въ лѣсъ лѣзти, насъ, хвастей, ѣсти.

БѢЛЫЕ, СѢРЫЕ, ЧЕРНЫЕ И КРАСНЫЕ.

Въ одномъ большомъ домѣ жилъ мальчикъ Кисынька. Папа и мама у него баловники были, на своего Кисыньку надышаться не могли,—и сталъ Кисынька капризнымъ мальчишкою. Все хочетъ сдѣлать по-своему. А такъ какъ онъ еще былъ малъ и глупъ, то и выходило все у него нехорошо. И все-то онъ капризничаетъ, все-то буянитъ, на маму ножкою топаетъ, стекла бьетъ, сестренокъ и братишекъ колотитъ, а то съ сосѣдскими мальчишками въ драку увяжется. Приходитъ въ синякахъ, реветъ, жалуется, а самъ не унимается.

И ужъ такой озорной сталъ мальчишка,—у сосѣдей стекла бьетъ, папѣ съ мамою платить приходится, а ему хоть бы что.

Вотъ и собрались за печкою Домашніе,—нежити малюсенькіе; они вмѣстѣ съ людьми всегда обитаютъ, только люди ихъ не всѣ примѣчаютъ. Не всякому тоже дано эти дѣла понимать.

Собрались маленькіе Домашніе, сидятъ, толкуютъ, шепчутся своими шелестиными голосочками, паутинными ручками помахиваютъ, незримыми головками потряхиваютъ:

— Надо Кисыньку образумить, а то выраститъ Кисынька большой шелопай, со глупа ума натворитъ бѣдовыхъ дѣлъ, осрамитъ на весь свѣтъ весь нашъ честной домъ.

Пошептались, да и порѣшили, — послать бѣлыхъ Кисыньку образумливать. Пошли къ Кисынькѣ бѣлые. Чистенькіе, веселенькіе, живыми водицами умытые, бѣлыми тканицами прикрытые, кудри свѣтлые развѣваются, губы алыя улыбаются. Стали Кисыньку улещивать ласково:

— Милый Кисынька, будь умникомъ, веди себя хорошенечко, папѣ, мамѣ не дерзи, малыхъ дѣточекъ не обижай, о себѣ много не думай. Мы тебѣ, голубчикъ, невиданныхъ игрушекъ надаримъ, коли ты паинькой будешь.

А Кисынька закричалъ:

— Убирайтесь, куклы тараканьи. Со всякой мелюзгой не стану разговаривать.

А самъ маминой кошечкѣ на хвостъ наступилъ.

Ушли отъ него бѣлые, пришли сѣрые. Всѣ словно пылью покрытые, сами кислые да сердитые. Говорятъ Кисынькѣ скучныя слова:

— Стыдно, Кисынька, капризничать да шалберничать. Людей бы ты постыдился, Бога бы ты побоялся. Папа съ мамой терпятъ, терпятъ, да и за прутъ возьмутся.

А онъ имъ кричитъ:

— Пошли къ чорту, не мѣшайте.

А самъ бабушкину собачку за окошко вышвырнулъ.

Ушли отъ него сѣрые. Пришли черные. Всѣ, какъ арапы черные, а глаза угольками горятъ. Кричатъ Кисынькѣ:

— Не смѣй шалить, а то будетъ худо.

А Кисынька имъ отвѣчаетъ:

— Вотъ нашалюсь, тогда и перестану.

Сабелькою помахиваетъ, лампадку опрокинулъ, деревяннымъ масломъ мамино любимое кресло измазалъ. Потомъ на полъ сѣлъ, сталъ спички чиркать и на коверъ бросать.

Тутъ черные ушли, пришли красные. Какъ съ цѣпи сорвались, кричатъ, визжатъ, бѣснуются. Зажженныя Кисынькины спички подхватываютъ, къ занавѣскамъ на окнахъ ихъ приставляютъ.

Начался тутъ пожаръ, весь домъ сгорѣлъ, и уже послѣ пожара вытащили Кисынькины обгорѣлыя косточки.

Плакали папа съ мамою, да поздно.

СПАТИНЬКИ

Жили были спатиньки, — сѣренькіе, маленькіе, все прячутся, сами высматриваютъ, кому спится, сладко дремлется.

Пошелъ Воля въ поле, гдѣ сушили сѣно. Повалился Волюшка на сѣно, лежитъ, ногами балуется, руками сѣно загребаетъ,—а спатиньки тутъ какъ тутъ. Одинъ спатинька сѣлъ Волюшкѣ на правый глазъ, другой спатинька сѣлъ Волюшкѣ на лѣвый глазъ,—закрылись глаза у Волюшки. Спитъ себѣ Воля, пріятные сны видитъ, — а спатиньки со всѣхъ сторонъ набѣжали, шалятъ, возятся, на Волю сѣно наворачиваютъ. Всего завалили, только Волино лицо на волѣ оставили.

Прискакали изъ лѣсу сѣрые волки. Хотятъ они Волюшку стрескать, ходятъ по сѣну, нюхаютъ, ищутъ. А только какъ сѣрый волкъ Волю нанюхаетъ, тотчасъ ему двое спатинекъ на глаза и усядутся,—завалится сѣрый волчище, захрапитъ на все поле.

Не знаю, чѣмъ бы дѣло у нихъ кончилось, — да пришла тутъ старая няня, на сѣрыхъ волковъ сердито цыкнула, Волюшку домой увела, дорогою нашлепала:

— Не спи, Воля, въ полѣ, лучше спатиньки дома.

ЧЕРЕМУХА И ВОНЮЧКА.

Росла черемуха, цвѣла и пахла. Шла мимо вонючка, носомъ покрутила, спрашиваетъ:

— Ты чего это, черемуха, пахнешь?

А черемуха ей отвѣчаетъ:

— Цвѣту, оттого и пахну.

Говоритъ вонючка очень сердито:

— Это мнѣ совсѣмъ не нравится, и очень даже смѣшно. Ужъ я ли не барыня, да и то воняю, а ты, простая черемуха, пахнуть вздумала.

— Такое ужъ мое сиротское дѣло, — говоритъ ей черемуха, — пахну, да и пахну, Богу во славу, людямъ во утѣшеніе, — а ты, барыня, ступай своею дорогою, воняй, сколько хочешь.

Вонючка распалилась гнѣвомъ, визжитъ поросячьимъ голосомъ:

— Не смѣй пахнуть, мужичка! Слушайся моего барскаго приказа!

Черемуха ей резоны представляетъ со всею политикою:

— Не могу я не пахнуть, сударыня-барыня, — ужъ такое дадено мнѣ свыше опредѣленіе,—хоть тресни, да пахни, крещеный людъ весели. А ты, сударыня-барыня, вонючее благородіе, иди себѣ подальше, коли тебѣ мой сиротскій духъ не нравится.

— А вотъ и не пойду!—кричитъ вонючка,—не могу позволить такихъ непорядковъ, буду стоять близко около, перевоняю тебя, окаянную черемуху.

Стоитъ подъ черемухою, да воняетъ,—что ты съ нею подѣлаешь!

Спасибо, шли мимо добрые люди. Сперва-то, не разобравъ того дѣла, черемуху обхаяли:

— Фу, —говорятъ, —какая черемуха противная! чѣмъ бы ей пахнуть по-хорошему, а она воняетъ поанаѳемски.

А потомъ, какъ увидѣли, въ чемъ тутъ причина, взяли зашибли вонючку толстою палкою, зацѣпили вонючку на желѣзный крюкъ, сволокли ее на помойную яму. Такъ вонючка и кончилась.

Гули.

Жили Гули, лили пули, ѣли дули. Сами ѣли, и сосѣдовъ потчевали. Очень имъ весело было.

Только ужъ такъ онѣ много пуль слили и дуль съѣли, что земля не стерпѣла, трястись начала. Пришелъ къ гулямъ Карачунъ, взялъ изъ на цугундеръ, снесъ ихъ къ чортовой бабушкѣ.

Чортова бабушка посадила ихъ на лавочку, угостила ихъ кашею изъ горючей смолы съ адскою сѣрою. Смоляную кашу съѣли гули, да и ножки протянули, очи закатили, сами застыли.

Повернула ихъ чортова бабушка въ чортовы куклы, отдала ихъ играть адовымъ голоштаннымъ ребятамъ. Ну, а тѣ, извѣстно, чертенята озорные, первымъ дѣломъ гулямъ головы поотрывали.

Такъ-то кончились гули.

СМЕРТЕРАДОСТНЫЙ ПОКОЙНИЧЕКЪ.

Былъ такой смертерадостный покойничекъ,—ходитъ себѣ по злачному мѣсту, зубы скалитъ, и очень весело радуется. Другіе покойники его унимать корить было стали, говорятъ:

— Ты бы лежалъ смирнехонько, ожидая Страшнаго Суда,—лежалъ бы, о грѣхахъ сокрушаяся

А онъ говоритъ:

— Чего мнѣ лежать,—я ничего не боюсь.

Ему говорятъ:

— Сколь много ты нагрѣшилъ на землѣ, все это разберутъ, и пошлютъ тебя въ тартарары, въ адскую треисподнюю, въ геенну огненную, на муки мученскія, на вѣки вѣчные,—смола тамъ будетъ кипучая кипѣть, огонь воспылаетъ неугасимый, а демоны-то, зѣло страховитые, будутъ мукамъ нашимъ радоваться.

А смертерадостный покойничекъ знай себѣ хохочетъ:

— Небось,—говоритъ,—меня этимъ не испугаешь,—я – рассейскій.

ФРИЦА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

Одни родители, папа съ мамою, долго сердились на своихъ мальчиковъ, Кешку да Пешку,—своевольные были Кешка да Пешка. И чего только съ ними папа и мама ни дѣлали, и по-хорошему-то ихъ унимали, и по-родительски, а имъ все неймется. Шалятъ, самочинствуютъ, да и на-поди.

Вотъ одинъ умный дядя и посовѣтовалъ папѣ и мамѣ:

— Что,—говоритъ,—вы на нихъ смотрите, на такихъ балбесовъ? Да вы ихъ сгоните со двора, а вмѣсто нихъ выпишите изъ-за границы парочку нѣмчиковъ; тамъ,—говоритъ,—ребята очень хорошіе, и всѣмъ комплиментамъ крѣпко научены.

Папа съ мамою обрадовались, такъ и сдѣлали: Кешку да Пешку выгнали вонъ, а на ихъ мѣсто выписали нѣмчика: на пару нѣмчиковъ денегъ жаль было, да и думали, что и одинъ хорошій мальчикъ лучше двухъ плохихъ.

Кешка да Пешка долго плакали, прощенія просили, обѣщались не шалить, домой очень умильно просились, да ужъ не простили ихъ папа съ мамою:

— Нельзя,—говорятъ,—всѣ сроки вышли, и нѣмчику билеты желѣзнодорожные выправлены, такъ не пропадать же деньгамъ. Идите,—говорятъ,—съ Богомъ, по-добру, по-здорову.

Попьяли еще Кешка да Пешка, Богу помолились, кресту поклонились, да и пошли, горемычные.

А на мѣсто ихъ пріѣхалъ въ скорости изъ-за границы мальчикъ Фрица, чистенькій, вѣжливенькій, субтильный. Папѣ и мамѣ книксенъ сдѣлалъ, ручки лизнулъ, и тоненькимъ голоскомъ гутъ-моргенъ проговорилъ,—все какъ слѣдуетъ по заграничному правилу.

Только скоро у папы и у мамы пошли съ мальчикомъ Фрицею нелады, потому что Фрицѣ большая чистота требовалась, а у папы съ мамою къ чистотѣ душа не лежала, и отъ большой чистоты имъ тошно становилось.

Придетъ бывало Фрица, и заговоритъ учтиво:

— Глубокоуважаемые родители, дорогой и душевнопочитаемый папочка, милая и сердечно любимая мамочка, позвольте мнѣ чистую рубашечку, ибо та, которую я ношу въ продолженіе двухъ недѣль, несмотря на все мое стараніе не пачкать моей одежды, все-таки утратила свою первоначальную чистоту и нуждается въ стиркѣ.

А папа съ мамою говорятъ:

— Хорошъ и въ этой рубашкѣ, подожди до бани.

Такъ и во всемъ. Попроситъ Фрица чистой тарелки, ему папа съ мамою говорятъ:

— Жри на грязной.

Попросить Фрица купить ему частый гребешокъ расчесывать головку, ему говорятъ:

— Своей пятерни мало, такъ чешись десятерней.

Попросить помыться раньше баннаго срока, папа съ мамою скажутъ:

— Въ грязи теплѣе.

Сталъ Фрица по ночамъ плакать, началъ Фрица худѣть, началъ Фрица отъ грязи паршивѣть, пришла къ Фрицѣ русская холера, скрутила Фрицу въ одночасье.

Схоронили папа съ мамою Фрицу, говорятъ:

— Видно, нечего дѣлать, возьмемъ Кешку да Пешку опять.

Да ужъ поздно было. Кешка да Пешка поступили въ хулиганы, проткнули перочиннымъ ножикомъ брюки у самаго старшаго городового, и за то ихъ сослали въ самую далекую каторгу.

Не въ добрый часъ пришелся Фрица изъ-за границы. Да не добромъ помянули папа съ мамою и умнаго дядю.

КАРАЧКИ И ОБОРМОТЪ.

Не за нашу память то дѣло случилось, не въ нашей землѣ оно сталось. При царѣ Горохѣ, у чорта на куличкахъ жили были карачки, — ходили на четверенькахъ, носомъ землю нюхали, хвостомъ въ небо тыкали, и очень собою были довольны.

Забрелъ къ нимъ, невѣсть откуда, Обормотъ. Голову держитъ кверху, прямо передъ собою весело посвистываетъ, на обѣ стороны бойко сплевываетъ. Не понравилось такое поведеніе карачкамъ, — говорятъ Обормоту:

— Какъ ты смѣешь на заднія лапы становиться, головой въ небо выдыбать? Мы тебя за это засудимъ.

Повели его всѣмъ народомъ къ судьѣ неправильному.

— Судья, — говорятъ, — неправильный, суди ты этого Обормота: онъ головой фордыбачитъ, противъ нашего карачьяго закона весело идетъ, на карачьи наши спины бойко поплевываетъ.

Ну, судья неправильный со всею своею перемудростью тотчасъ же порѣшилъ: оттяпать Обормоту голову.

Повели карачки Обормота на лобное мѣсто. Идетъ Обормотъ, кается, горючьми слезьми умывается, а между прочимъ думаетъ: какъ-то вы, карачье безмозглое, до моей головы доберетесь?

И вотъ на самомъ-то интересномъ мѣстѣ вышла у карачекъ заминка: надо Обормоту голову рубить, да Обормотъ на четвереньки не становится, а карачкамъ, на четверенькахъ стоючи, до его головы не добраться. И противъ своего закона поступить и на ноги вздыбиться имъ тоже никакъ невозможно. Повякали, повякали промежъ собою карачки, да и погнали Обормота изъ своей страны далеча.

— Иди себѣ, — говорятъ, — съ Богомъ по морозцу, мы,—говорятъ,—народъ очень добрый.

ДВѢ МЕЖИ.

Пришла межа къ межѣ, спрашиваетъ:

— Каково тебѣ, межа, жить?

Отвѣчаетъ межѣ межа:

— Охъ, топчутъ меня, межу, мужики, топчутъ меня, межу, бабы, топчутъ меня, межу, ребятишки малыя. А я, межа, тоненькая да худенькая, а я, межа, здоровьемъ больно хлипкая: недужится мнѣ, межѣ, нездоровится. Ты, межа, каково живешь?

Отвѣчаетъ межа межѣ:

— Охъ, и мнѣ, межѣ, жить по такому же,—и я, межа, отъ чужихъ то ногъ захирѣла, занедужилась. Лучше бы на насъ, на межахъ, рожь повыросла.

Говоритъ межѣ межа:

— Пойдемъ, межа, къ проселку жаловаться.

Воздохнула межа, отвѣчаетъ межѣ:

— Проселокъ—маленькій человѣкъ, онъ намъ не поможетъ,—его никто не послушаетъ.

Говоритъ межѣ межа:

— Такъ пойдемъ, межа, къ большой дорогѣ жаловаться.

Воздохнула межа, отвѣчаетъ межѣ:

— Большая дорога разбойница: она и можетъ, да не поможетъ: видно, межа, надо намъ еще терпѣть.

Разошлись межи по своимъ мѣстамъ.

РАКЪ ПЯТИТСЯ НАЗАДЪ.

Говорятъ, что раки пятятся назадъ; но это—напраслина: раки ходятъ, какъ и всѣ добрые люди, въ ту сторону, куда глаза глядятъ.

Вышелъ ракъ изъ рѣки, пошелъ осматривать окрестности. Встрѣтили рака братишка и сестренка.

— Смотри-ка, — говоритъ братишка, — ракъ пятится.

Обрадовались. Говоритъ сестренка:

— Хорошо бы его поймать.

— Онъ, ракъ-то, большой дуракъ, — говоритъ братишка, - назадъ пятится, сзади себя не видитъ, мы ему мою шапку подставимъ, онъ въ нее самъ вползетъ, а мы его унесемъ, спечемъ рака.

— Только ты тише, —говоритъ сестренка,—а то онъ услышитъ.

Сѣли на корточки, четырьмя руками братишкину шапку распялили, ждутъ, когда ракъ въ шапку припятится. А только ракъ не будь глупъ, шапку уви-

дѣлъ, да въ сторону и свернулъ. Братишка и сестренка въ ту сторону перебѣжали, опять шапку на рачій путь наставили,– ракъ опять увильнулъ. Мыкались, мыкались братишка и сестренка, видятъ, не поймать въ шапку рака. Стали, ртишки разинули, на рака дивятся, сами разсуждаютъ.

— Какъ-же онъ сзади себя видитъ?—спрашиваетъ сестренка.

Говоритъ ей братишка:

– Значитъ, у него сзади глаза.

— Да вѣдь глаза-то на головѣ, — говоритъ сестренка.

— Ну,—говоритъ братишка,—значитъ, у него и голова сзади.

Ударились со всѣхъ ногъ домой. Всѣмъ, большимъ и малымъ, разсказываютъ:

— А что мы видѣли-то сейчасъ! — какъ ракъ пятится. И ужъ чудной-же онъ, этотъ ракъ-то! Хвостъ-то у него спереди, а голова съ глазами сзади, — только передъ съ хвостомъ у него сзади, а задъ съ головою спереди.

ЛУЧИШКА ВЪ ТЕМНИЧКѢ.

Пришли лучи къ Солнцу, разбираютъ себѣ подорожныя. Одинъ лучъ говоритъ:

— Я нынче во дворецъ пойду.

Другой говоритъ:

— Я по Невскому погуляю.

Третій говоритъ:

— А я по полямъ пройдусь.

Четвертый говоритъ:

— А я въ рѣчкѣ выкупаюсь.

Всѣ хорошія мѣста разобрали, и побѣжали было, да Солнце кричитъ:

— Стойте, братцы, вотъ еще есть мѣстечко, — темная темничка, гдѣ сидитъ бѣдный заключенный.

Всѣ лучи заговорили жалобно:

— Въ темной темничкѣ сыро, въ темной темничкѣ грязно, въ темной темничкѣ скверно пахнетъ, — не хотимъ итти въ темную темничку.

Поймалъ Солнце одного лучишку за волосенки, говоритъ:

— Ты вчера шалилъ много, въ непоказанныя мѣста заглядывалъ, — побывай въ темной темничкѣ хоть пять минутокъ.

Заплакалъ бѣдный лучишка, да нечего дѣлать, нельзя Солнцева приказа не исполнить. Побылъ пять минутокъ у бѣднаго заключеннаго въ темной темничкѣ, — кислый, злой, сморщенный. А бѣдному заключенному и то было за великій праздникъ.

РАЗДУВШАЯСЯ ЛЯГУШКА.

Это невѣрно, что она съ натуги лопнула и околѣла, — она околѣла отъ сухой малой былинки. И никакого вола тутъ не было, — волу въ болотѣ нечего дѣлать, — а это лягушка своимъ умомъ дошла до того, чтобы надуваться.

И она надувалась помаленьку: одинъ день на вершокъ надуется, другой день на четверть, а то и отдохнетъ день, два. И все надувалась, надувалась, надувалась, и стала, наконецъ, такая большая, что ни одному великану ее бы не обхватить. И всѣ ея очень боялись. Какъ она квакнетъ, такъ у самаго храбраго журавля поджилки затрясутся.

Ну, она этимъ, конечно, пользовалась, и требовала, чтобы ее слушались.

А только, когда она такъ надулась, такъ кожа у нея стала тоненькая, а кишка очень жидкая. Пока она сидѣла или прыгала на гладкомъ мѣстѣ, такъ все ничего было. А разъ она прыгала, а у нея на дорогѣ

сухая малая былинка стала. Лягушка не смотритъ, куда прыгаетъ, думаетъ,—важная. А сухая малая былинка ей въ брюхѣ кожу и проткнула. Сейчасъ началъ изъ лягушки духъ со свистомъ выходить. На всю округу было слышно „с-с-с-и-и",—духъ изъ лягушки выходитъ. Какъ духъ вышелъ, больше ужъ лягушка не могла жить, околѣла, и всѣ увидѣли, что она—маленькая.

Вотъ какъ дѣло было по-настоящему. А вола онъ ни къ селу ни къ городу приплелъ.

А можетъ быть, это онъ про другую лягушку разсказывалъ.

ОЗОРНИКЪ.

Жилъ мальчикъ Озорникъ. Онъ все колотилъ своихъ братишекъ. И некому было за нихъ заступиться — хоть и не жалуйся, все равно, ничего не будетъ.

Папа говорилъ:

— Онъ васъ колотилъ, а вы что дѣлали? Плакали? Кричали? Да какъ вы смѣли нарушать тишину и порядокъ! Вотъ я васъ!

Мама говорила:

— У меня по хозяйству дѣла много, — не до васъ.

Дядя военный говорилъ:

— Субординацію помни! Руки по швамъ! Смирно! Налѣво кругомъ! Шагомъ маршъ!

Дѣдушка говорилъ:

— Самъ будь хорошій, никто тебя не тронетъ. Ты не смотри, что онъ дерется, — ты о себѣ позаботься, какъ бы тебѣ лучше быть. Онъ на тебя съ кулаками, а ты ему ласковое слово.

И много еще чего дѣдушка говорилъ, — ему бы

только начать. Озорниковы братишки ужъ и не слушаютъ, а онъ все свои сказы сказываетъ.

Пошелъ разъ Озорникъ на улицу, сталъ задираться съ сосѣдскими мальчишками. Одолѣли Озорника сосѣдскіе мальчишки, нарыли ему очень достаточно. Идетъ Озорникъ домой, воетъ, а братишки изъ окошка смотрятъ, говорятъ:

— Ну, теперь онъ посмирнѣе будетъ.

Да не тутъ-то было. Озорникъ ихъ вдвое сильнѣе прибилъ. Говоритъ имъ:

— Вы за одно съ сосѣдскими мальчишками,—теперь вамъ отъ меня житья не будетъ.

У МЕТЛЫ ГОСТИ.

Въ одномъ углу жила метла. Жила, поживала, дворъ подметала, и больше ничего не знала. Говорятъ ей стѣны:

— Скучно живешь ты, метла,— сама по всему двору ходишь, а гостей къ себѣ не зовешь.

Метла подумала, встопорщилась, да и говоритъ стѣнамъ:

— А что-жъ, я и гостей позову.

Наварила метла щей, налила ихъ въ плошку, позвала въ гости собаку да кошку, а кошка привела свою дочку, маленькую кошечку: кошки дѣтокъ любятъ, и безъ дѣтокъ въ гости не ходятъ.

Долго-ли, коротко-ли гости пировали, и начали ссориться: кошка на собаку фыркнула, собака на кошку гамкнула, кошечка испугалась, на табуретку вскочила, а кошка съ собакою собрались драться. Но только метла такого безпорядка не потерпѣла,—поднялась она очень сердитая, и гостей вонъ изъ угла погнала.

Смѣялись надъ метлою стѣны:

— Ай да хозяйка,—гостей гонишь.

А метла говоритъ:

— Безъ гостей веселѣй и покойнѣй,—въ своей компаніи можно время проводить.

ЖИВУЛЯ.

Въ одномъ хорошемъ городѣ жила старая Живуля И какъ давно она жила на бѣломъ свѣтѣ, никто въ томъ хорошемъ городѣ не помнилъ, и даже паспортистъ въ участкѣ отъ Живули отступился.

— Не знаю, — говоритъ, — какую цыфру тебѣ ставить, и сколько много тебѣ есть возрасту.

Родители у Живули, Карга окаянная да Кощей безсмертный, давно померли; братья и сестры Живулины, и всѣ сверстники и сверстницы, хрычи да хрычевки, Яги да Кикиморы, примерли; дѣти и внуки, нечисть и нежить паганая, перемерли, — а Живуля живетъ себѣ. По хорошему городу ходитъ, бродитъ, шамаетъ, по липовымъ мостамъ клюкою ломаною постукиваетъ, на хорошихъ людей мутными очами посматриваетъ, изъ паганаго рта гнилыя слюни пускаетъ, и неподобныя словеса выговариваетъ. Одеженка на Живулѣ рваная, грязная, шибко молью трачена. Пахнетъ отъ Живули гораздо крѣпко, русскимъ духомъ несетъ.

Ну вотъ, случилось разъ, у базарной площади, на юру, на розстани, повстрѣчался съ Живулею Удалъ—добрый-молодецъ. Кафтанъ на немъ—синь бархатъ, сорочка на немъ—красенъ шелкъ, порты на немъ—зеленъ атласъ, сапоги на немъ—желтъ сафьянъ да съ разводами. На головѣ у него—шапочка поярковая, а на шапочкѣ съ одной стороны—павлинье перье понатыкано отъ самой Жаръ-Птицы, съ другой стороны горитъ, переливается каменье все самоцвѣтное: алъ лалъ, бѣлъ алмазъ, зеленъ изумрудъ. Самъ шибко на-веселѣ, идетъ посвистываетъ, ажъ листъ съ древа сыплется.

Увидалъ Живулю Удалъ—добрый-молодецъ, и Живуля ему не поправилась,—тутъ онъ кисло поморщился, впередъ себя на тридцать сажень черезъ тынъ да рябину богатырски сплюнулъ, говоритъ Живулѣ такія ласковыя слова:

— Старая Живуля, никому тебя не надо, а глядѣть на тебя тошно. Легла-бы ты, старая Живуля, въ новый тесовый гробъ, покрылась бы ты, старая Живуля, сосновой доской, снесли бы мы тебя, старую Живулю, изъ хорошаго города вонъ, опустили бы тебя въ глубокую могилу, засыпали бы тебя сырою землею,—сталъ бы въ хорошемъ городѣ легкій духъ.

Махнула Живуля ломаною клюкою, сказала Живуля крѣпкое слово, а послѣ того отвѣчаетъ Удалу—добру-молодцу вѣжливенько, сама тихо покрякиваетъ:

— Удалъ—добрый-молодецъ! нельзя мнѣ такія дѣла дѣлать,—на мнѣ большой зарокъ положенъ. Какъ есть я Живуля, то и надо мнѣ жить, а помереть мнѣ никакъ невозможно, и такихъ дѣловъ за мной никогда не было. А впрочемъ, коли очень хочешь, пойдемъ со мной вмѣстѣ, и я тебѣ въ томъ не помѣха.

На тѣ слова Удалъ—добрый-молодецъ шибко сердился; говорилъ Живулѣ съ большою отвагою:

— Глупая Живуля, я тебѣ башку пополамъ раскокаю.

А Живуля нисколько не испугалася, и говоритъ очень даже весело:

— Кокай, Удалъ—добрый-молодецъ, въ полное свое удовольствіе, башки мнѣ не надобе, а духа изъ меня тебѣ не вышибить,—мало каши ѣлъ, и въ Саксоніи не былъ.

Разъярился, разгнѣвался Удалъ—добрый-молодецъ. Выдернулъ изъ тына здоровый колъ, ударилъ Живулю по головѣ, разбилъ Живулину голову на двое. А Живулѣ хоть бы что,—ломаною клюкою подпирается, по базару пробирается, голова у Живули на-право и налѣво раскрылася, всѣ мозги по вѣтру болтаются, а духъ отъ Живули пошелъ много крѣпче прежняго.

Такъ и живетъ Живуля, хорошій городъ поганитъ, легкій воздухъ тяжелымъ духомъ портитъ.

А ТРЕТІЙ — ДУРАКЪ.

Монгольская сказочка.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ татарскомъ государствѣ жилъ былъ ханъ Шелудякъ. Было у него три сына. Старшій сынъ, Храбрый, войска воевалъ, сосѣдовъ разорялъ, да и своимъ спуску не давалъ. Второй ханычъ, Разумникъ, въ книжку по наукѣ смотрѣлъ, изъ казны большія деньги бралъ, аппетитъ имѣлъ хорошій. А третій сынъ былъ, какъ водится, Дуракъ. Ни онъ тебѣ враги покорять, ни онъ тебѣ книжка смотрѣть,—знай растетъ да и только. И выросъ онъ несоразмѣрно большой, и сталъ больше всѣхъ въ томъ Шелудяковомъ царствѣ. Братьямъ это, извѣстно, не понравилось,—захотѣли они ему укороту дать, да только, сколь много они его не били, а онъ все росъ да росъ. И сталъ выше дерева стоячаго, ниже облака ходячаго.

Жаловались старшіе братья хану Шелудяку:

— Не спроста, — говорятъ, — онъ этакъ возрастать

надумалъ. Выше облака выраститъ, ханомъ сдѣлается, тебя съ престола свергнетъ, и въ клоповникъ посадитъ, а насъ, бѣдныхъ, и вовсе изничтожитъ.

Ханъ разгнѣвался, велѣлъ его, Дурака неразумнаго, жестоко наказывать, — не росъ бы онъ, Дуракъ, такъ несоразмѣрно. Стали дурака драть. Драли его розгами калиновыми, драли его розгами малиновыми, драли его плеткою семихвосткою, драли его прутьями желѣзными, огнемъ его, Дурака, жгли, пилами его, Дурака, пилили, теркою терли, и буравчикомъ сверлили. Оретъ Дуракъ благимъ матомъ, а все не унимается, отъ озорства своего не отстаетъ, растетъ пуще прежняго.

Вырыли тогда яму глубокую, Дурака въ нее отвели, землею засыпали,—а Дуракъ и въ землѣ растетъ. Хотѣли ему голову рубить, да въ это время бѣда случилась, о Дуракѣ забыли пока что.

Пришла въ ту землю тигра лютая. По деревнямъ ходитъ, коровъ ронитъ, людишекъ жретъ. По городамъ ходитъ, лошадей ронитъ, вкусныхъ господъ такъ и жамкаетъ.

Пошелъ на тигру лютую ханычъ Храбрый, идучи хвастался много. Да тигра лютая его силы не устрашилась, съ ратью его расправилась немилостиво, и самъ ханычъ Храбрый едва ноги унесъ. Тѣмъ только и спасся, что на ногу скоръ былъ.

Пошелъ на тигру лютую второй ханычъ, Разумникъ, наставилъ вокругъ тигры лютой капкановъ, наложилъ сладкихъ капсюлей съ ядомъ, съ крѣпкою отравою. Тигра лютая капканы всѣ рушила, отравы всѣ сожрала, чихнула, усомъ моргнула, пошла себѣ дальше, какъ ни въ чемъ не бывало.

Вырыли изъ земли Дурака, говорятъ ему:

— По твоимъ грѣхамъ, Дуракъ, тигра лютая пришла. Ты ее убей, а не то тебя шибко драть ханъ велѣлъ.

Дуракъ слова поперекъ не молвилъ. Пошелъ на тигру лютую, взялъ ее вѣжливенько поперекъ живота, давнулъ легонечко,—у тигры лютой и духъ вонъ.

Пошелъ Дуракъ къ отцу. По дорогѣ ему ото всѣхъ людей большой почетъ. Говорятъ люди:

— Тебѣ бы у насъ ханомъ быть.

Дуракъ ухмыляется, говоритъ:

— А я не хочу.

А самъ еще больше растетъ.

Услыхали старшіе ханычи, что въ народѣ говорятъ, шибко испугались, къ хану побѣжали, Дурака передъ ханомъ обнесли:

— Дуракъ то нашъ, похваляется, что ханомъ скоро у насъ будетъ.

Ханъ разгнѣвался, велѣлъ дураку ноги обрубить по колѣно, а руки по локоть, и бросить его на горячее поле.

Лежитъ Дуракъ на горячемъ полѣ, самъ воетъ, а тигра лютая про это дѣло узнала, и съ радости въ тотъ же часъ воскресла. И пошла людей жрать и скотину ронить. Старшіе братья ужъ и не суются, говорятъ:

— Пускай Дуракъ нашъ къ тигрѣ лютой ползетъ, зубами ее грызетъ. Онъ же и виноватъ,—зачѣмъ сразу не прикончилъ.

Поползъ дуракъ, ухватилъ тигру лютую зубами за горло,—околѣла тигра лютая. Говоритъ народъ:

— Дуракъ безъ рукъ, безъ ногъ, а лучше тѣхъ, ногастыхъ да рукастыхъ. Посадимъ его себѣ въ ханы.

А Дуракъ говоритъ:

— Не надо! Ну ихъ,—говоритъ.

Опять братья Дурака обнесли, опять ханъ разгнѣвался, велѣлъ Дураку голову рубить, а тулово на горячее поле бросить. Лежитъ Дуракъ на горячемъ полѣ, корячится отъ боли, а самъ все растетъ. Выросъ въ одночасье непомѣрно большой, навалился брюхомъ на ханскій домъ, раздавилъ хана и старшихъ ханычей на смерть. Потекъ изъ нихъ сокъ въ Дураковы раны,—и въ ту же минуту у Дурака и голова выросла, и руки, и ноги. Всталъ Дуракъ во всемъ своемъ составѣ, возблисталъ свѣтло во всѣ стороны. А народъ къ нему валомъ валитъ. А тигра лютая про эти дѣла въ тотъ же часъ узнала, отъ великаго страха воскресла, уши заложила, хвостъ поджала, за тридевять земель убѣжала. И начался въ томъ Дураковомъ царствѣ свѣтлый радостный пиръ.

Сны.

I.

ДРОВА

Мы пировали. Насъ было много. Намъ было весело. Солнце свѣтило въ окна, цвѣты на столѣ благоухали, испаряя послѣднюю свою душу для нашей услады, вина были тонки, сладки и ароматны. Наши подруги были молоды, и смѣялись какъ дѣти.

Когда кончился пиръ, кому то изъ насъ пришла въ голову мысль пойти посмотрѣть, гдѣ и какъ было изготовлено все великолѣпіе яствъ, усладившихъ нашъ избалованный вкусъ.

— Покажи намъ свою кухню,—смѣясь говорили мы хозяину.—Мы хотимъ сказать спасибо твоему повару.

Хозяинъ смутился. Онъ пробормоталъ что-то невнятное. Лицо его поблѣднѣло. Но мы, смѣясь, повлекли его. Тогда онъ усмѣхнулся странною улыбкою, и сказалъ:

— Если вы хотите... Но тамъ очень жарко.

И мы пришли въ кухню. Громадная печь возвышалась посреди громадной кухни. И печь еще топилась. Пламя было веселое и яркое, и передъ печкою свалена была на полъ громадная груда огромныхъ полѣньевъ, для чего-то завернутыхъ въ полотняныя покрывала.

И когда мы спросили у повара, для чего эта печь продолжаетъ топиться, когда мы уже отобѣдали, онъ сказалъ намъ:

— Эту печь нельзя погасить ни на одну минуту.

И лицо его, озаренное краснымъ отблескомъ печнаго пламени, было угрюмо. И мы наклонились къ дровамъ, потому что отъ нихъ исходилъ поразившій и испугавшій насъ смрадъ. Тогда помощники повара взяли одно изъ полѣнъ, и бросили его въ печь. И мы увидѣли, что это былъ трупъ человѣка, завернутый въ саванъ. И взяли его за голову и за ноги, и бросили въ яркое пламя.

Мы смутились. Мы долго стояли молча, и смотрѣли, какъ печь пожирала трупы одинъ за другимъ. И когда принесли новое беремя дровъ, страшную вязанку, захваченную веревкою на спинѣ дюжаго дворника, одинъ изъ насъ робко спросилъ повара:

— Гдѣ же вы берете эти дрова?

И улыбаясь, отвѣтилъ намъ поваръ:

— Ихъ много. Больше, чѣмъ надо. Ходятъ мимо. Наши дворники ихъ рубятъ.

II.

СОГНУТЫЯ НОГИ.

Я проѣзжалъ по Николаевскому мосту. Навстрѣчу мнѣ шелъ человѣкъ съ уродливо-согнутыми ногами. Видно, что ему трудно было итти, потому что колѣни его не разгибались, и приходилось итти въ странномъ, словно сидячемъ положеніи.

Онъ взглянулъ на меня. Въ его взглядѣ былъ укоръ. И я понялъ...

Я понялъ, что то не былъ сонъ...

Что то не былъ только сонъ.

Были дни, проклятые дни, когда и я былъ такимъ же согнутымъ уродомъ.

Мнѣ было трудно ходить, потому что колѣни у меня были постоянно согнуты. Иногда я дѣлалъ надъ собою страшныя усилія, — но все бѣшенство моей воли не могло разогнуть моихъ ногъ.

Иногда ночью, лежа въ своей постели, я вдругъ чув-

ствовалъ приливъ радости и надежды. Сила возращалась къ моимъ ногамъ, моя воля расторгала спутавшія меня оковы косности, и я начиналъ вытягиваться.

Но вдругъ тихій стонъ раздавался у меня подъ ногами, — и словно пелена спадала у меня съ глазъ, и всѣ мои чувства, оцѣпенѣлыя доселѣ, раскрывались, — для того, чтобы повѣдать мнѣ страшную правду о томъ, почему мои колѣни согнуты.

Подъ моими ногами лежалъ младенецъ, скованный со мною незримыми, но нерасторжимыми узами. Всегда одинъ и тотъ-же, и каждую ночь иной, маленькій и несчастный, онъ лежалъ подъ моими ногами, и его сердце билось подъ моею ногою, и его тоненькое, хрупкое, жалкое горло было подъ моею ногою.

И полный ужаса, я торопливо сгибалъ колѣни, — чтобы не задушить его, маленькаго.

Но въ одну ночь, послѣ дня стыда и страданій, послѣ мучительнаго, темнаго дня, я, полный отчаянія и злобы, вытянулъ свои ноги, и задушилъ младенца.

И я сталъ прямымъ, какъ всѣ.

СТАТЬИ.

ЕЛИСАВЕТА.

Неглубокое и несущественное, что называютъ характеромъ, составляетъ содержаніе и выраженіе почти всѣхъ портретовъ. Это —Личины, Маски. И подъ ними прячется, конечно, Онъ,—становящійся Богомъ Дьяволъ, вѣчно отрицающій и стремящійся къ иному, а потому великій Мечтатель, Художникъ, Поэтъ и Скульпторъ. Вѣчно отрицающій, всегда не—Я.

Личина. Это хорошо. Создать свою личину — дѣло, достойное цѣлой жизни художника.

Личина, маска. Но это все же еще не все. Есть Лицо.

Есть портреты пластическіе, Личины,—ихъ много,—и есть портреты музыкальные, Лица, и они наперечетъ. Вѣдомы, и дороги, если вѣдомы.

На личинахъ начертаны милость и свирѣпость, грусть и радость, начертанія мечтаній, власти, силы, мудрости, переливные цвѣты цвѣтенія душевнаго, земное, преходящее. Всегда чужое, иное, индивидуальное, отдѣль-

ное,—всегда на нѣкоторомъ отдаленіи отъ Меня. Всегда не—Я. Даже когда и я.

Изображенія уже не пластическія,—рѣдкія, торжественныя, музыкальныя Личина упала. Становящійся разсѣялся эфирнымъ дымомъ. Иные отошли, поникли, умерли,—и открыто Лицо. Вѣчный Ликъ. Радостное самоутвержденіе. И наперекоръ царящимъ въ жизни Личинамъ, это—Я. Только я.

Въ моменты Влюбленности такимъ является ликъ Невѣсты. Ибо грани упадаютъ, сгораютъ личины. Любящаго вѣнчаетъ Откровеніе, и преображенный Ликъ говоритъ ему: это Я. Только Я. И нѣтъ Иного. Нѣтъ Иныхъ.

Въ высокихъ созданіяхъ искусства есть такіе-же Лики.

Называть-ли? Джоконда. Дрезденская Мадонна... Еще нѣсколько Лицъ. И для меня еще одно, обаятельное,— одесское изображеніе Елисаветы.

Полуобращенное лицо,—не грѣшное и не невинное,— очень молодое, насквозь озаренное радостною молодостью, но не радостное и не печальное,—тихій взоръ синихъ глазъ,—призракъ улыбки,—нѣжная рука, протянувшаяся къ цвѣтамъ, вознесшимся надъ дивно чеканенною вазою, протянувшаяся сорвать алую розу для игры безцѣльной, нѣжной и жестокой.

Призракъ улыбки,—но призракъ столь властительный, что по первому взгляду онъ кажется озарившимъ все полотно,—и на дивномъ Лицѣ непередаваемое выраженіе надмірнаго восторга. И кажется, призракъ безумной улыбки ввергаетъ въ дивное круженіе, уноситъ и кружитъ. И вдругъ нѣтъ ни улыбки, ни лица, ни удивительной гармоніи красокъ,—и только музыка. И

только тихій взоръ небесно-синихъ глазъ, созидающій Міръ, какъ жестокую и нѣжную игру Безцѣльную игру. Святую.

Божественная забава зиждетъ личины. Вотъ въ зеркалѣ отражена Царица. Профиль, совсѣмъ неинтересный! И страшно необходимый для картины.

И опять смотрю на Лицо, и вижу мгновенныя на немъ Личины. Облеченная въ одежду величія, — какая дивная одежда, какія удивительныя складки, какая гармонія желтаго съ золотымъ платья и восхитительныхъ рукъ и плечъ, какіе рефлексы внизу отъ зеленой драпировки, которая кажется совсѣмъ черною! Но это отходитъ. И вотъ Прекрасная. Но и на прекрасное лицо падаетъ темная смертная тѣнь... И красота „гдѣ твое жало?"... Возстаетъ Жена—не мать (другой полюсъ Дѣва-Мать),—послѣдняя, совершенная... Но проносится дыханіе жизни, встаетъ незначительная Сентиментальная Дама, говоритъ внѣшне-трогательныя слова, и умираетъ... И эти всѣ, и еще иные, многіе аспекты проходятъ передъ дивнымъ Ликомъ, но не затмеваютъ его, и въ огнѣ его сгораютъ, умираютъ. И тѣнь ихъ эфирнаго дыма ложится на жемчужно-бѣлую грудь.

И освобождается непостижимый Ликъ. Тихіе глаза смотрятъ, видятъ, не видятъ, грустною и радостною, жестокою и нѣжною забавляясь игрою. Смотритъ, и говоритъ: Это Я.

Въ неизмѣнномъ утвержденіи говоритъ: Это—Я.

И зеркало отвращаетъ изображеніе, и хочетъ сдѣлать его достигающимъ, стремящимся, чтобы порадовать Становящагося. Но дивный Ликъ побѣждаетъ, – въ надмірномъ самоутвержденіи, нѣжно и жестоко ломая алую розу, Она повторяетъ:

9*

— И это все Я.

Этотъ портретъ писалъ Монье, художникъ превосходный и мало извѣстный. Одинъ изъ многихъ, кому является дивный Ликъ въ Жизни и въ Мечтаніяхъ. Одинъ изъ малаго числа тѣхъ, кому удалось Это сдѣлать въ Искусствѣ.

Портретъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны долго стоялъ на выставкѣ въ Таврическомъ Дворцѣ. Вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, очень хорошими портретами, написанными имъ-же. Но для меня и эти портреты, и вся выставка казались далекими, когда я смотрѣлъ на дивный... для Меня... ликъ Елисаветы.

Я предчувствовалъ ее. И если она придетъ, я ее узнаю.

ТЕАТРЪ ОДНОЙ ВОЛИ.

«На сосудѣ—печать, на печати—имя; что таится въ сосудѣ, знаютъ запечатавшій и посвященный».

Э. К. Визнеръ. Молчаніе первой невѣсты. Романъ.

„Ты философствуешь, какъ поэтъ.“

Достоевскій. Письма.

Изо всего, что было когда-нибудь создано геніемъ человѣка, самое, можетъ быть, легкое на зримой поверхности и самое страшное въ постигаемой своей глубинѣ созданіе есть театръ. Роковыя ступени,—игра—зрѣлище—таинство... Высокая трагедія въ такой же степени, какъ и легкая комедія и площадный фарсъ.

Трагическій ужасъ и шутовской смѣхъ съ одинаково непреодолимою силою колеблютъ передъ нами ветшающія, но все еще обольстительныя завѣсы нашего міра, такого, казалось, привычнаго, и вдругъ, въ зыблемости

игры, такого неожиданнаго, жуткаго, поражающаго или отвратительнаго. И трагическая, и комическая маска одинаково не обманывають внимательнаго зрителя,— какъ не обманывали участника игры, очаровывая его, какъ не обманутъ и участника мистеріи, пріобщая его къ тайнѣ.

За истлѣвающими личинами, и за румяною харею ярмарочнаго скомороха, и за блѣдною маскою трагическаго актера,—единый просвѣчиваетъ Ликъ. Странный, неодолимо зовущій...

Роковыя ступени. Играли, когда были дѣтьми,—и вотъ уже умерли сердцемъ для легкой игры, и пришли любопытствуя смотрѣть зрѣлище,—и настанетъ часъ, когда мы въ преображеніи духа и тѣла придемъ къ вѣрному единенію въ литургійномъ дѣйствѣ, въ таинственномъ обрядѣ...

Когда мы были дѣти, когда мы были живы,—

„живы дѣти, только дѣти,

мы мертвы, давно мертвы",—

мы играли. Распредѣляли между собою роли, и разыгрывали ихъ,—пока не позовутъ спать. Театръ у насъ былъ отчасти бытовой,—были очень подражательны и наблюдательны,—отчасти символическій съ несомнѣннымъ наклономъ къ декадентству, — такъ любили сказку и слова странныхъ, старыхъ заклинаній, и весь забавный и ненужный, — практически ненужный, — обрядъ игры. Такія милыя были въ игрѣ условности, наивности и нелѣпости. Знали хорошо, что это не въ самомъ дѣлѣ, что все это нарочно. Не были требовательны ни къ декоратору, ни къ бутафору. Запрягали стулъ, и условливались:

— Пусть это будетъ лошадь.

Но ужъ если очень хотѣлось самимъ побольше побѣгать, то говорили:

— Я буду лошадью.

Не были исключительны и односторонни въ характерѣ своей игры. Была игра для большой публики, въ многолюдствѣ, шумѣ и буйствѣ, въ коридорахъ и въ залахъ, въ саду и въ полѣ,—„драка не драка, игра не игра,"—и были игры интимныя, въ укромныхъ уголкахъ, куда не заглядывали взрослые и чужіе. Тамъ было весело до утомленія, здѣсь—жутко и тоже весело, и щеки краснѣли багровѣе, чѣмъ отъ буйнаго бѣга, и въ глазахъ зажигались тусклые огни.

Играли,—и не знали, что наши игры—только обноски жизни взрослыхъ. Переигрывали сыгранное до насъ, какъ новое. И въ этомъ переигрываніи чужой игры заражались тяжелымъ ядомъ отжившихъ.

Впрочемъ, не въ самомъ содержаніи игры заключалось ея значеніе. Капли жгучаго яда растворялись въ вешнемъ нектарѣ юной жизни. Буйство новой жизни опьяняло легкимъ и сладостнымъ хмелемъ, быстрымъ бѣгомъ окрылялись ноги,—въ восторгѣ яркаго самозабвенія сгорали тяжелыя бремена тяжелаго земного времени. И сгорали острые, быстрые миги, и изъ пепла ихъ строился новый міръ,—нашъ міръ. Міръ, пламенѣющій въ молодомъ экстазѣ...

А развѣ и потомъ чего-нибудь иного хотѣли мы отъ игры, которая стала уже для насъ только зрѣлищемъ,—и отъ трагедіи, и отъ комедіи? Такъ охотно идемъ въ театръ,—особенно на первыя представленія прославленныхъ пьесъ,—но чего же мы хотимъ отъ театра? Научиться хотимъ искусству жить, или очиститься отъ темныхъ переживаній? Рѣшить моральную,

соціальную или эстетическую, или еще иную какую-нибудь проблемму? Увидѣть ли „трость, вѣтромъ колеблемую? человѣка ли, въ мягкія одежды облаченнаго? пророка ли?“

Конечно, все это и еще многое иное можно притащить въ театръ, не безъ основанія и даже не безъ пользы,—но все это должно сгорѣть въ истинномъ театрѣ, какъ на кострѣ сгораетъ старая ветошь. И какъ бы различно ни было внѣшнее содержаніе драмы, мы всегда хотимъ отъ нея,—если мы еще хоть сколько-нибудь остались живы отъ безмятежныхъ дней нашего дѣтства,—того же, чего нѣкогда хотѣли и отъ нашей дѣтской игры,—пламеннаго восторга, похищающаго душу изъ тѣсныхъ оковъ скучной и скудной жизни. Очарованіе и восторгъ—вотъ что влечетъ каждаго изъ насъ въ театръ, вотъ средства, которыми геній трагедіи привлекаетъ насъ къ участію въ своемъ таинственномъ замыслѣ. Но въ чемъ же состоитъ самый этотъ замыселъ?

Или я совсѣмъ не знаю, для чего человѣку драма, или она для того только, чтобы привести человѣка ко Мнѣ. Изъ царства взбалмошной Айсы, изъ міра странныхъ и смѣшныхъ случайностей, изъ области комедіи перевести его въ царство строгой и утѣшительной Ананке, въ міръ необходимости и свободы, въ область высокой трагедіи. Упразднить соблазны жизни, и вѣчную увѣнчать утѣшительницу, не ложную, ту, которая не обманетъ.

Театральное зрѣлище, на которое приходятъ смотрѣть для забавы и для развлеченія, недолго будетъ оставаться для насъ только зрѣлищемъ. И уже скоро зритель, утомленный смѣною чуждыхъ ему зрѣлищъ

захочетъ стать участникомъ мистеріи, какъ нѣкогда былъ онъ участникомъ игры. Изгнанный изъ Эдема уже скоро смѣлою рукою стукнетъ въ дверь, за которою женихъ пируетъ съ мудрыми дѣвами. Онъ былъ участникомъ невинной игры, когда еще былъ живъ, когда еще онъ обиталъ въ раю, въ Моемъ прекрасномъ саду между двумя великими рѣками. И нынѣ единственный путь воскресенія для него—стать участникомъ мистеріи, въ литургійномъ обрядѣ соединить свою руку съ рукою своего брата, съ рукою своей сестры, и устами, вѣчно томящимися отъ жажды, приникнуть къ таинственно-наполненной чашѣ, гдѣ Я „съ водой смѣшаю кровь". Въ свѣтломъ и всенародномъ совершить храмѣ то, что нынѣ совершается только въ катакомбахъ.

Но театральное зрѣлище—необходимое переходное состояніе, и въ наше время театръ, къ сожалѣнію, еще не можетъ быть чѣмъ-нибудь инымъ, какъ только зрѣлищемъ, и бываетъ часто зрѣлищемъ праздным. Только зрѣлищемъ, если это—не интимный театръ, который создать надо, но говорить о которомъ,—да какъ о немъ говорить? Вѣдь это же—соблазнъ для непосвященнаго... Развѣ только намеками и образами.

Зрѣлищемъ по преимуществу и хочетъ быть современный театръ. Въ немъ все устроено только для зрѣлища. Для зрѣлища—профессіональные актеры, рампа и занавѣсъ, хитро раскрашенныя декораціи, стремящіяся дать иллюзію дѣйствительности, умныя ухищренія бытового театра, и мудрыя выдумки театра условнаго.

Однако, если ужъ намѣтился въ нашемъ сознаніи путь, по которому должно итти развитіе театра для

того, чтобы театръ отвѣчалъ своему высокому назначенію, то задача театральнаго дѣятеля,—драматическаго автора, режиссера и актера,—въ томъ и состоитъ, чтобы, возводя театральное зрѣлище ко всѣмъ тѣмъ совершенствамъ, которыя только достижимы для зрѣлища, приблизить его къ соборному дѣйствію, къ мистеріи и къ литургіи.

Мнѣ кажется, что первое препятствіе, которое должно быть преодолѣно на этомъ пути, это—играющій актеръ. Играющій актеръ слишкомъ навлекаетъ на себя вниманіе зрителя, и этимъ заслоняетъ и драму, и автора. Чѣмъ талантливѣе актеръ, тѣмъ тиранія его несноснѣе для автора и вреднѣе для трагедіи. Низложить эту обольстительную, но все же вредную тиранію можно двумя способами: или перенести центръ театральнаго представленія къ зрителю, въ партеръ, или перенести его къ автору, за кулисы.

Первая мысль, которая могла бы явиться вслѣдъ за признаніемъ театра поприщемъ соборнаго дѣйства, была бы, повидимому, та, что надо уничтожить рампу, снять, можетъ быть, занавѣсъ, и сдѣлать зрителя участникомъ или даже и творцомъ представленія. Вмѣсто плоскихъ декорацій оставить четыре изукрашенныя стѣны или внѣшній просторъ улицы, площади, поля. Обратить зрѣлище въ маскарадъ, который и есть сочетаніе игры и зрѣлища. Но тогда зачѣмъ же было бы и собираться? Только для того, чтобы „соборовались народы", какъ поется въ одной современной пѣсенкѣ? Занятіе, конечно, не плохое, но куда же оно ведетъ?

Правда, къ игрѣ и зрѣлищу въ маскарадѣ примѣшиваются элементы тайны. Намеки на нее, секреты. Но это еще не таинство. Подобно тому, какъ самые жуткіе

страхи приходятъ въ полдень, когда въ притинѣ ворожитъ злой Драконъ, прячась за фіолетовыми щитами, такъ и самая глубокая тайна предстаетъ тогда только, когда личины сняты.

Всѣ меридіаны сходятся въ одномъ полюсѣ (или въ двухъ, если хотите,—но по закону тождества полярныхъ противоположностей всегда достаточно бываетъ говорить только объ одномъ полюсѣ),—всѣ земные пути неизмѣнно приводятъ въ одинъ вѣчный Римъ,—„все и во всемъ—только Я, и нѣтъ Иного, и не было, и не будетъ",—всякое единеніе людей имѣетъ значеніе только постольку, поскольку оно приводитъ человѣка ко Мнѣ,—отъ суетно-обольщающаго разъединенія къ неложному единству. Паѳосъ мистеріи тѣмъ и питается, что случайное множество преображается таинственно въ необходимое единство. Онъ напоминаетъ, что каждое отдѣльное существованіе на землѣ является только средствомъ для Меня,—средствомъ исчерпывать въ безконечности здѣшнихъ переживаній неисчислимое множество Моихъ,—и только моихъ,—возможностей, совокупность которыхъ создаетъ законы, но сама движется свободою.

А потому дѣйствующій и волящій въ трагедіи только одинъ, что и прибавляетъ къ единствамъ дѣйствія, мѣста и времени также и единство волевого устремленія въ драмѣ.

(Можетъ быть, переходы въ мысляхъ здѣсь покажутся кому-нибудь довольно неожиданными,—но я не аргументирую, по неумѣнію дѣлать это, а только излагаю одну мою мысль. „Философствую, какъ поэтъ").

Дѣйствующій и волящій въ трагедіи долженъ быть всегда только одинъ, и не въ томъ смыслѣ, что онъ ведетъ хоровое дѣйствіе, а въ томъ, что онъ является

выразителемъ неизбѣжнаго, не трагическимъ героемъ, а его рокомъ.

Современный театръ представляетъ собою печальное зрѣлище раздробленной воли и потому разъединеннаго дѣйствія. „Разные бываютъ люди", — думаетъ простодушный драматургъ,—„всякъ молодецъ на свой образецъ". Ходитъ въ разныя мѣста, замѣчаетъ обстановку, бытъ и нравы, наблюдаетъ разныхъ людей, и очень похоже все это изображаетъ. Козьмодемьянскій и Налимовъ съ Вакселемъ узнаютъ себя и свои галстуки, и очень радуются, если авторъ, - по-пріятельству,—имъ польстилъ, или сердятся, если авторъ далъ понять, что ихъ наружности и ихъ поступки ему не нравятся. Радуется режиссеръ, что онъ имѣетъ довольно матеріала для занятной постановки пьесы. Радуется и актеръ тому, что можетъ хорошо и интересно загримироваться, и передразниваетъ наружность и ухватки живописца X., поэта У., инженера А., адвоката В... Публика въ восторгѣ,— узнаетъ своихъ знакомыхъ и незнакомыхъ, и чувствуетъ себя въ несомнѣнномъ авантажѣ: какіе бы общераспространенные грѣшки ни вытаскивались на сцену, всетаки каждый зритель, кромѣ малаго числа выведенныхъ, ясно видитъ, что изображенъ не онъ, а кто-то другой.

И ничего этого не надо. Никакого нѣтъ быта, и никакихъ нѣтъ нравовъ,—только вѣчная разыгрывается мистерія. Никакихъ нѣтъ фабулъ и интригъ, и всѣ завязки давно завязаны, и всѣ развязки давно предсказаны,— и только вѣчная совершается литургія. Что же всѣ слова и діалоги? — одинъ вѣчный ведется діалогъ, и вопрошающій отвѣчаетъ самъ, и жаждетъ отвѣта. И какія же темы?—только Любовь, только Смерть.

Нѣтъ разныхъ людей,—есть только одинъ человѣкъ, одинъ только Я во всей вселенной, волящій, дѣйствующій, страдающій, горящій на неугасимомъ огнѣ, и отъ неистовства ужасной и безобразной жизни спасающійся въ прохладныхъ и отрадныхъ объятіяхъ вѣчной утѣшительницы — Смерти.

Многія надѣваю на себя по волѣ Моей личины, но всегда и во всемъ остаюсь самимъ собою,—какъ нѣкій Шаляпинъ во всѣхъ своихъ роляхъ все тотъ же. И подъ страшною маскою трагическаго героя, и подъ смѣшнымъ обличіемъ вышучиваемаговъ комедіи шута, и въ пестромъ балахонѣ изъ разноцвѣтныхъ тряпокъ, облекающемъ ломающееся на потѣху райка тѣло балаганнаго клоуна,— подъ всѣми этими закрытіями зритель долженъ открыть Меня. Какъ задача съ однимъ неизвѣстнымъ, предстаетъ передъ нимъ театральное зрѣлище.

Если зритель пришелъ въ театръ, какъ приходитъ въ міръ простодушный зѣвака для того, „чтобъ видѣть солнце", то я, поэтъ, создаю драму для того, чтобы пересоздать міръ по новому Моему замыслу. Какъ въ большомъ мірѣ господствуетъ одна Моя воля, такъ и въ маломъ кругѣ театральнаго зрѣлища должна господствовать только одна воля,—воля поэта.

Драма—такъ же произведеніе одного замысла, какъ и вселенная - произведеніе одной творческой мысли. Рокомъ трагедіи, случаемъ комедіи является только авторъ. Не его ли во всемъ державная воля? Какъ онъ захочетъ, такъ все и будетъ. Онъ можетъ по своему произволу соединить любящихъ или горестно разлучить ихъ, возвысить героя или низвергнуть его въ мрачную бездну отчаянія и погибели. Онъ можетъ увѣнчать красоту, молодость, вѣрность, смѣлость, безумное дерзновеніе,

самоотверженность,—но ничто не помѣшаетъ ему возвеличить уродство и развратъ, и выше всѣхъ апостоловъ поставить предателя Іуду.

„... Въ укоръ неправедному дню
хулу надъ міромъ я возставлю,
и соблазняя соблазню".

Но актеръ тщеславенъ. Автора онъ заслонилъ своимъ случайнымъ истолкованіемъ, неожиданностью и разрозненностью своихъ бытовыхъ и психологическихъ наблюденій, и самую драму онъ превратилъ въ собраніе ролей для разныхъ амплуа. Потомъ пришелъ режиссеръ, и похитилъ ремарку. Потомъ рокъ драматическаго дѣйства, глухой голосъ повелѣвающей Мойры запрятанъ волею директора театра въ тѣсную суфлерскую будку. И когда было мало репетицій, то всѣ на сценѣ смотрятъ въ одну точку, откуда доносится слышный первымъ рядамъ зрителей и досадный для нихъ голосъ. И нещадно перевираютъ слова поэта.

Но развѣ я могу хотѣть, чтобы изъ узкаго подземелья доносился мой голосъ? чтобы по капризу режиссера придуманныя мною на сценѣ окна обращались въ ненужныя для меня колонны? чтобы мое слово въ ремаркахъ воплощалось только въ раскрашенную декорацію?

Нѣтъ, мое слово должно звучать открыто и громко. Поэта прежде, чѣмъ актера, долженъ слышать посѣтитель театральнаго зрѣлища.

Такимъ представляется мнѣ театральное зрѣлище: авторъ или замѣняющій его чтецъ,—и даже лучше чтецъ, безстрастный и спокойный, и не взволнованный авторскою робостью передъ зрителями, которые будутъ

кричать на него въ похвалу или въ порицаніе (то и другое одинаково непріятно) и, можетъ быть, принесли съ собою ключи для веселаго свиста,—чтецъ сидитъ около сцены, гдѣ-нибудь въ сторонѣ. Передъ нимъ столъ, на столѣ—пьеса, которая сейчасъ будетъ представлена. Чтецъ начинаетъ по порядку, съ начала:

Читаетъ названіе драмы. Имя автора.

Эпиграфъ, если онъ есть. Попадаются интересные и полезные. Напримѣръ эпиграфъ къ „Ревизору": „На зеркало неча пенять, коли рожа крива. Народная пословица". Эпиграфъ грубый,—такой ужъ и былъ этотъ авторъ,—но справедливый и удобный для установленія надлежащей связи между зрителемъ и дѣйствіемъ на сценѣ.

Затѣмъ перечисленіе дѣйствующихъ лицъ.

Предисловіе или замѣчанія отъ автора, если они есть.

Первое дѣйствіе. Обстановка. Наименованіе находящихся на сценѣ лицъ.

Выходы и входы актеровъ, какъ они обозначены въ текстѣ драмы.

Всѣ ремарки, не опуская даже и самыхъ маленькихъ, хотя бы въ одно только слово.

И по мѣрѣ того, какъ чтецъ около сцены читаетъ, раздвигается занавѣсъ, на сценѣ открывается и освѣщается указанная авторомъ обстановка, выходятъ на сцену актеры, и дѣлаютъ то, что подсказывается прочитанными ремарками автора, и говорятъ то, что указано текстомъ драмы. Если актеръ забудетъ слова,—а когда онъ ихъ не забываетъ!—чтецъ читаетъ ихъ, такъ же спокойно и такъ же вслухъ, какъ и все остальное.

И раскрывается передъ зрителемъ дѣйствіе, какъ раскрывается оно передъ нами и въ самой жизни: ходимъ и говоримъ по своей, мнится намъ, волѣ; дѣлаемъ то, что намъ надо, или то, что намъ вздумается, и стараемся осуществить свои, будто бы, желанія, поскольку не препятствуютъ намъ законы природы или желанія другихъ людей; видимъ, слышимъ, обоняемъ, осязаемъ, вкушаемъ, всѣми своими чувствами и всѣми силами ума пользуемся для того, чтобы узнавать, что есть въ дѣйствительномъ мірѣ, что имѣетъ свое бытіе и свои законы, отчасти для насъ понятные, отчасти намъ чудесные; чувствуемъ любовь къ одному и ненависть къ другому, и волнуемся иными еще страстями, и сообразно съ ними устанавливаемъ наши отношенія къ міру и къ людямъ. И, обыкновенно, не знаемъ, что самобытной нашей воли нѣтъ, что всякое наше движеніе и всякое наше слово подсказаны и даже давно предвидѣны въ демоническомъ творческомъ планѣ всемірной игры разъ навсегда, такъ что нѣтъ намъ ни выбора, ни свободы, нѣтъ даже милой актерской отсебятины, потому что и она включена въ текстъ всемірной мистеріи какимъ-то невѣдомымъ цензоромъ: и тотъ міръ, который познаемъ, не иное что, какъ дивная на видъ декорація, а за нею закулисная неряшливость и грязь. Играемъ, какъ умѣемъ, подсказанную намъ роль, актеры и въ то же время зрители, попеременно апплодирующіе другъ другу или освистывающіе другъ друга, приносимые въ жертву, и въ то же время приносящіе жертву.

Можетъ ли театръ дать намъ иное зрѣлище, чѣмъ то, которое даетъ намъ широкій для нашихъ силъ и тѣсный для нашей воли міръ? Да и долженъ ли? Играй,

какъ живешь, переноси жизнь на сцену,—развѣ же не этого самаго хочетъ и бытовой театръ?

Но что же тогда остается отъ актерской игры? Вѣдь актеръ обращается въ говорящую маріонетку,—и это не можетъ нравиться актеру, который любитъ выигрышныя роли, и обращенное на него вниманіе партера, и вопли простодушнаго райка, и газетный шумъ вкругъ его имени. Непріемлемъ такой театръ для современнаго актера. Онъ презрительно скажетъ:

— Это будетъ не театральное представленіе, а просто литературное чтеніе, сопровождаемое разговорами и движеніями. Ужъ тогда лучше откровенно устроить театръ маріонетокъ, дѣтскую забаву. Пусть движутся размалеванныя куклы, пусть за кулисами говоритъ одинъ семью голосами,—и говоритъ, и дергаетъ за веревочку.

А почему же, однако, и не быть актеру, какъ маріонетка? Для человѣка это не обидно. Таковъ незыблемый законъ всемірной игры, чтобы человѣкъ былъ, какъ дивно устроенная маріонетка. И нельзя ему уйти отъ этого, и даже нельзя ему забыть это.

Настанетъ назначенный для каждаго часъ, и каждый изъ насъ, зримо для всѣхъ, обратится въ неподвижную и бездыханную куклу, уже не способную болѣе никакой исполнить роли...

Вотъ она, кукла изжитая и уже никому не нужная, лежитъ на холстѣ для послѣдняго омовенія,—и руки у нея сложены, какъ ихъ сложили,—и ноги у нея протянуты, какъ ихъ протянули,—и глаза у нея закрыты, какъ ихъ закрыли,—бѣдная маріонетка для одной только трагической игры! Оттуда, изъ-за кулисъ, кто-то равнодушный дергалъ тебя за незримую веревочку,

10

кто-то жестокій пыталъ тебя огненною мукою страданія, кто-то злой пугалъ тебя блѣдными ужасами ненавистной жизни, къ кому-то безпощадному обращала ты въ предсмертномъ томленіи тоскующіе взоры. А здѣсь, въ партерѣ, кого то забавляли твои неловкія движенія,—подъ подергиванія странной верезочки,—твои сбивчивыя слова,—такъ тихо подсказывалъ притаившійся суфлеръ,—и твои ненужныя слезы, и твой одинаково, какъ и слезы, жалкій смѣхъ. Довольно,—всѣ слова твоей роли какъ-нибудь сказаны, всѣ ремарки исполнены довольно точно,—сматывается веревочка,—и напрасно твои изсохнувшія губы хотятъ сказать новое слово,—разомкнулись, сомкнулись механически,—и затихли навѣки. Спрячутъ, зароютъ, забудутъ.

Актеръ, и самый геніальный, не больше человѣка. Его роль, даже и самая выигрышная, меньше жизни, и легче ея. И, конечно, лучше ему быть говорящею маріонеткою и двигаться, повинуясь внятному и безстрастному голосу чтеца, чѣмъ отчаянно путать свою роль подъ хриплый шопотъ спрятаннаго въ будкѣ суфлера.

Единый ровный и безстрастный голосъ „человѣка въ черномъ“ ведетъ все театральное дѣйствіе,—и въ соотвѣтствіи съ этимъ все на сценѣ должно устремляться къ единству, необходимому для того, чтобы не разсѣивалось непрочное вниманіе зрителя, не отвлекалось ничѣмъ отъ того, что въ театральномъ зрѣлищѣ единственно-существенно,—отъ раскрытія дѣйствіемъ драмы подъ многими и многообразными личинами единаго и неизмѣннаго Моего лика.

Исполняющій дѣйствіе никогда не бываетъ на сценѣ одинъ. Даже и тогда, когда нѣтъ на видимой сценѣ

другихъ актеровъ, остающійся передъ глазами зрителей ведетъ постоянный діалогъ съ кѣмъ-то. Устремленіе къ единому, ко Мнѣ, можетъ исходить только отъ того, что Мнѣ полярно противоположно,—отъ многаго, отъ не-Я. Но всѣ ручьи должны слиться въ одномъ морѣ, а не потеряться въ сыпучемъ пескѣ разрозненнаго множества. Единый Ликъ, скрытый подъ личинами, долженъ проясняться передъ зрителями въ теченіе театральнаго дѣйствія. Отъ этого и происходитъ требованіе, чтобы въ драмѣ былъ одинъ только герой, одно по существу исполняющее дѣйствіе лицо,—одна только точка, на которой сосредоточивалось бы вниманіе зрителя. Всѣ лучи сценическаго дѣйствія въ одномъ должны сходиться фокусѣ, чтобы вспыхнуло внезапно яркое пламя восторга...

Другія дѣйствующія лица въ драмѣ должны быть только необходимыми ступенями приближенія къ единому Лику. Ихъ значеніе въ драмѣ вполнѣ зависитъ отъ той степени близости къ раскрываемому въ героѣ единству волевого устремленія драмы, на которой они находятся. Только въ этомъ ихъ расположеніи по нисходящимъ ступенямъ одной и той же лѣстницы драматическаго дѣйствія лежитъ основа ихъ индивидуальныхъ различій, ихъ отдѣльныхъ характеровъ, которые иначе ни на что не были бы нужны въ драмѣ. Дездемона не потому такъ значительна въ трагической ситуаціи, что у нея большая и трогательная роль, не потому, что это ее любилъ и погубилъ Отелло, а потому, что она была тою роковою, чья рука сняла съ него личину, и для него самого открыла роковую лживость и двусмысленность міра.

Изъ того, что актеръ по существу долженъ быть

въ трагедіи одинъ, и слѣдуетъ то, что театръ долженъ освободиться отъ актерской игры. Игра, со всѣмъ разнообразіемъ вѣрно наблюденныхъ и точно переданныхъ жестовъ и интонацій, со всѣмъ, что вошло въ театральную традицію, и что пріобрѣтается прилежною выучкою, или что изобрѣтается вновь выдумкою и догадкою даровитаго актера, эта привычная намъ игра, вдохновенная или строго разсчитанная, представляетъ собою изображеніе столкновенія и борьбы людей совершенно отдѣльныхъ, изъ которыхъ каждый себѣ довлѣетъ. Но такихъ автономныхъ личностей на землѣ нѣтъ, а потому и борьбы между ними нѣтъ, а есть только видимость борьбы, роковая діалектика въ лицахъ. Немыслима и борьба съ рокомъ,—есть только демоническая игра, забава рока съ его маріонетками.

Чѣмъ лучше играетъ актеръ роль Человѣка, чѣмъ патетичнѣе восклицаетъ онъ:

— Постучимъ щитами, побренчимъ мечами,—

тѣмъ смѣшнѣе его неумѣстная игра, тѣмъ яснѣе его непониманіе роли. „Нѣкто въ сѣромъ" еще ни отъ кого не принялъ вызова на поединокъ. Дѣвочка не дерется со своими куклами,—она ихъ рветъ и ломаетъ, а сама смѣется или плачетъ, по настроенію.

Для насъ становится уже смѣшною слишкомъ усердная актерская игра, и великолѣпная декламація, и величественный жестъ, и чрезмѣрная добросовѣстность въ передачѣ бытовыхъ особенностей,—отъ всѣхъ этихъ прелестей намъ становится даже нѣсколько неловко. Какъ бываетъ неловко, когда въ обществѣ чинномъ вдругъ кто-нибудь заговоритъ громко и взволнованно и начнетъ жестикулировать. Не стоитъ играть очень усердно. Только раекъ хохочетъ и плачетъ отъ того, что пред-

ставляется на сценѣ,—партеръ слегка улыбается, иногда грустно, иногда почти весело, всегда иронически. Для него не стоитъ играть.

Трагедія срываетъ съ міра его очаровательную личину, и тамъ, гдѣ чудилась намъ гармонія, предуставленная или творимая, она открываетъ передъ нами вѣчную противорѣчивость міра, вѣчное тождество добра и зла и иныхъ полярныхъ противоположностей. Она утверждаетъ всякое противорѣчіе, всякому притязанію жизни, правому ли, нѣтъ ли, одинаково говоритъ ироническое *Да!* Ни добру, ни злу не скажетъ лирическаго *Нѣтъ!* Трагедія—всегда иронія, и никогда не бываетъ она лирикою. Такъ и надо ее ставить.

И потому не должно быть на сценѣ игры. Только ровная передача слово за словомъ. Спокойное воспроизведеніе положеній, картина за картиною. И чѣмъ меньше этихъ картинъ, чѣмъ медленнѣе смѣняются онѣ, тѣмъ яснѣе выступаетъ передъ очарованнымъ зрителемъ трагическій замыселъ. Пусть не старается и не ломается трагическій актеръ,—чрезмѣрность жеста и напыщенность декламаціи приходится оставить на долю шута и скомороха. Актеръ долженъ быть холоденъ и спокоенъ, каждое слово его должно звучать ровно и глубоко, каждое движеніе его должно быть медленно и красиво. Трагическое представленіе не должно напоминать мельканіе картинъ въ кинематографѣ. И безъ этого мельканія, досаднаго и ненужнаго, очень длинный путь къ пониманію трагедіи долженъ пройти внимательный зритель.

Дальше всего отъ зрителя стоитъ герой трагедіи, первый выразитель Моей воли,—всего длиннѣе путь къ его пониманію, по крутой лѣстницѣ надо зрителю

къ нему подняться, многое въ себѣ и внѣ себя преодолѣть и побѣдить. А чѣмъ дальше отъ героя, тѣмъ ближе къ зрителю, тѣмъ понятнѣе для него, и, наконецъ, лица драмы становятся уже столь близки къ зрителю, что болѣе или менѣе совершенно совпадаютъ съ нимъ. Онѣ становятся похожими на хоръ древней трагедіи, говорящій то, что сказалъ бы любой изъ сидящихъ на ступеняхъ амфитеатра.

Вотъ пришелъ въ театръ мирный и довольный собою буржуа. Какъ же ему принять завязку и развязку драмы, и что онъ въ ней пойметъ, если все чуждыя его понятіямъ рѣчи будутъ раздаваться со сцены? Какъ трагедія Шекспира не обходилась безъ шута, такъ и современная драма не можетъ обойтись безъ этихъ шаблонныхъ манекеновъ, у которыхъ лица стертыя, механизмъ слегка попорченъ и скрипитъ, и слова тусклыя и ходячія. И если самъ буржуа содрогнется отъ ихъ нестерпимой плоскости, то это и хорошо. Въ этомъ будетъ утѣшительный признакъ того, что и онъ приближается къ пониманію подъ разными личинами таящагося единаго Лика, оскорбленнаго, но не убитаго плоскостью земныхъ реченій. Въ этомъ лежитъ неложное оправданіе и легкой комедіи, и фарса, и даже балаганнаго скоморошества.

Въ этомъ есть также и другое значеніе,— потому что это пока единственный способъ въ театрѣ общедоступномъ,— опять не говорю о театрѣ интимномъ, наиболѣе для насъ дорогомъ и желанномъ, но о которомъ говорить такъ трудно,— единственный способъ пріобщить зрителя къ дѣйствію. Единственный и, можетъ быть, во многихъ случаяхъ достаточный.

Даже и сама мистерія, будучи дѣйствіемъ въ высокой

степени соборнымъ, все же требуетъ одного исполнителя, жреца и жертву, для таинства самопожертвованія. Не только высшій родъ общественнаго дѣянія, мистерія, но все вообще общественное совершеніе въ то же время совершенно индивидуально. Всякое общее дѣло дѣлается по мысли и плану одного, всякій парламентъ слушаетъ оратора, а не галдитъ соборно, соборуясь въ соборномъ веселомъ гамѣ. „На сосудѣ — печать, на печати — имя; что таится въ сосудѣ, знаютъ запечатавшій и посвященный". Храмъ открытъ для каждаго, но имя строителя врѣзано на камнѣ. Приходящій же къ алтарю долженъ оставить свою злобу за порогомъ. И потому толпа, — зрители, — не иначе можетъ быть пріобщена къ трагедіи, какъ только посредствомъ сожиганія въ себѣ своихъ ветхихъ и плоскихъ словъ. Только пассивно. Исполняющій же дѣйствіе всегда одинъ.

Какой можетъ быть интересъ для сцены въ томъ, чтобы наводнить ее множествомъ лицъ, изъ которыхъ каждое притязаетъ на свой характеръ и на отдѣльную свою въ драмѣ роль? Досадно для понимающаго драму ихъ мельканіе, трудно запоминать ихъ, и не къ чему. Даже и читать драмы поэтому трудно, — постоянно приходится заглядывать въ списокъ дѣйствующихъ лицъ. Потому и на книжномъ рынкѣ драма не въ фаворѣ.

Не все ли мнѣ равно, кто суетится и хлопочетъ на сценѣ, Шуйскій или Воротынскій, — если я знаю, что передо мною пройдетъ сейчасъ трагедія самозванства, такъ геніально замышленная геніемъ русской исторіи (и такъ еще блѣдно намѣченная геніями русской литературы)! Говоритъ одинъ, говоритъ другой, — да не

твои ли это слезы, простодушный зритель? Рядомъ съ червоннымъ золотомъ поэзіи не твои ли на полу сцены покатились тусклые, давно истертые, и все же дорогіе тебѣ пятиалтынные?

Наивный расчетъ,—но мудрый и вѣрный,—подбирая съ жадностью свои пятиалтынные, возьметъ театралъ и Мое тяжелое золото, и за него продастъ Мнѣ свою легковѣсную, но все же милую мнѣ душу. Но все-таки пусть бы лучше меньше было на полу сцены этой размѣнной монеты:—пожеланіе, направленное къ драматургамъ.

Одинъ въ драмѣ волящій—авторъ, одинъ выполняющій дѣйствіе—актеръ, одинъ бы долженъ быть и зритель. Въ этомъ отношеніи правъ былъ тотъ безумный король, который одинъ въ своемъ великолѣпномъ театрѣ слушалъ игру своихъ актеровъ, таясь за тяжелымъ штофомъ въ тишинѣ и темнотѣ королевской ложи. Въ трагическомъ театрѣ каждый зритель долженъ чувствовать себя этимъ безумнымъ королемъ, утаившимся ото всѣхъ. И никто не долженъ видѣть его лица, и никто не удивится тому, что

„онъ тайною завѣсилъ
страстей своихъ игру,
порой у гроба веселъ
и мраченъ на пиру“.

И если онъ задремлетъ и даже совсѣмъ заснетъ,—искусство же—золотой сонъ,—и почему драмѣ не быть ритмическимъ сновидѣніемъ?—никто не посмѣется надъ нимъ, и никого не обезпокоитъ и не шокируетъ его внезапный въ самомъ патетическомъ мѣстѣ храпъ.

И самъ онъ не долженъ ни видѣть, ни слышать ни-

кого,—ни простосердечно отражающихъ на своихъ лицахъ всѣ чувства, настроенія, огорченія и сочувствія, ни притворяющихся понимающими и умными. Не видѣть ни носового платка у покраснѣвшихъ глазъ, ни нервно смятой перчатки въ безпокойныхъ рукахъ. Не слышать сморкающихся и всхлипывающихъ, ни тѣхъ, кто смѣется и тогда, когда надо смѣяться, и тогда, когда надо плакать. Въ тишинѣ, въ темнотѣ, въ уединеніи долженъ быть зритель трагическаго зрѣлища. Какъ суфлеръ въ тѣсной своей будкѣ. Какъ театральная мышь.

Не развлекаемый ничѣмъ постороннимъ, зритель не долженъ быть развлекаемъ и на сценѣ ничѣмъ, что не входитъ въ составъ строго необходимаго для драмы. Будутъ ли на сценѣ превосходно расписанныя декораціи, или одни только повиснутъ на ней и лягутъ сукна,—во всякомъ случаѣ сцена должна располагаться въ одномъ планѣ. Зрѣлище должно быть, какъ картина, чтобы не надо было зрителю засматривать за актера, въ глубину многопланной сцены, въ ту область, гдѣ можетъ оказаться что-нибудь внѣшне-скрытое, въ то время, какъ надлежало бы искать открытаго въ дѣйствующемъ, въ волящемъ и въ созерцающемъ.

Декорація пріятна на сценѣ,—она сразу даетъ должное настроеніе, даетъ зрителю всѣ внѣшніе намеки,— и отчего же ей и не быть? Если и въ широкомъ внѣшнемъ мірѣ такъ же:

> «И вдругъ декораціей плоской
> мнѣ все показалось тогда,
> заря протянулась бумажной полоской,
> блесткой блеснула звѣзда».

Но потерянный въ мірѣ внѣшнихъ декорацій приходитъ въ театръ, чтобы найти себя,—чтобы притти ко Мнѣ. И нельзя развлекать его взоровъ излишне пышнымъ многообразіемъ декорацій. Поэтому, между прочимъ, лучше, чтобы вся драма совершалась въ одной декораціи. Во всякомъ случаѣ въ каждый данный моментъ зритель долженъ знать, на что слѣдуетъ ему смотрѣть, что надо на сценѣ видѣть и слышать. Въ этомъ помогаютъ ему громко произносимыя чтецомъ ремарки автора, въ этомъ же, конечно, поможетъ ему и все искусство механическихъ приспособленій. Все, что является зрителю на сценѣ, должно быть значительно, каждая подробность обстановки должна быть строго соображена, чтобы не было ничего передъ зрителёмъ лишняго, ничего сверхъ самаго необходимаго.

Въ этомъ же направленіи, можетъ быть, умѣстно и цѣлесообразное распредѣленіе освѣщенія: можетъ быть, зрителю должно быть показываемо только то, что онъ въ данный моментъ долженъ видѣть, а все остальное должно бы тонуть во тьмѣ,—какъ и въ нашемъ сознаніи падаетъ подъ порогъ сознанія все предстоящее, на что мы сейчасъ не обращаемъ вниманія. Оно есть, и въ то же время его какъ бы нѣтъ. Потому что для меня существуетъ только то, что во Мнѣ и для Меня,—все остальное, несмотря на его возможную для кого-нибудь реальность, покоится только въ мірѣ возможностей, только ждетъ своей очереди быть.

Такова намѣчаемая форма театральнаго зрѣлища. И содержаніе, влагаемое въ эту форму,— трагическая игра Рока съ его маріонетками,— зрѣлище рокового истаиванія всѣхъ земныхъ личинъ,—мистерія совершеннаго самоутвержденія. Играя, играю куклами и ли-

чинами,—и зримо для міра спадаютъ личины и покровы,—и таинственно открывается единый Мой ликъ, и, ликуя, торжествуетъ единая Моя воля. Моя роковая ошибка завязываетъ всѣ узлы, и бьюсь въ сжимающихся путахъ земныхъ неисходныхъ противорѣчій,—и разрѣзываетъ роковые узлы острый стилетъ, пронзающій Мое сердце. Веселою игрою воздвигъ Я міры,—и Я—жертва, и Я—жрецъ. Утѣшаетъ горящая любовь, и сгорая сгораетъ,—и послѣдняя утѣшительница—Смерть.

Конечно, къ трагедіи тяготѣетъ театръ. И долженъ стать трагическимъ.

Всякій фарсъ въ наше время становится трагедіею, смѣхъ нашъ звучитъ для чуткаго уха ужаснѣе нашего плача, и восторгу нашему предшествуетъ истерика. Въ старину смѣялись веселые и здоровые. Смѣялись побѣдители. Побѣжденные плакали. У насъ смѣются печальные и безумные. Смѣется Гоголь... У Моего безумія—веселые глаза.

Наша комедія, по-просту сказать, не иное что, какъ только смѣшная и забавная трагедія. Но смѣшна для насъ и трагедія.

Страданія молодого Вертера? Нѣтъ,—страданія сознательнаго гимназиста. Это—очень смѣшно, но и очень серьезно. Его могли бы высѣчь розгами,—но онъ застрѣлился. Дѣвочки толпятся около вырытой для него могилы, розы падаютъ на его гробъ,—родители плачутъ и сморкаются. Они хотѣли его высѣчь, но не успѣли. Это—не ихъ вина.

Разливается вкругъ насъ зыбкій смѣхъ, какъ музыка. Онъ ритмиченъ, можетъ быть. Онъ хочетъ пляски. И развѣ только одна Смерть танцуетъ на свѣжихъ моги-

лахъ? Мы тоже умѣемъ плясать. Мы—страшно веселый народъ, мы пляшемъ, какъ семья гробовщиковъ въ холерной годъ...

Каково бы ни стало содержаніе будущей трагедіи, но безъ пляски ей не обойтись. Догадливые драматурги не даромъ и теперь ставятъ въ своихъ пьесахъ кекъ-уокъ, матчишъ и еще какую-то ерунду.

Но пляска, надѣюсь, будетъ хоровая. И вотъ для этого надо снять въ театрахъ рампу.

Если современный зритель только тѣмъ можетъ участвовать въ театральномъ зрѣлищѣ, что узнаетъ себя въ подставляемыхъ ему со сцены болѣе или менѣе кривыхъ зеркалахъ, то слѣдующею ступенью его участія въ трагическомъ дѣйствѣ должно быть его участіе въ трагической пляскѣ.

Хорошо, что пляшетъ Айседора Дунканъ, обнаженныя окрыляя пляскою ноги...

„Такъ мило знать, что съ нами вмѣстѣ
жизнь иная есть!“ (Валерій Брюсовъ).

Но скоро и мы всѣ заразимся этою „иною жизнью“, и какъ хлысты, хлынемъ на сцену, и закружимся въ неистовомъ радѣніи.

Дѣйствіе трагедіи будетъ сопровождаться и перемежаться пляскою. Веселою? Можетъ быть. Во всякомъ случаѣ, болѣе или менѣе неистовою. Потому что пляска и есть не что иное, какъ ритмическое неистовство души и тѣла, погружающихся въ трагическую стихію музыки.

Если ты смотришь на пляшущаго и думаешь, что онъ кружится, и обливается потомъ, и потому любитъ обливаться нѣжнымъ благоуханіемъ духовъ, то ты оши-

баешься, конечно. Это не онъ кружится передъ тобою,— міръ вращается вокругъ него все быстрѣе и быстрѣе, мрѣя, истлѣвая, истаивая въ быстромъ, вольномъ и легкомъ движеніи. И ты не видишь этого всемірнаго кружения, потому что ты робокъ и благоразуменъ, и не смѣешь предаться расторгающему оковы ежедневности неистовому ритму пляски. Ты видишь только смѣшное,—слишкомъ красныя лица, неловко отставленную или некрасиво согнутую руку, смокшія прядки волосъ и эти противныя мелкія капельки на молодой кожѣ. Ты не знаешь, что это сладкимъ огнемъ вѣетъ міровое кружение на предавшееся всемірной пляскѣ изступленное тѣло, и эдемскія росы сочетали въ себѣ отрадную прохладу и отрадный зной.

Бьется о бѣлую шею черный локонъ, мелькаетъ изъ-подъ бѣлаго платья кончикъ бѣлаго башмака, радостная блеснетъ и уносится улыбка на алыхъ устахъ шлейфъ влечется и задѣваетъ. Надѣнь перчатки, пригласи какую хочешь даму, не бойся,—это же только бальный танецъ, и ты не на Брокенѣ, а въ танцовальномъ залѣ въ домѣ баронессы Журфиксъ. Полъ натертъ воскомъ,—„даромъ мудрыхъ пчелъ",—но совсѣмъ не опасенъ. „Дѣвица Снандулія танцуетъ только съ тѣми, кто ей партія" (Ведекиндъ: „Пробужденіе весны"),— она—дѣвица благовоспитанная, хотя „платье у нея вырѣзано спереди и сзади,—сзади до пояса, а спереди до умопомраченія. Рубашки на ней, должно быть, совсѣмъ нѣтъ".

Этотъ бальный танецъ—только намекъ на то, чѣмъ должна быть трагическая пляска. Правда, корсетъ, перчатки и башмаки танцующей дамы отчасти, хотя бы и въ слабой степени, соотвѣтствуютъ маскѣ древняго

трагическаго лицедѣя. Но вѣдь мы уже знаемъ, что сдѣланная театральнымъ бутафоромъ маска намъ не нужна, какъ бы хороша она ни была. Мы свои собственныя носимъ всегда личины, и онѣ такъ хорошо исполняютъ свое назначеніе, что не только другихъ, но и самихъ себя мы часто обманываемъ игрою ихъ выраженій.

Весь міръ—только декорація, за которою таится творческая душа.—Моя душа. Всякое земное лицо и всякое земное тѣло—только личина, только маріонетка для одной каждая игры, для земной трагикомедіи,—маріонетка, заведенная на слово, жестъ, смѣхъ и слезы. Но приходитъ трагедія, истончаетъ декораціи и обличія, и сквозь декорацію просвѣчиваетъ преображенный Мною міръ, міръ Моей души, исполненіе единой Моей воли,—и сквозь личины и обличія просвѣчиваетъ единый Мой ликъ и единая Моя преображенная плоть Плоть прекрасная и освобожденная.

Ритмъ освобожденія—ритмъ пляски. Радость освобожденія—радость прекраснаго, обнаженнаго тѣла.

Пляшущій зритель и пляшущая зрительница придутъ въ театръ, и у порога оставятъ свои грубыя, свои мѣщанскія одежды. И въ легкой пляскѣ помчатся.

Такъ толпа, пришедшая смотрѣть, преобразится въ хороводъ, пришедшій участвовать въ трагическомъ дѣйствіи.

МЕЧТА ДОНЪ-КИХОТА.

(Айседора Дунканъ).

Мечту Донъ-Кихота воплотила Айседора Дунканъ. И оправдана милая, странная, смѣшная, для глупыхъ дѣтей мечта.

Рыцарскій подвигъ—служеніе красотѣ. Рыцарь выбиралъ даму, и во славу ея совершалъ подвиги. Выбиралъ даму, какъ выбираютъ галстуки: по своему вкусу. Посмотритъ, одобритъ, влюбится, можетъ быть,—и ѣдетъ геройствовать: выбралъ даму. Знаетъ, что его дама достаточно хороша, миловидна, обучена всѣмъ приличнымъ знатной дамѣ рукодѣліямъ и даже грамотѣ. Вообще, такая дама, чье имя не стыдно назвать громко, передъ сонмищемъ самыхъ блестящихъ рыцарей.

Прекраснѣйшая изъ дамъ! Но кто же по праву единственная Прекрасная Дама?

Въ гордомъ замыслѣ бѣднаго Ламанчскаго рыцаря Прекраснѣйшая изъ дамъ—Дульцинея Тобозская.

Воистину прекраснѣйшая,—потому что въ ней красота не та, которая уже сотворена и уже закончена и уже клонится къ упадку,—въ ней красота творимая и вѣчно поэтому живая.

Какъ истинный мудрецъ, Донъ-Кихотъ для творенія красоты взялъ матеріалъ наименѣе обработанный и потому наиболѣе свободы оставляющій для творца. Альдонса,—обыденное имя его Дульцинеи,—простая крестьянская дѣвица. Смазливая. Сильная. Веселая. Пахнетъ потомъ. Ничего себѣ дѣвка для деревенскаго жениха. Бойко спляшетъ на праздникѣ. А выйдетъ замужъ — хорошею будетъ хозяйкою, и нарожаетъ здоровыхъ, славныхъ ребятъ.

Таково обычное, пошлое, Санчо-Пансовское воспріятіе дѣйствительности, сильная и прекрасная иронія, вдохновляющая всѣхъ прозаиковъ и точныхъ наблюдателей. А воспріятіе Донъ-Кихота, лирическое пониманіе дѣйствительности, изъ этого грубаго матеріала творитъ цѣнность неоцѣненную, сокровище непреходящее,—то, чего нѣтъ, но что должно быть. То, что не сотворено во внѣшнемъ твореніи, но что творится поэтомъ.

Подвигъ лирическаго поэта въ томъ, чтобы сказать тусклой земной обычности сжигающее нѣтъ; поставить выше жизни прекрасную, хотя и пустую отъ земного содержанія форму; силою обаянія и дерзновенія устремить косное земное къ воплощенію въ эту прекрасную форму. Лирическій подвигъ Донъ-Кихота въ томъ, что Альдонса отвергнута, какъ Альдонса, и принята лишь какъ Дульцинея. Не мечтательная Дульцинея, а вотъ та самая, которую зовутъ Альдонсою. Для васъ—смазливая, грубая дѣвка, для меня—прекраснѣйшая изъ дамъ.

Ибо не должно быть на землѣ грубой, смазливой, козломъ пахнущей Альдонсы. И если кажется, что она есть, то лирическое воспріятіе міра требуетъ чуда, требуетъ преображенія плоти.

Посылаетъ вѣрнаго своего Санчо-Пансо, и говоритъ ему:

— Привѣтствуй Дульцинею, прекраснѣйшую изъ дѣвъ земныхъ.

Иронически, точно-настроенный Санчо-Пансо видитъ только Альдонсу. Тѣмъ хуже для него. Грубы его чувства, и за пеленою тусклой обычности не различаютъ возможностей и обѣтованій великой красоты. Надлежитъ ему преобразиться, пройти длинный путь культуры, истончить свои воспріятія,—и тогда приблизится онъ къ своему господину, и повѣритъ въ обѣтованную Дульцинею.

И говоритъ Альдонсѣ:

— Тебя глупые зовутъ Альдонсою, но ты должна взойти на тѣ высоты, гдѣ я приготовилъ тебѣ мѣсто. Знай, что ты—Дульцинея, прекраснѣйшая изъ земныхъ дѣвъ.

Не вѣритъ, хохочетъ, грубо скалитъ звѣрино-крѣпкіе, бѣлые зубы. Влачитъ ярмо обыденности, и умираетъ. И возникаетъ снова Альдонса, но уже отравленная ядомъ высокаго внушенія. И не вѣритъ, и смѣется надъ высокою мечтою, смѣется надъ бѣднымъ своимъ рыцаремъ, смѣется и плачетъ, и умираетъ, до конца пройдя пути обычности, ироніи, точнаго вѣдѣнія, тупой покорности. И возникаетъ опять,—и сильнѣе, и слаще ядъ высокаго внушенія.

Бѣдная, грубая, смазливая, сильная, хорошо работающая, прельщающая нехитрыми соблазнами не-

хитраго жениха, угождающая довольному судьбою мужу, плодящая ребять, — все чаще, все слаще мечтаеть о высокомъ счастіи, о высокомъ подвигѣ.

— Хочу быть Дульцинеею.

И возникаетъ наконецъ дерзновенная Айседора Дунканъ, и являетъ міру высокое и обольстительное зрѣлище творимой красоты.

Творимой изъ чего?

Лицо очень милое, но вовсе не красивое. Обаятельное лицо милой деревенской Альдонсы, побывавшей долго въ городахъ, вкусившей городской несложной мудрости. Вотъ на губахъ полугородская, жеманная, милая улыбка. Вотъ зовущій и простодушный взоръ. Вотъ золотые звуки голоса, уже не много отвыкшаго отъ гулкихъ полевыхъ просторовъ.

Тѣло,—знатоки найдутъ много недостатковъ: форма груди не такая, какъ хотѣлось бы, стопа плоская, большой палецъ ноги излишне поднятъ. Сильное, хорошо, неутомимо работающее тѣло.

Пляшетъ, обнаженныя окрыляя пляскою ноги, обнаженныя въ изумительномъ движеніи подымая руки,— и въ зыбкое движеніе своей пляски увлекаетъ очарованную душу зрителя. Вотъ, видитъ онъ истинное чудо преображенія обычной плоти въ необычайную творимую на его глазахъ красоту, видитъ, какъ зримая Альдонса преображается въ истинную Дульцинею, въ истинную красоту этого міра,—и чудо преображенія чувствуетъ въ себѣ самомъ.

Онъ ли это, въ предметахъ видимаго міра замѣчавшій только грязь и мерзость? Онъ ли, иронически улыбавшійся? Онъ ли восторгается и ликуетъ? Онъ-ли вѣритъ сладостной мечтѣ преображенія?

И восторгается, и ликуетъ. Полуобнаженное видитъ тѣло, и не вожделѣетъ. И если бы увидѣлъ ее совсѣмъ нагую, тѣмъ же бы чистымъ и пламеннымъ пламенѣлъ восторгомъ.

Пляшетъ. Устала. Краснымъ становится лицо, и покрывается каплями пота, краснѣютъ голыя руки, покраснѣли стопы. Проносится близко, такъ близко, что слышишь легкій шорохъ ея легкихъ, легковѣющихъ одеждъ, и слышишь запахъ ея тѣла, и ея пота. И слаще пролитаго аромата запахъ этого пота, проливаемаго въ тягостномъ и веселомъ трудѣ,—ибо и тягостенъ и веселъ трудъ преображенія, подвигъ преображенія.

Милыя, бѣдныя работницы, съ серпомъ или съ иглою въ утомленныхъ рукахъ, придите, взгляните на вашу сестру, на эту пляшущую, на эту пляскою трудящуюся Альдонсу,—придите и научитесь, какія возможности красоты и восторга въ вашихъ носите вы тѣлахъ; поймите, какъ прекрасна, какъ благоуханна преображенная въ дерзкомъ подвигѣ, нестыдливо обнаженная, милая плоть, прекрасное тѣло Дульцинеи.

Ей же, Айседорѣ Дунканъ, слава,—сладкую воплотила она мечту столѣтій, дерзкій и странный оправдала она выборъ благороднѣйшаго и несчастнѣйшаго изъ рыцарей, который навѣки поставилъ выше знатныхъ босоногую крестьянскую дѣвку, которая жнетъ, вѣетъ, моетъ полы,—и ее назвалъ прекраснѣйшею изъ земныхъ дѣвъ, и далъ ей сладкое имя Дульцинеи.

И да будетъ безсмертно въ вѣкахъ сладкое имя Айседоры, Айседоры Дунканъ.

ВЕЧЕРЪ ГОФМАНСТАЛЯ.

Театру, который захочетъ поставить себѣ серьезныя цѣли, такъ же трудно существовать въ Петербургѣ, какъ и въ глухой провинціи: нѣтъ зрителей. Оперетка и фарсъ собираютъ полный залъ, трагедія идетъ въ унылой пустынѣ. Зритель ждетъ, чтобы его развлекали. Отчасти онъ и правъ: если театръ даетъ ему только зрѣлище, если театръ оставляетъ его только безучастнымъ созерцателемъ представленія, то что же остается зрителю? Искать развлеченія въ зрѣлищѣ. Если онъ не можетъ быть участникомъ трагической игры, то пусть же зрѣлище будетъ, по крайней мѣрѣ, ему совершенно понятно, пріятно и близко.

Театръ высокаго искусства только тогда соберетъ въ своихъ стѣнахъ толпу, когда онъ захватитъ зрителя въ страстное круженіе своего пламеннаго восторга. Когда зритель перестанетъ быть только зрителемъ. Когда онъ станетъ участникомъ дѣйствія. А для этого дѣйствіе на сценѣ должно перестать быть зрѣлищемъ, должно стать мистеріею.

Это будетъ театръ для избранныхъ? Интимный театръ? Можетъ быть. Но, можетъ быть, и для всѣхъ.

Зрѣлище, только зрѣлище, утомляетъ зрителя. Надоѣло. Не хотимъ только слушать. Хотимъ участвовать...

Это, можетъ быть, слишкомъ общій взглядъ для объясненія того или другого частнаго явленія. Что же, просто и спокойно перейдемъ къ частностямъ и подробностямъ.

Говоря о вечерѣ Гофмансталя, приходится говорить о томъ, что уже отошло въ область минувшаго. Въ одномъ изъ малыхъ театральныхъ залъ Петербурга, въ такъ называемомъ Новомъ театрѣ, товариществомъ драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ А. А. Санина было дано нѣсколько спектаклей. Были сдѣланы только двѣ постановки: „Вечеръ Гофмансталя“ и „Союзъ молодости“ Ибсена. Теперь это предпріятіе уже покончило свое существованіе.

„Вечеромъ Гофмансталя“ названо было представленіе двухъ піесъ этого автора: трагедія „Электра“ и драматическій эпизодъ „Смерть Тиціана“. О послѣднемъ говорить не могу. Должно быть, было хорошо. Знаю только, что было непреодолимо скучно. Интересъ вечера сводился къ „Электрѣ“.

Для того, кто посѣщаетъ театръ по обязанности, его привычка говорить о театрѣ подскажетъ ему удовлетворительныя слова о каждомъ спектаклѣ. Кто посѣщаетъ театръ не для писанія рецензій, для того, по большей части, трудно говорить о видѣнномъ,—не хочется. Такъ и я не скажу о многомъ. Не могу.

Сижу въ зрительномъ залѣ, смотрю, и думаю:

„Скоро ли кончится?“

И недовѣрчиво, почти безъ вѣры въ возможность этого, жду моментовъ сладкихъ, жуткихъ и трепетныхъ.

моментовъ, для которыхъ только и стоитъ ходить въ театръ. Если ихъ нѣтъ, то только и остается,—сидѣть и ждать конца.

Вижу превосходно сдѣланную декорацію. Вѣрю въ большую эрудицію художника. Недаромъ и на афишѣ наклеены картиночки очень ученаго содержанія: двѣ микенскія вазы, фризъ Тириѳскаго дворца. Конечно, декорація сдѣлана съ громаднымъ знаніемъ дѣла. Но какое же мнѣ въ томъ утѣшеніе? Она мѣшаетъ мнѣ смотрѣть на то, что дѣлается на сценѣ. Какой-то музей историческій передо мною,—такая бездна подробностей, что для обозрѣнія ихъ понадобилось бы не менѣе часа. Конечно, надо, чтобы декорація вводила въ тотъ міръ, который изображенъ. Но если бы поменьше подробностей!

Костюмы, массовыя сцены, большое искусство режиссера, плохая игра большинства артистовъ,—что до всего этого? Только бы одинъ моментъ восторга!

И онъ былъ данъ.

Въ роли Электры зрители видѣли Роксанову, а изъ нея могла бы выработаться, при счастливыхъ условіяхъ, настоящая трагическая актриса.

Трагическій актеръ—совсѣмъ не то же, что актеръ драматическій. Трагедія и драма—да это два разные міра, солнце и луна. Драма—вся въ борьбѣ. Трагедія—вся въ тишинѣ и безмолвіи непреклонной рѣшимости. Герой драмы размышляетъ и колеблется. Съ другими ли, съ самимъ ли собою, онъ вѣчный ведетъ споръ. Трагическій герой приходитъ для свершенія рокового замысла,—и съ его рокового пути нѣтъ возврата назадъ. Потому и гибель на концѣ этого пути. И до игры ли внѣшней трагическому актеру!

И вотъ, когда участники спектакля кричали свирѣпыми голосами, яростно вращали глазами, дѣлали угрожающіе и необыкновенные жесты,—все это такъ не шло къ трагическому тону, что казалось смѣшнымъ. И сбивало исполнительницу роли Электры.

Пришла на сцену Клитемнестра, кричала, стучала палкою, неистовствовала,—казалась русскою помѣщицею стараго времени; словно вотъ сейчасъ позоветъ холоповъ, и начнетъ истязать свою дочь. И, поддаваясь общему дурному тону, психопатничала иногда и Роксанова.

Но зато какъ она молчала! Какъ она смотрѣла! Какъ она слушала! Какъ она плакала!

Длился спектакль, скучный, потому что піеса ничтожная, постановка чрезмѣрно-ученая, актеры слишкомъ актеры изъ драмы, единственная трагическая актриса еще не нашла себя,—и только когда она оставалась одна, когда ей оставалось овладѣть странною тишиною трагическаго устремленія, и въ молчаніи и въ словѣ передать непреклонный шопотъ рока, который тихъ,—и неумолимъ,—только тогда являлась торжественная и вѣрная трагедія, и оправданы были Смерть и Любовь,—оправдана была Любовь—Смерть.

Умеръ убитый Орестомъ Эгистъ, и съ шумными криками торжества собрался народъ. Вынесли на рукахъ, высоко поднявъ, Ореста, и закружилась и завопила толпа,—бросилась въ бѣшеную пляску Электра, и слышенъ былъ вопль ея, торжествующій и страшный вопль.

Какъ ликуетъ, какъ торжествуетъ, какъ свѣтло и ужасно радуется свободная душа человѣка! Какіе находитъ она звуки, какіе вопли исторгаетъ ея восторгъ

изъ широко отверстыхъ устъ! Какая радость! Какой ужасъ! Какая прекрасная смерть!

Смерть! Потому-что послѣ этого не надо жизни. И если она жила еще долго,—что до того! Только разъ душа человѣка можетъ такъ ликовать, и такъ, ликуя, умирать.

ДЕМОНЫ ПОЭТОВЪ.

I. Кругъ демоновъ.

Я—поэтъ, и я хочу говорить о поэтахъ. Точнѣе, о ихъ демонахъ.

Демоновъ, конечно, нѣтъ. Что-же, можетъ быть, нѣтъ и поэтовъ? Нѣтъ-ли, есть-ли, — все равно. Значимо только то, что я хочу говорить объ этихъ предметахъ.

Поэтъ, говорящій о поэтахъ, находится въ исключительно-счастливыхъ условіяхъ. По свойственной поэту пріятной способности всему удивляться, всѣмъ восхищаться и вдохновляться всякими явленіями жизни, поэтическія произведенія, которыя поэтъ читаетъ, производятъ на него обаятельное, волнующее впечатлѣніе. Чужіе стихи для поэта или совсѣмъ мертвы, вовсе не существуютъ, или волнуютъ и трогаютъ его чрезвычайно. Человѣкъ, способный приходить въ восхищеніе передъ мертво-играющими въ атмосферѣ демонами воздуха и пыли, онъ-ли зѣвнетъ надъ прекрасною поэмою? Онъ-ли почтитъ равнодушною хвалою игру творящаго духа, хотя бы то былъ и „мелкій бѣсъ, изъ самыхъ нечиновныхъ“?

Понять каждую гримасу, подмѣтить всѣ эти легкія

дрожанія въ уголкахъ губъ, каждый бѣглый, мгновенный огонекъ отразить въ себѣ, подъ самую послѣднюю заглянуть личину,—это наслажденіе очень изысканное, за которое каждый изъ насъ такъ благодаренъ другому поэту.

Наслажденіе очень изысканное, хотя и очень опасное. Стрѣла летитъ иногда и дальше цѣли,—слишкомъ тонко выпрядаемая нить слишкомъ рано рвется между пальцами внезапно дрогнувшей пряхи,—медъ до-излиха сладкій въ горькое претворяется вдругъ яство.

Слишкомъ глубокое пониманіе собираетъ сокровища, которыхъ никто не расточалъ, и жнетъ пшеницу, никѣмъ не посѣянную, радуя лукавыхъ, которые всегда смѣются надъ человѣкомъ.

Поэтъ—вдохновенный творецъ, чародѣй и мечтатель. Вотъ открываетъ онъ чужую книгу, и ворожитъ надъ нею.

Скатерть-самобранка, разстилайся предо мною,—угости меня дивною трапезою. Я хочу тонкихъ винъ и благоуханныхъ снѣдей.

И раскрывается,—и уставленъ столъ.

Насыщенъ и пьянъ, встаю изъ-за дивнаго пира, и томно кружится голова,—и погано хихикаетъ одинъ изъ лукавыхъ, и шепчетъ вкрадчиво и злобно:

— Пепелъ и угли—твои снѣди, болотною ржавчиною краснѣетъ вино твое, смрадные черепки — сосуды, изящностью которыхъ прельщался ты.

Посмотри,—онъ правъ, лукавый.

Ну, такъ что-же! Правъ и ты, поэтъ. Ты насладился,—и усладительныхъ миговъ никто не отниметъ отъ тебя.

Вотъ было для тебя творчество иного поэта океаномъ,

перелеснувшимъ переплескъ вольныхъ волнъ черезъ черную черту береговъ. Ты прошелъ надъ океаномъ, шагами измѣрилъ ты неизмѣримую ширину его, вершками исчислилъ ты его глубину,—но не стыдись восторженныхъ похвалъ: не ты-ли былъ солнцемъ, отразившимъ свой ликъ въ океанѣ?

Хвала—дѣло поэта, восторгъ—его правда.

Экстазы поэта достойнѣе, чѣмъ придирчивыя истолкованія критика.

Не было такого времени въ Россіи, когда критика не совершала бы позорнаго дѣла охуленія литературныхъ славъ. Русскіе критики достигли того, что въ представленіи русскихъ людей, столь еще простодушныхъ, самое слово „критика" стало равнозначущимъ со словомъ „брань". Любители презрительныхъ выраженій съ восторгомъ читали и читаютъ критическія статьи, гдѣ творческій трудъ и свѣтлое вдохновеніе поэтовъ расцѣнивались и расцѣниваются съ грубою развязностью, какъ дѣло глупое и позорное.

„Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной".

„Какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ!"

Читаю статью Бѣлинскаго, искреннѣйшаго изъ русскихъ критиковъ, о поэзіи геніальнаго Баратынскаго. Какая тупость! Какое чистосердечное нежеланіе понять!

Но что-же! Примѣры неисчислимы.

И въ наши дни, кто изъ нынѣ живущихъ критиковъ не имѣетъ въ своей литературной карьерѣ большаго или меньшаго числа оплеванныхъ имъ поэтовъ, имена которыхъ онъ и самъ произноситъ теперь не безъ уваженія.

И вѣнцы надѣвала иногда критика, или запоздалые, или неправые.

Такъ было и бываетъ потому, что критикъ ко всякому литературному явленію подходитъ съ кодексомъ правилъ, заранѣе изготовленныхъ. И все живое въ поэзіи вылѣзаетъ за рамки этихъ правилъ.

Въ оцѣнкѣ поэтовъ простой читатель, ни поэтъ, ни критикъ, занимаетъ среднее мѣсто. Онъ не способенъ восторгаться красотами, которыя еще должны быть невчарованы изъ мертвой груды словъ; онъ не способенъ понять того, что такъ глубоко скрыто подъ образами, того, чего поэтъ, можетъ быть, и не вкладываетъ въ свои образы, но что можетъ быть очень точно и вѣрно примышлено. Это суживаетъ для него тотъ кругъ, внутри котораго лежитъ для поэта прекрасное и мудрое.

Но читателю нѣтъ дѣла до педантически обоснованныхъ литературныхъ правилъ, —въ книгѣ онъ ищетъ не иллюстрацій для своихъ теорій, а непосредственнаго удовольствія. И придирчивыя требованія критика, и мечтательные восторги поэта замѣнены для него случайными склонностями и влеченіями, порожденіями его случайныхъ переживаній. Если и онъ иногда беретъ въ свои руки, для забавы или для глубокомыслія, ржавый желѣзный шаблонъ критика, онъ накладываетъ эту игрушку на что попало и какъ попало. И похвалы, и порицанія его неожиданны и странны. Громкою славою вѣнчаетъ онъ тупого графомана, сдѣлавшаго своимъ прибыльнымъ ремесломъ проституированіе высокаго искусства, и равнодушно проходитъ мимо Тютчева, мимо Баратынскаго, мимо Фета, мимо...

Изъ этого треугольника неправыхъ отношеній я хочу выйти. Восторгаться кѣмъ бы то ни было я не хочу, — пресытился я восторгами и умиленіемъ, и уже не хочу простосердечно вкушать лакомые угли и сладкій пепелъ.

„Самъ собою вдохновляюсь", —и съ меня этого довольно.

Хулою не оскорблю ничьего творческаго вдохновенія. Все, что въ области поэзіи, для меня свято. Никакого канона не признаю, никакою теоріею не надавлю на живую ткань поэтическаго мечтанія.

Отъ случайностей же читательскаго вкуса избавятъ меня сами Демоны поэтовъ, которые уже предстоятъ мнѣ.

Широкимъ кругомъ стали они около меня, раздѣлили между собою весь мой горизонтъ и всю мою атмосферу, всю многоликую и многоголосую Иронію живого слова явили они мнѣ. И всякій являемый ими ликъ—точная истина, и всякій ихъ вопль говоритъ да. Противорѣчивую утверждаютъ они подлинность міра.

Что же такое они сами?

Вся область поэтическаго творчества явственно дѣлится на двѣ части, тяготѣя къ одному или другому полюсу.

Одинъ полюсъ—лирическое забвеніе даннаго міра, отрицаніе его скудныхъ и скучныхъ двухъ береговъ, вѣчно текущей обыденности, и вѣчно возвращающейся ежедневности, вѣчное стремленіе къ тому, чего нѣтъ. Мечтою строятся дивные чертоги несбыточнаго, и для предваренія того, чего нѣтъ, сожигается огнемъ сладкаго пѣснотворчества все, что есть, что явлено. Всему, чѣмъ радуетъ жизнь, сказано н ѣ т ъ.

Въ накуренной и заплеванной биргалкѣ сидитъ буржуа съ насандаленнымъ носомъ; передъ нимъ кружка пива и сосиски. Онъ куритъ вонючую сигару, слушаетъ пьяный гамъ, и блаженствуетъ, витая въ Золотомъ снѣ. Нектаръ передъ нимъ въ хрустальномъ бокалѣ, и ам-

брозія на чеканномъ золотомъ блюдѣ, и голубой передъ нимъ вьется дымъ ароматнаго куренія. Самъ онъ молодъ и прекрасенъ, и золотыя кудри обрамляютъ его дивную голову. Онъ—поэтъ. Сидитъ онъ,— и поетъ (сочиняетъ стихи). И чего нѣтъ въ его стихахъ!

«Воспѣваетъ, простодушный»...
«Поэтъ на лирѣ вдохновенной»..
«Несись душой превыше праха
И ликамъ ангельскимъ внемли»...
«Иди ты въ міръ, да слышитъ онъ пророка
Но въ мірѣ будь величественъ и святъ»..

Идетъ въ міръ на улицу, встрѣчаетъ дѣву

«съ улыбкой розовой, какъ молодого дня
за рощей первое сіянье»...

На взглядъ посторонняго и трезваго, это — просто грубая и неряшливая дѣвица... женщина... можетъ быть, небезпорочная... можетъ быть, совсѣмъ порочная. Но для лирика съ насандаленнымъ носомъ она — прелестная Дульцинея.

Вѣчный выразитель лирическаго отношенія къ міру Донъ-Кихотъ зналъ, конечно, что Альдонса—только Альдонса, простая крестьянская дѣвица съ вульгарными привычками и узкимъ кругозоромъ ограниченнаго существа. Но на что же ему Альдонса? И что ему Альдонса? Альдонсы нѣтъ! Альдонсы не надо. Альдонса— нелѣпая случайность, мгновенный и мгновенно изживаемый капризъ пьяной Айсы. Альдонса—образъ, плѣнительный для ея деревенскихъ жениховъ, которымъ нужна работящая хозяйка. Донъ-Кихоту,—лирическому поэту,— ангелу, говорящему жизни вѣчное нѣтъ,—надо надъ мгновенною и случайною Альдонсою воздвигнуть иной, милый, вѣчный образъ. Данное въ грубомъ опытѣ

дивно преображается,—и надъ грубою Альдонсою возстаетъ вѣчно прекрасная Дульцинея Тобозская.

Грубому опыту сказано сжигающее нѣтъ, лирическимъ устремленіемъ дульцинируется міръ. Это—область Лирики, поэзіи, отрицающей міръ, свѣтлая область Дульцинеи.

«Отъ пламенѣющаго змѣя
Святыя прелести тая,
Ко мнѣ склонилась Дульцинея.
Она моя, всегда Моя».

Въ эту область лирическаго нѣтъ нынѣ я не пойду. Эта область желаннаго, прекраснаго, гармоническаго искони была любимымъ мѣстомъ для прогулокъ всѣхъ добрыхъ и злыхъ критиковъ. Какія бы личины ни надѣвались поэтами на трудолюбивую и дебелую Альдонсу,—личины Афродиты или Медузы, Дѣвы Маріи или Астарты, Прекрасной дамы или Вавилонской блудницы, доброй Лилитъ или лукавой Евы, Татьяны или Земфиры, Тамары, дочери Гудала, или царицы Тамары,—всѣ эти внѣшнія, ярко и пестро размалеванныя личины давно и хорошо знакомы каждому школьнику.

Я же хочу быть покорнымъ до конца. Я влекусь нынѣ къ тому полюсу поэзіи, гдѣ вѣчное слышится да всякому высказанію жизни. Не стану собирать въ одинъ илѣнительный образъ случайно милыя черты, — не скажу:

— Нѣтъ, не козломъ пахнетъ твоя кожа, не лукомъ несетъ изъ твоего рта,—ты свѣжа и благоуханна, какъ саронская лилія, и дыханіе твое сладце духа кашмирскихъ розъ, и сама ты, Дульцинея, прекраснѣйшая изъ женщинъ.

Но покорно признаю:

— Да, ты—Альдонса.

Подойти покорно къ явленіямъ жизни, сказать всему да, принять и утвердить до конца все являемое—дѣло великой трудности. На этомъ пути трудно пройти далеко, потому что его стережетъ Драконъ Вѣчнаго противорѣчія.

Но познавшій великій законъ тождества совершенныхъ противоположностей не убоится дракона, и безтрепетно вступитъ въ область вѣчной Ироніи.

Снимая покровъ за покровомъ, личину за личиною, Иронія открываетъ за покровами и личинами вѣчно-двойственный, вѣчно противорѣчивый, всегда и навѣки искаженный ликъ. За ангельскимъ сладкогласіемъ поэтовъ, за образами ихъ золотого сна обличаетъ она сонмище уродливыхъ демоновъ.

ДЕМОНЫ ПОЭТОВЪ.

II. Старый чортъ Савельичъ.

Всякая поэзія хочетъ быть лирикою, хочетъ сказать здѣшнему, случайному міру нѣтъ, и изъ элементовъ познаваемаго выстроить міръ иной, со святынями, „которыхъ нѣтъ". Поэтъ —творецъ, и иного отношенія къ міру у него въ началѣ и быть не можетъ. Вся сила лирическаго устремленія лежитъ въ этомъ наклонѣ къ тому желанному, чего еще нѣтъ, и увѣренности, что твореніе иного міра возможно.

Но всякая истинная поэзія кончаетъ ироніею. Пламя лирическаго восторга сожигаетъ обольстительныя обличія міра, и тогда передъ тѣмъ, кто способенъ видѣть,— а слѣпые не творятъ,—обнажается роковая противорѣчивость и двусмысленность міра. И приходитъ иронія. Открываетъ неизбѣжную двойственность всякаго познаванія и всякаго дѣянія. Показываетъ міръ въ цѣпяхъ необходимости, и научаетъ, что, по тождеству полярныхъ противоположностей, необходимость и свобода — одно. И говоритъ міру: Да. И говоритъ необходимости: Ты—Моя свобода. И говоритъ свободѣ: Ты—моя необходимость. И, реализуя ихъ невозможность, какъ пре-

дѣлъ земныхъ безконечностей, путемъ Любви и Смерти возводитъ поэзію на высоту трагическихъ откровеній.

Великая поэзія неизбѣжно представляетъ сочетаніе лирическихъ и ироническихъ моментовъ. То или иное отношеніе ихъ опредѣляетъ характеръ данной поэзіи. Большая или меньшая ясность для самого поэта этихъ моментовъ, ихъ сліянія и ихъ рокового спора обусловливаетъ отношеніе поэзіи къ бѣсовскимъ навожденіямъ, ея большую или меньшую стойкость передъ искушеніями лукаваго.

Есть магическіе круги, внутрь которыхъ нечистая сила не проникнетъ. Поэтъ, какъ чародѣй, чертитъ эти круги, но по недосмотру оставляетъ въ нихъ промежутки,—и въ жуткіе миги творчества вкрадывается нечистый въ середину не до конца зачарованнаго круга.

Ошибка поэта, впускающая въ его творчество бѣса, состоитъ въ невѣрномъ употребленіи пріемовъ ироніи и лирики, однихъ вмѣсто другихъ.

Эта опасность наиболѣе грозитъ лирическому поэту. Лирика всегда говоритъ міру нѣтъ, лирика всегда обращена къ міру желанныхъ возможностей, а не къ тому міру, который непосредственно данъ. И вдругъ становится лирическій поэтъ искушаемъ нѣкіимъ лукавымъ сказать на языкѣ лирики данному міру пламенное да. И поэтъ, „въ надеждѣ славы и добра", говоритъ небесныя слова о земномъ.

Нѣтъ бѣды, если это дѣлаетъ бездарный версификаторъ,—получается плохое стихотвореніе, и только. Но въ творчествѣ великаго поэта не бываетъ случайныхъ ошибокъ. Бѣсъ, который втирается въ это творчество,—бѣсъ опасный и сильный.

И бѣсъ, соблазнявшій великаго Пушкина, былъ бѣсъ

не заурядный. Онъ пришелъ къ поэту рано, и мутилъ его долго неподтишка, не показывая своей хари. Сквозь мерзость и скверну протащилъ душу поэта, и показалъ ему великое земное и небесное святое въ страшномъ и лукавомъ смѣшеніи, ужалилъ его тщетною мечтою о недостижимомъ въ мірѣ здѣшнемъ и преходящемъ, прельстилъ дивною трагедіею самозванства, игралъ передъ нимъ личинами, прекрасными и титаническими,— и за всѣми личинами, уронивъ ихъ на землю, подставилъ поэту магическое зеркало, и въ немъ ликъ Савельича,— и черта за чертою въ холопскомъ ликѣ повторились черты поэта. Дьявольски-искаженное отраженіе,— но, однако, наиболѣе точное изъ всѣхъ.

Развѣ не себя изображаетъ поэтъ въ наиболѣе совершенныхъ своихъ созданіяхъ? Есть тяготѣніе къ подобному,—и у Пушкина было такое тяготѣніе къ изображенію титаническихъ и прекрасныхъ образовъ,— Петръ Великій, Моцартъ. Прекрасныя возможности,—и рядомъ съ ними отраженія мелкаго и случайнаго.

Мечты о величіи плѣняютъ каждаго, кто чувствуетъ въ себѣ великія силы. Не могли не плѣнять онѣ и Пушкина. Образъ вдохновеннаго поэта, такой лучезарный, предносился передъ нимъ. И всегда въ лирическомъ озареніи.

«Поэтъ на лирѣ вдохновенной
Рукой разсѣянной бряцалъ».
«Небрежный плодъ моихъ забавъ...»
«Безумная душа поэта...»
«Марать летучіе листы...»
«...въ строфахъ небрежныхъ...»

Таковъ образъ поэта,—разсѣянный, небрежный, вдох-

новенный, мараетъ летучіе листы,—сколько посидитъ, столько и напишетъ, дивная, вдохновенная пишущая машинка, Ремингтонъ № 9! „стихи для васъ—одна забава“. Трудъ поэта сводится къ дивному искусству импровизаціи, самъ поэтъ—„безумецъ, гуляка праздный“.

На дѣлѣ всего этого нѣтъ, да все это вовсе и не нужно. Здѣсь мы видимъ лирическое отношеніе къ предмету, такого отношенія не вызывающему. И въ этомъ было обольщеніе для поэта,—обольщеніе лживое и опасное.

Таковъ нѣкій мечтательный и небывалый на землѣ поэтъ,—но самъ то Пушкинъ былъ не таковъ, конечно. Мы то знаемъ, какъ онъ работалъ. И его упорная работа надъ рукописями его стиховъ и его плѣнительной прозы нисколько не мѣшаетъ намъ признать его великимъ поэтомъ. Въ цѣнность импровизацій мы не вѣримъ, небрежные стихи намъ такъ же мало радостны, какъ и все небрежное и, стало быть, косолапое и глупое. По Пушкину предносился почему-то такой образъ поэта, и гипнотизировалъ его. Онъ чувствовалъ себя такимъ, какъ Сальери, прилежнымъ и удачливымъ работникомъ, а быть хотѣлъ такимъ, какъ Моцартъ, безумцемъ и празднымъ гулякою. Былъ такой трезвый, благоразумный и бережливый, а натаскивалъ на себя причуды праздныхъ шалопаевъ. Завидовать онъ, конечно, не могъ,—некому было завидовать, очень удачливо складывалась его литературная судьба,—но жало неудовлетворенности вливало въ него свой жгучій ядъ. Кто-то другой, можетъ быть, ему завидовалъ, кого-то другого изобразилъ онъ въ лицѣ Сальери, но съ какою проникновенною, интимною точностью! Точно автопортретъ!

Стоило только разъ надѣть на себя чужую и не-нужную личину,—и уже бѣсъ притворства завладѣлъ.

Вынуждающее къ притворству недовольство собою и своимъ не есть то „святое недовольство и жизнью, и самимъ собой", о которомъ говоритъ Некрасовъ. То недовольство свято, потому что оно есть праведно-лирическое отрицаніе міра. Оно говоритъ:

— Міръ не таковъ, какимъ онъ долженъ быть, не таковъ, какимъ я хочу, чтобы онъ былъ. Отрицая этотъ міръ, я творческимъ подвигомъ всей, приносимой въ жертву, жизни сдѣлаю, что могу, для созданія новаго міра, гдѣ прекрасная воцарится Дульцинея.

И у него одинъ языкъ, для себя и для міра. А то, другое, вынуждающее къ притворству недовольство собою имѣетъ два языка. Одинъ, внутренній голосъ, говоритъ языкомъ утверждающей ироніи:

— Это—грубая Альдонса. Отъ нея пахнетъ лукомъ. Она вѣетъ рожь. Мнѣ съ нею надо жить, но мнѣ стыдно показать ее въ люди.

И говоритъ другой голосъ, съ притворнымъ паѳосомъ вѣщая міру:

— Это—Дульцинея Тобозская. Слаще мирры и розъ благоуханія ея устъ. „Перстами, легкими, какъ сонъ", она перебираетъ шурмицій на серебряномъ блюдѣ жемчугъ. Мнѣ съ нею жить. „Хорошо мнѣ,—я—поэтъ".

Притворство- первая ступень. Лиха бѣда—начать. Дальше идетъ самозванство. И то, и другое отразилось въ поэзіи Пушкина.

Чтобы овладѣть Людмилою, Черноморъ принимаетъ на себя обличіе Руслана.

«Мазепа, въ горести притворной,
Къ царю возноситъ гласъ покорный».
«Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ»...

Въ „Домикѣ въ Коломнѣ“ кухарка брилась.

Лиза Берестова хорошо играла роль крестьянки. Только „одно затрудняло ее: она попробовала было пройти по двору босая, но дернъ кололъ ея нѣжныя ноги, а песокъ и камешки показались ей нестерпимы“.

Пушкинскую Дульцинею затруднилъ путь правой ироніи, смѣлаго принятія земли съ ея пескомъ и камнями. Она осталась барышнею цирлихъ-манирлихъ, и не проявила въ себѣ дульцинированной Альдонсы. Это сумѣла сдѣлать Анна Ермолина, которая ходила босая, какъ подлинная крестьянка, и наряжалась, какъ подлинная барышня. Приняла міръ кисейный и міръ пестрядинный. Явила точный образъ говорящей да двуликому міру ироніи, и стала въ вѣкахъ Моею вѣчною Невѣстою.

Одного, перваго самозванства Лизѣ было мало,—она потомъ набѣлилась и насурьмилась пуще самой миссъ Жаксонъ. Явила живую пародію на Дульцинею.

Дубровскій поселился въ домѣ своего врага Троекурова подъ видомъ француза Дефоржа.

Наконецъ, два историческихъ самозванца,—одинъ въ Борисѣ Годуновѣ, и другой въ Капитанской дочкѣ. И оба—самозванцы подлинные, безъ малѣйшихъ сомнѣній, завѣдомые плуты и обманщики.

Въ довершеніе этого перечня любопытно вспомнить, что тема Ревизора принадлежитъ Пушкину-же.

Хотѣлъ быть, какъ Моцартъ. „Вѣдь онъ же геній, какъ ты да я“, говоритъ Моцартъ. Очень снисходите-

левъ и Пушкинъ былъ къ своимъ современникамъ. Холоденъ былъ только къ двумъ: къ геніальному Баратынскому, и къ Бенедиктову, литературному предшественнику одного изъ самыхъ извѣстныхъ современныхъ поэтовъ.

Корень притворства и самозванства—въ неправомъ самоотрицаніи, въ ложномъ самоотреченіи. Не нравлюсь самъ себѣ, хочу быть другимъ, лучшимъ. Это всегда не вѣрно, всегда унизительно для человѣческаго сознанія. Правый путь сознанія только одинъ—къ самоутвержденію въ свободномъ развитіи того, что во мнѣ есть, что случайно заслонено, можетъ быть, элементами чужого, злыми вліяніями призрачнаго не—Я. Правый путь самоотреченія—есть путь отреченія отъ своего случайнаго, отъ вещей и отъ ихъ соблазна; это—путь дѣятельной любви, на которомъ я отдаю все мое, потому-что все есть Мое, и не беру ничего чужого, потому что есть только Мое. Итти отъ Меня къ какимъ-то инымъ достиженіямъ—это значитъ: продать свою душу чорту, отказаться отъ своего вѣчнаго лика для восковой маски.

Не нравлюсь себѣ, хочу итти выше, стать лучше, не лучше въ смыслѣ укрѣпленія и усиленія блага, во мнѣ лежащаго, а въ смыслѣ перемѣны самой личины своей. Да тогда кто же самъ то я, этотъ маленькій я, хотящій быть инымъ? Не существо ли низшей породы? Не холопъ-ли, преклоняющійся передъ господиномъ? И кто господинъ, котораго хвалимъ? Не князь-ли міра сего?

Лирическій поэтъ, говоря нѣтъ данному міру, говоритъ это для того, чтобы восхвалить міръ, котораго

нѣтъ, который долженствуетъ быть, котораго Я хочу, который Я творю. Творю подвигомъ всей моей жизни.

Но вотъ поэтъ говоритъ міру да, которое для здѣшняго міра всегда претворится въ ироническое. И хочетъ поэтъ хвалить здѣшній міръ. Не льстить, а слагать правый дифирамбъ.

«Нѣтъ, я не льстецъ, когда царю
Хвалу свободную слагаю»...
«О, мощный властелинъ судьбы!»
«То ли дѣло, братцы, дома!»
«...Онъ прекрасенъ,—
Онъ весь, какъ Божія гроза!»
«...И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья».
«Какъ былъ великъ, какъ былъ прекрасенъ онъ,
Народовъ другъ, спаситель ихъ свободы!»

Но здѣшній міръ издѣвается надъ его усиліями дульцинировать зримую альдонсу. Безсильная лирика истощается въ напрасномъ паѳосѣ, и приходитъ незванная, нечаянная иронія.

„Чортъ догадалъ меня съ умомъ и талантомъ родиться въ Россіи!“.

«О, если бъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!»
«И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ
неизгладимыя обиды».
«Даръ напрасный, даръ случайный!».

И раскрываетъ роковую двуязычность міра.

«Не даромъ ликъ сей двуязыченъ».

Съ настойчивою силою раскрывается эта роковая двусмысленность,—даже въ такой, свойственной Пушкину, особенности, какъ постоянное тяготѣніе къ кон-

трастамъ. Гдѣ великій Моцартъ, тамъ и маленькій Сальери,—и кто изъ нихъ ближе, кто подлиннѣе отражаетъ Пушкинскій ликъ?

Но слагаетъ дифирамбы,—изнемогая подъ бременами невольной ироніи, хвалитъ. Подымается вверхъ лѣстница совершенствъ, вереница титаническихъ образовъ,—а внизу притаился гнусный, но, несомнѣнно, подлинный Савельичъ. Усердный холопъ, „не льстецъ", вѣрный своимъ господамъ, гордый ими, но способный сказать имъ въ глаза, съ холопскою грубостью, которую господа простятъ, и слова правды, направленныя всегда къ барскому, а не къ своему интересу. Вѣдь потому то господа и прощаютъ грубость стараго холопа Савельича, что она безкорыстна, что она вся для господской выгоды.

Дорожитъ всѣмъ барскимъ: тулупчикъ на заячьемъ мѣху...

...«Водились Пушкины съ царями»...
.. «бывало, нами дорожили»... ,
...«царю наперсникъ, а не рабъ»...
...«мнѣ жаль,...
что геральдическаго льва
демократическимъ копытомъ
теперь лягаетъ и оселъ»...

„Чувствительный и фривольный" Савельичъ можетъ уродиться и „съ умомъ и талантомъ": въ семьѣ не безъ урода. И тогда жизнь его обращается, конечно, въ „милльонъ терзаній". Онъ хочетъ и можетъ парить,—но ему зачѣмъ-то вздумалось кадить. И ему могутъ сказать: „мало накадилъ!"

Онъ хочетъ,—и онъ могъ бы,—обнять міръ творче-

скою мечтою,—но роковой наклонъ его души дѣлаетъ его только обезьяной великихъ.

Страшный чортъ—старый чортъ Савельичъ. Онъ всегда кружитъ вокругъ лирически-настроенныхъ, и возводитъ ихъ на высокія горы, и показываетъ имъ богатство и красоту міра, и говоритъ:

— Какъ пышно! Какъ богато! Какая честь! Хвали! Преклонись!

И такъ рѣдко слышитъ достойный человѣка отвѣтъ:

— Не о хлѣбѣ единомъ... Не искушай... Иди...

Пушкинъ этого отвѣта рѣшительно и ясно не далъ. Онъ остался съ Савельичемъ. И Савельичъ замучилъ его даже до смерти...

КЪ ВСЕРОССІЙСКОМУ ТОРЖЕСТВУ.

Судьбы перемѣнчивы,—претерпѣвшій столь многія гоненія при жизни и по смерти, Пушкинъ воспоминается торжественно, оффиціально установленнымъ порядкомъ,—но „послѣдняя горше первыхъ“. Возвышенный и чистый поэтъ становится достояніемъ толпы, той презрѣнной черни, непониманіе которой столь-же грубо, какъ и въ старину. Его стихи учатъ въ школахъ, никто не споритъ противъ его величія, ничьей пошлости не оскорбитъ его почивающій въ мірѣ глаголъ,—и толпа получила свою долю въ пиршествѣ господъ. А что ей до него? Что ей Пушкинъ?

„Явленіе необычайное“, поэтъ, въ себѣ нашедшій точную мѣру всякаго человѣческаго чувства, на точнѣйшихъ вѣсахъ взвѣсившій добро и зло, правду и ложь, ни на одну чашу вѣсовъ не приложившій своего пристрастія,—и въ равновѣсіи остановились они, — человѣкъ великаго созерцанія и глубочайшихъ проникновеній, кому онъ сроденъ? Изъ позднѣйшихъ лишь Достоевскій мрачно-подобенъ ему, свѣтлому, — всѣ же прочіе—иного духа. И духъ вѣка столь далекъ отъ того,

чѣмъ жилъ Пушкинъ, что непоминаніе его—одна только дань уваженія отъ толпы поэту; потому что оскорбительно для памяти поэта, что хоть что-нибудь въ немъ кажется понятнымъ тѣмъ знатокамъ, которые, напр., носились съ неуклюжимъ переложеніемъ молитвы Господней, приписывая его Пушкину.

Зачѣмъ же эти праздники, эти жалкія торжества, эти спектакли, флаги, фейерверки, колокола, пушки,— вся эта бутафорская рухлядь обязательно-справляемыхъ торжествъ? Лишь оскорбительны для великой памяти эти надуманныя торжества, подсказанныя не обще-народнымъ восторгомъ, а простою календарною справкою литературныхъ гробохранителей. Вотъ стихотвореніе молодого поэта, г. Корина, которое въ немногихъ словахъ передаетъ это наше чувство обиды и возмущенія:

Сбылось!—По всей Руси великой
Крылатый стихъ твой облетѣлъ!
И въ сердцѣ черни полудикой
Онъ смутнымъ эхомъ прогудѣлъ!
И вотъ: кощунственно играя
Священнымъ именемъ твоимъ,
Тебѣ несетъ толпа слѣпая
Своихъ кадильницъ чадъ и дымъ...
Возстань, поэтъ! Какъ прежде, смѣло
Вознесь предъ ними мощный гласъ:
„Подите прочь! Какое дѣло
„Поэту мирному до васъ!“

Вотъ уже сказано это было имъ, уже недвусмысленно выразилъ поэтъ свое къ нимъ презрѣніе,—чего-же имъ еще надо?

ЕДИНЫЙ ПУТЬ ЛЬВА ТОЛСТОГО.

Насладиться долготою дней, славою всемірною и личнымъ счастіемъ, и высокими утѣшеніями творчества и дерзающей мысли -удѣлъ счастливый и рѣдкій. Нынѣ, когда землѣ отданъ бѣдный прахъ, когда отошли отъ великаго страданія недужной плоти, вознесся на вѣка образъ благословеннаго и счастливаго человѣка, съ рѣдкою цѣльностью воплотившаго затеплившееся въ народахъ предчувствіе всемірной религіи, предсознаніе единой всечеловѣческой души.

Никто изъ великихъ поэтовъ не давалъ столь сильнаго ощущенія единой жизни, какъ Левъ Толстой. И зависитъ это не только отъ того, что онъ владѣлъ въ высокой степени совершеннымъ искусствомъ словесной изобразительности: для этого удивительнаго впечатлѣнія жизненности и правды, очевидно, не достаточно внѣшняго мастерства, какъ бы оно ни было высоко. Потребна еще нѣкоторая живая убѣдительность, которая была у Льва Толстого,—та сила, которая дѣлала его творчество не подобіемъ или повтореніемъ нашего міра, а созданіемъ доподлиннаго, живого міра по образу и подобію

его творца. Эта живая убѣдительность столь велика, что очевидныя противорѣчія нисколько ей не вредятъ, какъ не вредятъ нашему ощущенію дѣйствительности внѣшняго міра наблюдаемыя въ немъ противорѣчія.

Всегда бываетъ правъ и вѣренъ себѣ самому тотъ, кто смотритъ на вещи съ нѣкоторой точки зрѣнія: нѣтъ противорѣчій, когда можно смотрѣть только на одну сторону каждаго предмета. Но Левъ Толстой не наблюдалъ съ какого-нибудь мѣста;—онъ смотрѣлъ на міръ какъ-бы изъ самой глубины, и ставилъ насъ въ самые центры совершающагося, такъ что уже мы не видимъ со стороны его дѣйствующихъ лицъ, но какъ бы смотримъ на міръ ихъ глазами и реагируемъ на внѣшнія впечатлѣнія ихъ ощущеніями. И кажется всегда, при чтеніи этого удивительнаго писателя, что онъ содержитъ въ самомъ себѣ самую правду міра и самую его жизнь.

И замѣчательно, что этотъ міръ не тотъ самый міръ, который мы сами знаемъ. Сначала мастерство Льва Толстого заслоняетъ отъ насъ это неточное соотвѣтствіе его міра съ нашимъ. Но стоитъ вглядѣться пристальнѣе,—и мы видимъ, что стали жертвою нѣкотораго очарованія. Подобно системѣ нашего знаменитаго геометра Лобачевскаго, системѣ, строгой въ себѣ, но въ извѣстныхъ частяхъ не согласной съ привычнымъ намъ Евклидовымъ представленіемъ пространства,—и міръ Льва Толстого есть міръ иной,—какъ бы иная планета сопутствующая землѣ и почти повторяющая ея жизнь. Это—міръ мятежный и живой, весь насквозь живой, весь отнесенный къ истокамъ жизни и къ жизненной правдѣ. Жизнь и смерть, правда и ложь,—вотъ день и ночь этого міра.

Какъ создался этотъ міръ?

Въ немъ нѣтъ ничего изъ области чистой фантазіи. Всѣ его элементы—изъ нашего земного міра. Когда читаешь Льва Толстого, то постоянно кажется, что все это онъ видѣлъ или пережилъ, видѣлъ только однажды, но навсегда взялъ въ себя. Поэтому каждое слово его дышетъ силою и свѣжестью непосредственнаго воспріятія,—словно онъ никогда не разсказывалъ о другихъ, а всегда только о себѣ.

„Надо разъ испытать жизнь,—говоритъ онъ,—во всей ея безыскусственной красотѣ" (Казаки). И онъ испыталъ однажды,—прошелъ весь кругъ доступныхъ человѣческой душѣ чувствъ,—и усумнился въ томъ, что кажется людямъ несомнѣннымъ, хотя и недоказуемымъ,—въ самой правдѣ этой жизни и этихъ чувствъ. Человѣкъ безпощадно-правдивый, онъ сталъ жадно искать истины, строго испытуя свою душу. И вотъ создался міръ, уже весь правдивый и простой, безъ ореоловъ, безъ святынь, безъ красоты, безъ всякаго величія, безъ великихъ людей, безъ великихъ подвиговъ, даже безъ великихъ страданій, безъ всякаго обольщенія, которымъ обольщали себя люди,—и въ этомъ развѣнчанномъ и непраздничномъ мірѣ обрѣтается, съ великимъ напряженіемъ не ума, а непосредственнаго чувства, высокая правда, несомнѣнное оправданіе жизни. Жизнь познается не разумомъ, какъ стремились познавать ее люди науки и опыта, а познается она самою жизнью,—и это познаніе является болѣе вѣрнымъ,—ибо разумъ, самъ входя въ жизнь, не можетъ обнять ее.

При свѣтѣ строгаго разума жизнь нелѣпа и невозможна. И такою является она въ произведеніяхъ Льва Толстого для поверхностнаго, разсудочнаго взгляда. Въ

ней люди дѣлаютъ то, чего они не хотятъ дѣлать, и чего имъ не слѣдуетъ дѣлать; они обольщаютъ себя словами, они стремятся или къ недостижимому или къ ничтожному, и, въ этомъ нелѣпомъ стремленіи сталкиваясь другъ съ другомъ, ненавидятъ, презираютъ, обижаютъ, метятъ, губятъ и гибнутъ,—и нѣтъ никакой правды въ ихъ жизни, и самая ихъ жизнь—ложь и призракъ. Если кажется, что есть нѣчто въ этой жизни возвышенное и святое, то и это обманъ: всякій благородный порывъ сводится къ чему-нибудь низменному, всякая чистота является покровомъ скверны, всѣ прекрасныя чувства строго проанализированы, и оказались разложенными на ряды презрѣнныхъ вожделѣній и побужденій.

Даже самая человѣческая личность, отдѣльность и постоянство нашего я при безпощадномъ анализѣ разлагается въ обманчивый призракъ, въ зыбкую иллюзію надъ текучею формою мертваго вещества. Смѣшными становятся всѣ виды самолюбія, и всякое геройство,—ибо все это противорѣчитъ несомнѣнной призрачности нашего бытія. Любить себя—любить призракъ. Но и любить другого,—съ выборомъ, по влеченію,—любить своихъ дѣтей, своихъ согражданъ,—и это призрачно, и нелѣпо, и жестоко,—какъ нелѣпо и жестоко не давать пищи чужому ребенку, чтобы приберечь ее для своего.

Безпощадно сдергиваются послѣдніе покровы, и поэтъ съ презрительнымъ сожалѣніемъ говоритъ: Вотъ то, передъ чѣмъ вы преклонялись. Мы всѣ заворожены старыми наговорами нашихъ предковъ, мы вѣримъ въ слова, символы, эмблемы,—и во всемъ этомъ ложь; есть прекрасныя слова, но нѣтъ для нихъ достойнаго въ

мірѣ соотвѣтствія. Никакого нѣтъ небеснаго огня, никакого не было Прометеева подвига,—жизнь вся плотская, земная, грубая. Вотъ люди ѣдятъ и пьютъ, работаютъ и играютъ, наживаются и разоряются, рожаютъ дѣтей и умираютъ, - вотъ они во всѣхъ дѣлахъ своихъ,—въ своемъ достоинствѣ и въ своей пошлости,—и все это— ложь и призракъ. Все разнообразіе жизни, бьющей ключемъ, возникло какъ бы для того только, чтобы погибнуть.

А самъ поэтъ, совмѣстивъ въ себѣ всѣ земныя чувства, перейдя всѣ ихъ ступени, не далъ надъ собою власти ни одному, никакому не поддался обаянію. Потому кажется онъ безстрастнѣйшимъ и безпристрастнѣйшимъ изъ художниковъ. Онъ изображалъ людей безъ гнѣва и безъ злобы, часто съ сожалѣніемъ, всегда нѣсколько презрительно. Никто изъ людей не былъ защищенъ отъ него обольщеніями слова или дѣла,—всѣ стояли передъ нимъ, какъ на послѣднемъ судѣ, обнаживъ свои сокровеннѣйшіе помыслы. На всякаго человѣка былъ брошенъ поистинѣ страшный свѣтъ,—какъ бы Рентгеновы лучи, но это не солнечный свѣтъ, при которомъ видѣлъ людей, напр., Шекспиръ.

Непримиримыя противорѣчія жизни не прикрыты ничѣмъ. Да и къ чему? Если жизнь нелѣпа и невозможна, то вотъ придетъ смерть, и разрѣшитъ всякія невозможности. Смерть ужасна, но иногда лучше не жить, и благо — умереть, освободиться и освободить (Смерть Ивана Ильича).

Но смерть во-истину ужасна,—и какъ ни пустынно небо, какъ ни прикована къ землѣ и къ праху наша жизнь, живемъ мы однажды, и великія загадки бытія

остаются все такими-же роковыми и неотступными,— и неразрѣшимыми. А разрѣшить ихъ надо,—но какъ?

„Если допустить,—говоритъ Левъ Толстой,—что жизнь человѣческая можетъ управляться разумомъ, то уничтожится возможность жизни (Война и Миръ).“

Въ другомъ мѣстѣ (Исповѣдь) онъ говоритъ: „Можно жить только покуда пьянъ жизнью, а какъ протрѣзвишься, то нельзя не видѣть, что все это обманъ“.

Разумъ правъ, но мертвъ: онъ не знаетъ жизни, онъ знаетъ только ея схемы. Тамъ, гдѣ работаетъ только разумъ, царствуетъ отчаяніе. Если жизнь нелѣпа, то и всѣ попытки вмѣшательства разума въ ея устроенія ничтожны. Разумъ можетъ указать только одинъ смыслъ жизни—личное благо, а оно недостижимо. Разрѣшеніе роковыхъ вопросовъ приходится не въ разумѣ искать,— и не въ разумѣ искалъ ихъ Левъ Толстой.

Изображена нелѣпая и ничтожная жизнь,—но чѣмъ-же внесена въ нее эта обаятельная гармоничность? Не разумомъ,—Левъ Толстой не былъ разсудоченъ, какъ Ибсенъ, но, читая его, мы вѣримъ, что онъ „зналъ“, что онъ—мудрый и „вѣщій“ человѣкъ, что въ этой сумятицѣ явленій онъ видѣлъ нѣчто устроящее.

Разрѣшеніе нелѣпости и тщеты жизни дается только въ отношеніи ея къ безконечному. Только отнесенная къ безконечности, жизнь становится благородною. Въ самой конечной жизни не дано этого благообразія: оно, какъ царствіе Божіе, „нудится“, по слову евангельскому. Надо употребить нѣкоторое усиліе живого чувства, чтобы его познать. Такъ, самый непосредственный изъ изображенныхъ Львомъ Толстымъ людей, Платонъ Каратаевъ (вдохновеннѣйшее созданіе Льва

Толстого), слушая разсказы, дѣлалъ вопросы, направленные къ тому, чтобы выяснить благообразіе жизни.

Только въ отношеніи къ безконечному оправданіе жизни, и жизнь „по-Божьему"—величайшее благо. „Несознаніе жизни есть призракъ, а все пространственное и временное призрачно". (О жизни). Отдѣльная, личная жизнь—призракъ и ложь. Все личное представлялось Льву Толстому призрачнымъ. Всякая индивидуальность въ его изображеніи дробилась на серіи мелкихъ настроеній и ощущеній,—и уже нѣтъ постояннаго, какъ изъ бронзы или изъ мрамора изваяннаго человѣка какихъ изображали былые художники.

Необычайно яркая образность Льва Толстого, подобная жизненности и силѣ самой природы, вся выпила изъ этого отрицанія отдѣльнаго человѣческаго бытія. Въ самомъ дѣлѣ, что существуетъ для человѣка, изображеннаго Львомъ Толстымъ? Существуютъ предметы, поля, деревья, камни,—всѣ впечатлѣнія, доходящія отъ нихъ,—всѣ слѣды этихъ впечатлѣній въ памяти,—мысли, развивающіяся какъ-бы механически,—и столь-же неизбѣжно развивающіяся настроенія,—все это несомнѣнное и ясное,—и за этимъ несомнѣннымъ и живымъ еще длинные, цѣпкіе, но смутные ряды обманчивыхъ грезъ и презрѣнныхъ попытокъ въ этой быстротекущей смѣнѣ явленій утвердить благо своей отдѣльной личности,—попытокъ, тѣмъ болѣе неудачныхъ и лживыхъ, чѣмъ ближе подходитъ человѣкъ къ истокамъ истиннаго бытія, чѣмъ онъ чище и проще.

Каждый человѣкъ у Льва Толстого является какъ бы центромъ міровой жизни, частью міроваго чувствилища, однимъ изъ тѣхъ фокусовъ, гдѣ жизнь сосредоточиваетъ раздробленные лучи своего единаго созна-

нія, чтобы въ себѣ познавать себя самое. Каждому изъ нихъ только кажется, что у него своя воля, - воля же только одна, всемірная, все движущая и направляющая. Каждому изъ нихъ только кажется, что онъ обладаетъ своею, отдѣльною жизнью,--и потому страшно умереть,— а на самомъ дѣлѣ жизнь только одна, единая во всемъ, а „смерти нѣтъ" (О жизни).

Проповѣдь равенства и братства, можетъ быть, никогда еще не была такъ убѣдительна, какъ проповѣдь, заключенная въ творчествѣ Льва Толстого,--ибо онъ непрерывно, всѣми своими образами, показываетъ, что люди воистину равны въ наиважнѣйшемъ, въ своемъ трагическомъ, что всѣ они равно ничтожны, и что лучшіе изъ нихъ—это тѣ, которые знаютъ свою и общую ничтожность. Всѣ люди живутъ одною жизнью, имѣютъ одну душу. Эта одна жизнь одной души всегда и занимала Льва Толстого,—жизнь, раздробленная въ многообразныхъ отраженіяхъ, но всегда единая.

Эту жизнь, единую во всемъ, любилъ Левъ Толстой, любилъ всею силою своего могучаго существа, любилъ такъ, какъ другіе любятъ женщину, или вино, или славу, или власть, или мечтанія,—и вотъ почему такою силою жизни поражаютъ его сочиненія. И уже потомъ, за жизнь, полюбилъ онъ то, что живетъ, и прежде всего человѣка, и животное („Холстомѣръ"), и растеніе („Три смерти").

Люди въ его мірѣ—какъ родники, бьющіе съ разною силою, но изъ одной почвы. Сила жизни или буйствуетъ въ нихъ, или течетъ мирно, или изсякаетъ. И только этою силою жизни и отличаются главнымъ образомъ его дѣйствующія лица одно отъ другого,—

тѣмъ, изъ какихъ глубинъ и съ какою силою бьютъ эти родники.

Если разобрать, чѣмъ производитъ на насъ обаятельное впечатлѣніе тотъ или иной образъ Льва Толстого, мы увидимъ, что это не какія-нибудь черты характера, не какіе-нибудь особые способы отношенія къ людямъ или вещамъ производятъ обаяніе, а единственно только геніально-изображенная полнота жизни, та „вехожесть", которая изъ сѣмени развиваетъ цѣлый организмъ. Когда-же нѣтъ этой полноты жизни, когда люди не „вехожи", они становятся во всемъ жалки и безсильны, и дѣла ихъ не увѣнчиваются успѣхомъ.

Такая пара есть въ романѣ „Анна Каренина": Кознышевъ и Варенька, прекрасные люди, по мнѣнію всѣхъ окружающихъ, созданные для совмѣстной жизни. Но, такъ какъ именно жизнь то и не била въ нихъ ключомъ, то, при всемъ ихъ полномъ согласіи подчиниться безмолвному приговору окружающихъ, они такъ и не сумѣли сказать другъ другу рѣшающихъ судьбу словъ.

Возлюбя единую жизнь, Левъ Толстой изображалъ не столько людей съ ихъ жизнью и характерами, сколько единую, всемірную жизнь, какъ она развивается въ живыхъ существахъ. Каждое лицо создавалось у него изъ совокупности множества отдѣльныхъ чертъ, множества, которое начинаетъ казаться безконечно-неистощимымъ, — и потому изображаемый человѣкъ дѣлался живымъ, единственнымъ, ни на кого болѣе не похожимъ. Такъ создавались у Льва Толстого индивидуальности, безпредѣльныя и ирраціональныя, какъ сама жизнь. Всѣ эти индивидуальности у Льва Толстого какъ бы само-

цвѣтны и переливаютъ, и ни одна не окрашена въ одинъ цвѣтъ. Но почти никогда не проводилъ Левъ Толстой въ своихъ портретахъ тѣхъ послѣднихъ, крайнихъ, грубыхъ очертаній, которыя обращали-бы изображаемое лицо въ типъ. Отъ этого зависитъ то, что имена его дѣйствующихъ лицъ не сдѣлались ходячими, какъ бы нарицательными именами: слишкомъ они живы, и нѣтъ въ нихъ никакой искусственной ограниченности для того, чтобы служить представителями цѣлыхъ разрядовъ сходныхъ съ ними людей. Въ этомъ отношеніи Левъ Толстой представляетъ полную противоположность Гоголю, наиболѣе мертвенно изображавшему людей, но у котораго зато что ни лицо, то и типъ.

Такъ же и въ изображеніи чувствъ Левъ Толстой прямо-противоположенъ Пушкину, знавшему лишь ясныя и опредѣленныя чувства, замкнутыя каждое въ своемъ кругу. Левъ Толстой не зналъ ни цѣльныхъ людей, ни цѣльныхъ чувствъ,—онъ все дробилъ на мельчайшіе элементы.

Кстати, интересно замѣтить, что изъ всѣхъ современныхъ ему писателей Левъ Толстой былъ друженъ съ Фетомъ, изобразителемъ тончайшихъ душевныхъ движеній, однимъ изъ предтечъ современнаго символическаго теченія русской литературы; изъ прежнихъ же поэтовъ Левъ Толстой чрезвычайно высоко ставилъ, — на первое мѣсто среди русскихъ поэтовъ,—Тютчева, глубокаго и вдохновеннаго созерцателя живой природы.

Какъ ни велика творческая сила Льва Толстого, это дивное чувство жизни въ его произведеніяхъ куплено дорогою цѣною. Чтобы „заразить",—по собственному выраженію Льва Толстого,—читателя этимъ ощущеніемъ жизни, не достаточно было только наблюсти жизнь и

провести черезъ себя эти наблюденія. Надо было сдѣлать большее,—весь наблюденный матеріалъ совершенно передѣлать въ себѣ, совершенно сокрушивъ его привычныя для міра сочетанія и отношенія, и потомъ изъ этого хаоса въ самомъ себѣ создать изъ себя новый міръ. Такимъ представляется мнѣ творчество Льва Толстого. Этотъ новый міръ, очевидно, не вполнѣ точно соотвѣтствуетъ нашему міру, но его удивительной жизни нельзя не вѣрить,—столь побѣдителенъ этотъ избытокъ творческой силы.

Строго говоря, Левъ Толстой изображалъ всегда только свое я въ многогранныхъ его развѣтвленіяхъ. Онъ и началъ съ малаго круга полуавтобіографическихъ повѣстей, и все расширялъ свой дивный міръ.

Онъ зналъ и признавалъ лишь то, что самъ непосредственно воспринялъ. Прочаго для него не было, и онъ словно не вѣрилъ въ накопленныя знанія, въ культуру, цивилизацію, науку, традиціи, установленія. Медицина для него—шарлатанство. Крики, исторгаемые болью,—притворство.

„Впечатлѣніе наше при видѣ страданія дѣтей и животныхъ есть больше наше, чѣмъ ихъ страданіе“. (О жизни).

Но и у взрослаго, разсказываетъ онъ однажды (Война и Миръ), боль исторгала „отчаянный, но притворный крикъ“.

Внѣшній міръ какъ бы вовсе не былъ нуженъ Льву Толстому,—потому указаніе на прекращеніе человѣческаго рода совсѣмъ не казалось ему аргументомъ противъ его проповѣди цѣломудрія. Будущія и прошлыя поколѣнія ему не любопытны; его историческій романъ, въ сущности, вовсе не историческій. Въ современной

жизни онъ тоже не зналъ многаго: не зналъ жизни средняго городского класса, городской бѣдноты.

Онъ былъ какъ бы замкнутъ въ нѣкоторомъ кругу, — но какой это былъ громадный кругъ, и какая обаятельная совершалась въ немъ жизнь!

Познавать полноту жизни надо не разумомъ, который безсиленъ въ этомъ, а только самою жизнью. Смыслъ жизни лежитъ въ ея отношеніи къ безконечному. Является вопросъ, какъ надо жить, вопросъ, много занимавшій Льва Толстого, вопросъ, которому посвящены многія страницы и художественныхъ и теоретическихъ его произведеній.

Я долженъ жить, чтобы познавать жизнь жизнью, — надо, очевидно, жить полною жизнью (отсюда проповѣдь труда), и довѣряться жизни и заключенной въ ней правдѣ, отрываясь отъ обманчивыхъ обольщеній своего призрачнаго я (отсюда проповѣдь непротивленія злу).

„Все образуется“, говоритъ въ „Аннѣ Карениной“ камердинеръ Облонскому, и этимъ утѣшаетъ его.

„Перемелется, мука будетъ“,—такъ озаглавлена одна изъ главъ Отрочества.

Довѣрься жизни,—и все устроится. Познанію жизни мѣшаетъ многое въ искусственныхъ условіяхъ нашего быта (отсюда вражда къ городской жизни, къ условнымъ формамъ общежитія, проповѣдь цѣломудрія, воздержанія отъ мяса, вина, куренія) и нашей дѣятельности (отсюда проповѣдь недѣланія, отрицаніе нѣкоторыхъ научныхъ направленій и нѣкоторыхъ направленій въ искусствѣ). Наилучшее же познаніе полной и живой жизни можно обрѣсти, по мнѣнію Льва Толстого, среди людей, живущихъ не столько разумомъ,

сколько непосредственно жизнью, близкою къ природѣ, среди людей простыхъ и работающихъ. Отсюда проповѣдь опрощенія.

Такимъ образомъ „учительные" труды Льва Толстого непосредственно вытекали изъ его пониманія жизни, того самаго пониманія, которое, проникая всѣ его художественныя произведенія, придаетъ имъ, въ соединеніи съ геніальнымъ мастерствомъ исполненія, столь глубокую и значительную цѣлость. Подобно тому, какъ художественная дѣятельность его развивалась непрерывно и органически, такъ и весь кругъ его литературныхъ трудовъ представляетъ собою одно органическое цѣлое.

У простыхъ людей, думалъ Левъ Толстой, надо учиться смыслу жизни. Онъ говоритъ: „Я увидѣлъ, что не только ихъ жизнь понятна для нихъ, но понятна и смерть, и въ смерти они не видятъ ничего страннаго, противнаго и страшнаго". „Если у нихъ есть тотъ смыслъ, при которомъ уничтожается страхъ лишеній, страданій и смерти, это и есть истинный смыслъ жизни".

Съ наибольшею полнотою оправданы эти мысли Львомъ Толстымъ въ Платонѣ Каратаевѣ (Война и Миръ), прекраснѣйшемъ изъ созданій Льва Толстого. Каратаевъ—„круглое и вѣчное олицетвореніе духа простоты правды".

„Привязанностей, дружбы, любви Каратаевъ не имѣлъ никакихъ, но онъ любилъ и любовно жилъ со всѣмъ, съ чѣмъ его сводила жизнь, и въ особенности съ человѣкомъ, не съ извѣстнымъ какимъ-нибудь человѣкомъ, а съ тѣми людьми, которые были передъ его глазами".

Вотъ отношеніе къ людямъ, которое естественно вытекаетъ изъ признанія призрачности отдѣльной личности.

Льву Толстому были одинаково дороги всѣ люди, каковы бы они не были. Онъ какъ бы съ каждымъ отождествлялся. „Если пришли Зулу, чтобы изжарить моихъ дѣтей, то одно, что я могу сдѣлать, это постараться внушить Зулу, что это ему невыгодно и нехорошо". Выбора нѣтъ: или очерствить свою душу и, спасая „своего" ребенка, убить Зулуса, или признать въ Зулусѣ такого-же человѣка, какъ и „мой" ребенокъ. Люди чаще выбираютъ первое, и оттуда вытекаетъ патріотизмъ, любовь къ семьѣ и т. п.

Ограничивая свою душу, обольщая себя соблазнами отдѣльнаго бытія, создали люди ненужныя раздѣленія, и многія между собою воздвигли преграды. Учрежденія ихъ кажутся имъ святыми, и догматы неприкосновенными. И вотъ былъ извергнутъ изъ церкви Левъ Толстой, будто бы отъ нея отрекшійся.

Но есть единый только человѣческій духъ, многообразныя принимающій личины, — и единая всеобщая истина, по-разному выражаемая въ тѣснотѣ и скудости человѣческихъ понятій,—и единая всемірная религія любви, религія единаго человѣческаго духа. Къ этому единому было устремлено все человѣческое дѣланіе отнединаго нынѣ отъ міра, благословеннаго въ вѣкахъ и народахъ Льва Николаевича Толстого.

Слова его не досказаны, и путь не пройдетъ до конца,—но всѣми словами говорилъ онъ объ одной истинѣ, и поистинѣ великое оставилъ онъ намъ наслѣдіе.

О ГРИБОѢДОВѢ.

П. Е. Щеголевъ. А. С. Грибоѣдовъ и декабристы. (По архивнымъ матеріаламъ). Съ приложеніемъ факсимиле дѣла о Грибоѣдовѣ, хранящагося въ Государственномъ Архивѣ. Спб. Изд. А. С. Суворина. 1905.

Весьма интересное изданіе. Оно состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ тетрадей: первая—факсимиле дѣла Грибоѣдова по обвиненію его въ прикосновенности къ заговору декабристовъ; эта тетрадь до послѣднихъ мелочей повторяетъ всѣ подробности подлиннаго дѣла; вторая тетрадь—очень содержательное и остроумное изслѣдованіе П. Е. Щеголева о томъ, насколько основательно было обвиненіе Грибоѣдова. Авторъ изслѣдованія не согласенъ съ выводомъ слѣдственной комиссіи о полной невиновности Грибоѣдова. Путемъ тщательнаго анализа относящихся къ дѣлу фактовъ онъ устанавливаетъ не только идейную, но и реальную связь Грибоѣдова съ дѣломъ декабристовъ.

Я готовъ согласиться съ этимъ заключеніемъ автора. Послѣдующая блестящая карьера Грибоѣдова меня въ этомъ отношеніи не особенно смущаетъ. Гри-

боѣдовъ въ своей знаменитой комедіи даетъ ключъ къ пониманію его судьбы.

Слѣдуетъ согласиться съ авторомъ изслѣдованія и въ томъ, что фотографическое воспроизведеніе есть единственный способъ сохранить колоритъ эпохи. Читаешь слова, видишь почеркъ,—и какъ-то ближе и понятнѣе становятся люди. Всматриваешься съ жаднымъ любопытствомъ въ драгоцѣнныя черты, слѣдишь за измѣненіями почерка, за манерою подписываться, вотъ почтительное письмо гладкимъ почеркомъ съ подписью „вѣрноподданный Александръ Грибоѣдовъ", вотъ чиновнически-уклончивое показаніе обычнымъ почеркомъ „коллежскаго ассесора Александра Грибоѣдова",—и вотъ, точно снимается какая-то завѣса, и изъ-за бумаги и чернильныхъ начертаній, видишь, сквозитъ живая душа человѣка.

Какъ это ни странно, но самое живое лицо въ комедіи Горе отъ ума—Молчалинъ. Всѣ другія въ ней лица или совершенно книжныя (Чацкій), и служатъ только носителями авторскихъ мыслей,—или неестественно откровенны, и слишкомъ легко подставляются подъ авторскіе бичи. Одинъ Молчалинъ живъ и вѣренъ себѣ, одинъ онъ не только говоритъ, но и дѣйствуетъ,—музицируетъ съ Софьею, ѣздитъ верхомъ, и падаетъ съ лошади, дѣлаетъ подарки Лизѣ, предпринимаетъ, строитъ планы, рискуетъ, и въ ненамѣренныхъ словечкахъ открываетъ свою сущность.

Умъ Чацкаго и мысли его,—конечно, умъ и мысли Грибоѣдова. Но душа? Но зеркало души? Взгляните на портретъ Грибоѣдова,—скажете ли вы, что это обликъ Чацкаго? Скромная бритая чиновническая физіономія, аккуратная прическа съ казеннымъ кокомъ, очки

на глазахъ, близорукихъ отъ привычки къ бумажному дѣлу, и углубленный, скромно-насторожившійся взоръ человѣка наблюдательнаго, но и почтительнаго,—вотъ Молчалинскій аспектъ Грибоѣдова. На языкѣ—медокъ болтливаго свободомыслія, а на сердцѣ—ледокъ смиренномудрія,—и вотъ безпощадный талантъ сдѣлалъ мораль и сатиру широкошумными ширмами жестокой авто-сатиры. Портретъ, списанный съ какого-то ничтожнаго Молчалина, зажегся живою жизнью, потому-что въ немъ ожила душа автора, значительная во всѣхъ своихъ переживаніяхъ, но,—увы!—дьявольскою иронiею судьбы прикованная къ гибкому хребту чиновника.

Чиновникъ попалъ въ бѣду, и успѣшно выпутывается. Душа его играетъ всѣми своими красками. Преданность власти: „начальникъ, мною любимый“, „благоговѣйное чувство“. Изъясненіе своей чистоты и невинности: „я же не только не способенъ быть ораторомъ возмущенія, много если предаюсь избытку искренности въ тѣсномъ кругу людей кроткихъ и благомыслящихъ“.. „русское платье снова сблизило бы насъ съ простотою отечественныхъ нравовъ, сердцу моему чрезвычайно любезныхъ“.

А вотъ на страницѣ 27 приведенъ и примѣръ любезной простоты нравовъ, въ разсказѣ С. Н. Бѣгичева о свиданіи съ Грибоѣдовымъ въ Москвѣ, когда его везли съ Кавказа въ Петербургъ. Грибоѣдовъ шутитъ надъ своимъ плѣшивымъ фельдъ-егеремъ: „это испанскій грандъ донъ Лыско Плѣшивосъ да Париченца“.

Да, простота отечественныхъ нравовъ чрезвычайно любезна чувствительному сердцу Молчалина. Въ темномъ уголкѣ позабавиться поцѣлуями крѣпостной гор-

ничной, при полномъ свѣтѣ дня поиздѣваться надъ простымъ человѣкомъ, чего проще! чего любезнѣе!

Любопытная книга.

ПОЛОТНО и ТѢЛО.

Былъ на выставкахъ. Впечатлѣніе смутное. То понравилось, это—нѣтъ. Ничто не взволновало. Ничто не завладѣло душою. Ни съ одного полотна не повѣяло побѣдительнымъ обаяніемъ высокаго искусства.

Отчего? Не знаю. Многія полотна написаны съ превосходною техникою. Есть картины съ очень выдержаннымъ настроеніемъ. Есть содержательныя картины. Красивыя пятна, цвѣтовые эффекты, колоритъ, перспектива, настроеніе, современность, идея—все на мѣстѣ. И все въ общемъ безрадостно.

Не война-ли виновата? Не ея-ли зловѣщее вліяніе бросаетъ на все тусклую тѣнь унынія и безсилія?

Не мало картинъ, посвященныхъ войнѣ. Идутъ въ аттаку, впереди раненый священникъ съ крестомъ; у солдатъ у всѣхъ глаза скошены въ сторону, къ зрителю,—очевидно, врагъ тамъ, за спиною зрителя. Не вижу вкуса въ такомъ поворотѣ написанныхъ на картинѣ лицъ. И думаю, что художникъ перепустилъ ужасу на солдатскихъ лицахъ. Но пусть такъ. Война, такъ война. Извѣстно, война—ужасна. Жаль, конечно, что эта тема

трактуется съ удивительною наивностью. Но все-таки пусть, пусть такъ.

Другія полотна: казаки налетѣли на японцевъ, рубятъ ихъ... провожаютъ офицера на войну... сестра милосердія на площадкѣ вагона... „мужики въ глубокой думѣ слушаютъ" чтеніе газеты (конечно, о войнѣ)... встрѣча въ семьѣ вернувшагося съ войны офицера съ повязанною рукою... лазаретъ... видѣніе Христа тяжко раненымъ...

И все не трогаетъ, не ужасаетъ.

Удручаетъ эта робость воображенія: были битвы, раны, смерти, проводы, встрѣчи, — вотъ все это и нарисуемъ. Это — война.

— Это—война,—говорятъ художники своими полотнами. —Такъ они воюютъ.

— Это—не война, — хочется отвѣтить. — Такъ не воюютъ.

Война — чрезмѣрность насилія, буйство тѣла, организованное въ подвигъ, крайнее напряженіе силы, разлитой въ плоти. Мерзость передъ Господомъ, зло между людьми,—для живописца война—превосходная панорама прекрасныхъ движеній, экспрессій, позъ. Праздникъ тѣла, соединенный съ самопожертвованіемъ. Въ этомъ оправданіе батальной живописи. Въ этомъ ея связь съ изображеніями тѣла вообще, нагого тѣла въ особенности.

Люблю тѣло. Свободное, сильное, гибкое, обнаженное, облитое свѣтомъ, дивно отражающее его. Радостное тѣло.

Видѣлъ нѣсколько полотенъ, на которыхъ намазано тѣло. Вяло, безрадостно, тускло. Смотрѣлъ на эти полотна, и думалъ:

— Съ такимъ тѣломъ нельзя побѣждать.

И еще думалъ:

— Да и правда, мы, русскіе, вовсе не любимъ тѣла. Цѣломудренны, что-ли, очень? Или просто лѣнивы и сонны?

Изобразить обнаженное тѣло—значитъ дать зрительный символъ человѣческой радости, человѣческаго торжества. Красочный гимнъ, хвала человѣку и Творцу его,—вотъ что такое настоящая картина нагого тѣла. Для радости, для хвалы не нужно внѣшняго предлога.

Я же видѣлъ оправданныя положенія тѣла, но не видѣлъ радости тѣла. Вотъ натурщица сидитъ на диванѣ голая, и пьетъ что-то изъ чашки; это—отдыхъ во время сеанса; возлѣ натурщицы лежитъ ея мѣшечекъ съ носовымъ платкомъ; сейчасъ выметъ платокъ, и высморкается. Вотъ купаются. Вотъ собираются купаться. Вотъ стоитъ раздѣтая дама, смотритъ въ зеркало, и сейчасъ будетъ одѣваться. Нагота—случайна. Главное—одежда, которая сейчасъ и будетъ надѣта. Помнятъ, что безъ одежды быть, собственно говоря, неприлично, и потому дѣлаютъ это украдкой, на-спѣхъ.

И потому нѣтъ радости.

Радость наготы въ томъ, что тѣло погружается въ родныя стихіи. Вѣтеръ его овѣваетъ, вода его обнимаетъ, земля нѣжна и мягка подъ ногами, пламенное солнце лобзаетъ кожу. Движенія свободны, условности отброшены. Уже не Иванъ и не Марья, не барышня, и не натурщица, и не мальчикъ изъ мелочной лавки,— только человѣкъ въ свободномъ и радостномъ движеніи, въ озареніи свѣта. И этого я не видѣлъ.

Тѣла были тусклыя, неловкія, нескладныя, вялыя, сизаго и осклизлаго оттѣнка. Но художники сказали

правду. Мы таковы и есть. Вялые, робкіе, не свободные. Силы нашего тѣла скованы. Наши дѣти ходятъ въ гимназіи, но имъ все еще, какъ и намъ, чуждъ пафосъ классической гимнастики.

Вялые, робкіе, съ примятыми мускулами, съ изнѣженною кожею,—какъ хотимъ мы побѣждать сильныхъ? Въ борьбѣ съ народомъ, воспитаніе котораго построено на великихъ началахъ гимнастики, техники, солидарности и свободы, на какіе лавры мы надѣемся?

Мы слабы, не искусны, не дружны, не свободны. Боимся свободы, мѣшаемъ другъ другу соединяться въ союзы, дико смотримъ на машины, стыдимся тѣла. Вотъ четыре грѣха наши,—и полотна сегодняшнихъ выставокъ особенно сильно подчеркиваютъ одинъ изъ этихъ грѣховъ,—нашъ стыдъ передъ нашимъ тѣломъ, наше отчужденіе отъ той истинной гимнастики, которой учитъ насъ классическая древность.

Родители, любящіе вашихъ дѣтей для нихъ, а не для себя, знайте, что радость, сила и свобода вашихъ дѣтей прежде всего въ ихъ тѣлѣ. Пусть оно будетъ сильное, веселое, свободное. Пусть ваши дѣти часто бѣгаютъ босыми ногами. Ввѣрьте ихъ мудрѣйшимъ изъ воспитателей, милымъ стихіямъ, землѣ, водѣ, воздуху и солнцу.

ДРЕЗДЕНСКІЯ СКРОМНИЦЫ.

Есть много людей, которые, разсматривая вещи и дѣла, находятъ, что многое не такъ дѣлается и устраивается, какъ по ихъ разумѣнію надо было бы. И хочется имъ поправить, пока не поздно

Очень часто при этомъ осужденію и поправкамъ подвергается то, что поправлять совершенно напрасно, и что осуждать отчасти даже и неудобно, потому что оно такъ ужъ самимъ Богомъ устроено. Въ этомъ случаѣ стремленіе къ поправкамъ не только кощунственно, но и совершенно тщетно. Легко сказать:

— Природа ошиблась, а мы подумаемъ да и поправимъ ее.

Легко сказать, да трудно сдѣлать. Природа все же сильнѣе человѣка, даже и очень самоувѣреннаго. Правда, разсказывается въ одной баснѣ, что „тучегонитель оплошалъ, и вылился оселъ, какъ бѣлка, слабъ и малъ". Когда обиженный оселъ взмолился Зевсу, то бѣда была поправлена, и оселъ воспріялъ желанные для него раз-

мѣры. Однако, та же басня поучаетъ, что вскорѣ постигли тщеславнаго осла и разочарованія,— и онъ на своей шкурѣ испыталъ неудобство поправокъ къ дѣламъ природы.

Тѣмъ не менѣе даже и очень умные и ученые люди не могутъ иногда преодолѣть въ себѣ этого не очень умнаго стремленія къ цензированію вселенскаго строительства. Встосковался же Мечниковъ о томъ, что у человѣка слишкомъ много кишекъ, и что это очень вредно для здоровья.

Кишки, конечно, только подробность, можетъ быть, и довольно непріятная, но все же, по крайней мѣрѣ, хорошо спрятанная въ нѣдрахъ человѣческаго организма. Но есть люди, которымъ и весь то этотъ организмъ въ цѣломъ кажется нѣсколько предосудительнымъ и не совсѣмъ приличнымъ.

Читалъ я гдѣ-то разсказъ о томъ, какъ одинъ прусскій король посѣтилъ вмѣстѣ со своимъ сыномъ картинную выставку, и былъ скандализованъ изображеніями обнаженныхъ женщинъ. Онъ закрылъ лицо кронпринца своею шляпою, и немедленно вывелъ его изъ столь развратнаго, по его мнѣнію, мѣста. Конечно, онъ былъ твердо увѣренъ, что уткнуться въ дно генеральской шляпы для его сына гораздо полезнѣе, чѣмъ насытить взоры созерцаніемъ образцовъ человѣческой красоты и прелести. Но красота осталась красотою, а бурбонъ — бурбономъ.

На дняхъ прочиталъ я, что въ Дрезденѣ образовалось общество дамъ для борьбы съ такими безобразными, на ихъ взглядъ, явленіями, какъ выставки картинъ, гдѣ изображены люди, только люди, а не люди съ одеждою вмѣстѣ. Подобно тому, какъ „флагъ прикрываетъ

грузъ", такъ, по мнѣнію дрезденскихъ скромницъ, одежда прикрываетъ тѣло.

Конечно, было бы много лучше, если бы можно было упразднить не только картины съ изображеніями человѣческаго тѣла, но и самое тѣло. Но такъ какъ это совершенно невозможно, то приходится довольствоваться хотя бы игрою въ прятки: есть тѣло, и какъ бы не существуетъ оно. Природа натворила много пакостей, и уничтожить ихъ никакъ нельзя, — ну чтожъ, по крайней мѣрѣ, пусть эти неприличные предметы, — руки, ноги, животы, спины и т. п.,—будутъ тщательно спрятаны.

И надо это для того, чтобы подростки не развращались. У каждаго подростка есть свое тѣло. Но если онъ посмотритъ на чужое, то сейчасъ же и развратится немножко. И съ каждымъ взглядомъ на обнаженное тѣло новая доза яда будетъ проникать въ его невинное дотолѣ воображеніе. Таковъ наивный ходъ дамской мысли.

Мысль, что тѣло само по себѣ можетъ стать источникомъ соблазна, конечно, совершенно несостоятельная мысль. Уже потому несостоятельная, что если бы тѣло и въ самомъ дѣлѣ было столь соблазнительно, то люди давно бы изразвратничались въ конецъ, ибо слишкомъ ужъ большіе запасы этого яда носятъ они съ собою постоянно.

Ходъ дѣлъ въ природѣ совершенно обратный: прежде должны явиться соблазнъ и порокъ, и уже потомъ развращенное воображеніе ищетъ предметовъ соблазна. И выискиваетъ оно предметы тайные и скрытые. Невозможно соблазниться тѣмъ, что открыто и доступно. Только непривычка нашихъ поколѣній къ наготѣ вы-

зывает въ нихъ такую истерическую способность соблазняться наготою.

Но выводъ отсюда не тотъ, какой хотятъ сдѣлать дрезденскія дамы. Чтобы нагота не соблазняла, не то надо, чтобы ее избѣгали: дѣло это невозможное, ибо тѣло наше такъ уже и вышло изъ рукъ природы нагимъ: надо, чтобы въ созерцаніи наготы не было ничего пряного, скрытнаго, запретнаго и потому волнующаго. Изобиліе картинъ и статуй, изображающихъ нагое тѣло, не развращаетъ, а оздоравливаетъ воображеніе.

ВРАЖДА И ДРУЖБА СТИХІЙ.

„Вѣтеръ и солнце были за японцевъ и противъ насъ“.
Изъ телеграммы собственнаго корреспондента.

Стихіи были за японцевъ и противъ насъ. Потому Цусимскій бой былъ нами проигранъ. Такъ говоритъ газета. Она думаетъ, что кому-то угождаетъ этимъ. Она не знаетъ, что говоритъ жестокую правду. Увы! правду слишкомъ жестокую.

Если-бы мы были язычниками, мы сказали-бы:

— Боги вѣтра и солнца помогаютъ нашимъ врагамъ, а гдѣ-же наши боги?

Христіанинъ скажетъ:

— Вѣтру и солнцу повелѣваетъ Богъ.

И сдѣлаетъ скорбный выводъ.

Человѣкъ точнаго вѣдѣнія скажетъ:

— Надо брать въ расчетъ и вѣтеръ, и солнце, и многое другое. Кто идетъ наобумъ, тотъ ужъ почти

навѣрное нарвется на что-нибудь для него неожиданное.

Стихіи давно уже противъ насъ. Еще Чацкій говаривалъ, что мы живемъ „разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ“. Это сказано собственно о фракѣ. Но это относится, конечно, и къ очень многому другому.

Говорятъ: въ Цусимскомъ бою солнце свѣтило нашимъ въ глаза, а у японцевъ оно было за спиною. Вѣтеръ тоже не поладилъ съ нами, и помогалъ японцамъ, ужъ я не знаю, какъ именно. Прибавимъ за одно и обѣ остальныя стихіи: вода оказалась для насъ неблагосклонною, потопила наши кое-какъ слаженные корабли, а земля... земля вблизи была японская. Конечно, она помогала нашему врагу. Съ ея береговъ налетѣла на нашу растерявшуюся эскадру туча миноносокъ.

Я прочиталъ гдѣ-то, что на корабляхъ Небогатова пушки заржавѣли. Невѣроятно. Но что же можно сдѣлать съ враждою стихій? Ржавѣютъ на дождѣ крыши домовъ, отчего же не заржавѣть и пушкамъ.

Враждебны намъ стихіи. Нелюбовь у насъ и у стихій взаимная. Ни одна стихія намъ не мила.

Солнце, огонь, пламенное, страстное свѣтило, источникъ свѣта и тепла. Мы упрямо отвращаемся отъ солнца. Отъ свѣта. Отъ всякаго свѣта. Просвѣщеніе наше въ упадкѣ. Одежды наши темны и скучны. Жилища у насъ сумрачны и суровы. Дѣти наши закутаны, чтобы солнце не обожгло ихъ кожу.

Вѣтеръ, вольно вѣющій, не знающій преградъ и заставъ, вѣтеръ—чародѣй, могучимъ вѣяніемъ оживляющій широкіе земные просторы... Мы боимся его Мы его не терпимъ. Мы оградились отъ него стѣнами,

и стараемся возвести ихъ до неба, и замазать въ нихъ всѣ щели. Чтобы не вѣялъ, самовольный, безчинный, дерзкій нарушитель затхлаго покоя.

Вода, вольно струящаяся и, однако, покорная закону земныхъ тяготѣній, чистая, холодная, равняющая всѣхъ своими влажными и холодными объятіями.. Что намъ въ ней? Мы заросли всякою грязью, мы любимъ нечистоту и тлѣнъ нашей смрадной жизни. Мы защищаемся отъ безчинства падающихъ съ неба водъ калошами, зонтиками, плащами. Наши дѣти боятся воды, а дерзкіе изъ нихъ легко тонутъ въ ней, потому что не могутъ научиться плавать. Это такъ трудно для насъ.

Земля, мягкая, сырая, успокоительная, мать, кормящая всѣхъ своихъ дѣтей... Мы позаботились больше всего о томъ, чтобы раздѣлить ее, и отмежевали мою и твою землю,—и всѣмъ намъ тѣсно на земныхъ просторахъ. И мы идемъ умирать, чтобы отнять у мирнаго народа его землю, и думаемъ, что это отнятіе чужого есть великій подвигъ, за который наши дѣти должны быть намъ благодарны. А на что земля нашимъ дѣтямъ? Они не знаютъ ея ласковыхъ и нѣжныхъ прикосновеній, не бѣгаютъ босые по ея мягкой и зеленой травѣ, по ея сыпучему песку.

Мы не любимъ стихій, и справедливыя стихіи не любятъ насъ. Онѣ благосклонны къ нашему врагу, и помогаютъ ему въ великой исторической борьбѣ, потому что платятъ ему любовью за любовь.

Посмотрите на японскія картины. Сколько свѣта, какое живое солнце чувствуется въ нихъ! Эмблемою своего государства взяли японцы восходящее солнце, потому что безмѣрно полюбили они это царственное

свѣтило, радостное и благостное. Къ добрымъ и злымъ равно благостно оно. Но любятъ его только добрые и сильные. И такимъ и оно посылаетъ наилучшіе свои дары. И японцы радостно грѣются въ лучахъ своего солнца. Радостно открываютъ они солнцу свое тѣло,— и золото расплавленныхъ солнечныхъ лучей переливается по ихъ кожѣ восхитительнымъ пламенемъ силы и бодрости.

Бодро ставятъ они свои паруса, и вѣтеръ несетъ въ широкое море ихъ лодки. Онъ развѣваетъ ихъ легкія одѣянія, и прикосновенія его къ ихъ тѣлу нѣжны и любовны.

Вода охватила голубымъ, раздробленнымъ ожерельемъ ихъ прекрасные острова. Какъ они родственны этой подвижной стихіи! Какъ легко влекутся они къ неизвѣданному, къ новому! И мы еще не знаемъ, куда приплывутъ они на своихъ дивныхъ корабляхъ.

Землю они любятъ удивительною любовью влюбленнаго. Какъ воздѣлываютъ они ее! Причудливымъ садомъ и огородомъ стала вся ихъ страна.

Въ дружбѣ со стихіями живетъ нашъ врагъ, и стихіи, вольныя и вѣчныя, стали его вѣрными союзниками. Мы не можемъ расторгнуть этого союза. Но никто не мѣшаетъ и намъ войти въ него.

....„Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста хватитъ всѣмъ".
(Лермонтовъ).

И если мы сами такъ уже закоснѣли въ нашей искусственной и городской жизни, въ жизни маленькихъ и робкенькихъ мѣщанъ, то введемъ же хотя нашихъ дѣтей и нашихъ юношей въ вольный міръ природы, сдружимъ ихъ съ милыми, вѣчно-вольными и

вѣчно-благостными стихіями. Дружба съ ними радостна, но ихъ любовь не изнѣживаетъ, потому что они и нѣжны, и въ то же время суровы. Ихъ радость есть радость мужества и силы.

Въ городахъ и внѣ городовъ — вездѣ свѣтитъ солнце. Пусть возрастающіе люди не прячутся въ мрачныя пещеры нашихъ жилищъ отъ добраго солнца.

Воздуху, свѣту, землѣ и водѣ дайте свободно обнимать ихъ тѣла. Чтобы сдружились, сжились, сроднились они съ вольными стихіями. Чтобы и сами стали, какъ стихіи, такіе же чистые, невинные, правдивые, нѣжные и суровые.

ЖАЛОСТЬ И ЛЮБОВЬ.

Переживаемый нами историческій моментъ чрезвычайно важенъ: пришли въ столкновеніе не только два государства,—двѣ расы, два разныя міровоззрѣнія, двѣ морали испытываются одна о другую. И невольно хочется сравнивать многое.

Два главнѣйшіе типа морали управляютъ людскими дѣяніями, и оба они совершенно противоположны. Одна мораль относится къ другой даже не такъ, какъ утвержденіе къ отрицанію, —они построены на совсѣмъ различныхъ началахъ.

Одна основана на жалости,—къ страдающимъ людямъ, ко всякому существу, способному чувствовать страданіе, словомъ, ко всему живому,— ибо для сострадательнаго человѣка вся жизнь есть цѣпь страданій, тернистый путь, кое-гдѣ усыпанный обманчивыми, быстро увядающими лиліями тщетныхъ надеждъ и розами мимолетныхъ, суетныхъ радостей. И въ довершеніе бѣдственности этого міра, онъ является созданію

безцѣльнымъ, возникшимъ изъ довременной пустоты и стремящимся къ безслѣдному уничтоженію.

Въ этой безцѣльной и бѣдственной жизни участь наисознательнѣйшаго существа, человѣка, достойна особеннаго сожалѣнія: вступить въ жизнь, чтобы вкусить неисчислимыя муки, горечь которыхъ не искупается малыми радостями бытія,—сотворить много злыхъ и безумныхъ дѣлъ, ядовитые плоды которыхъ созрѣваютъ въ потомствѣ,—дать жизнь ряду такихъ-же существъ, несчастныхъ, ненужныхъ и призрачныхъ, какъ сонъ,—и умереть! Горькій удѣлъ! Лучше бы не родиться. А родившись, лучше скорѣе умереть. Только взаимною жалостью сколько-нибудь облегчается бѣдственный трудъ злой жизни.

Такова буддійская мораль. Таково умонастроеніе людей, жалость которыхъ имѣетъ глубокіе корни.

Другая мораль основана на любви. Если жалость вытекаетъ изъ признанія бытія призрачнымъ, то любовь питается утвержденіемъ бытія и признаніемъ его благостной цѣли. Любовь есть дѣятельное выраженіе этого признанія блага, этого утвержденія бытія. Привязываюсь любовью къ тому, что достойно любви, и нахожу достойнымъ любви многое. И если любовь моя имѣетъ глубокіе корни, то она становится любовію ко всему, ибо существо всѣхъ вещей—не преходящее, Отецъ и Создатель міра живъ и благъ, бытіе радостно. Это—мораль, которая наполняетъ сердце мужествомъ и бодростью, и ведетъ европейскіе народы по пути преуспѣянія.

Можно думать, что эти два типа морали до послѣдняго почти времени жили отдѣльно, нынѣ столкнулись, и европейская мораль, какъ болѣе жизнестойкая, по-

бѣдить; побѣдила бы даже уже давно, если бы европейскіе народы не были разслаблены тѣмъ, что, исповѣдуя на словахъ библейскіе и христіанскіе законы, на дѣлѣ руководятся принципами буддійскими,—въ области чувства болѣе состраданіемъ, чѣмъ любовью, въ области метафизики—пессимизмомъ, въ религіи—атеизмомъ.

Проникновеніе въ мысль и чувство европейскихъ народовъ элементовъ состраданія, пессимизма, атеизма началось, конечно, уже очень давно. Настолько давно, что въ чистомъ видѣ религія любви и оптимизма едва-ли кѣмъ исповѣдуется въ Европѣ.

Да если бы даже два, столь глубоко основанные, типы морали и пришли въ столкновеніе, оставаясь въ ихъ чистомъ видѣ, то и тогда едва-ли можно было бы имѣть увѣренность въ побѣдѣ одной стороны надъ другою, побѣдѣ рѣшительной и окончательной. Взаимопроникновеніе этихъ двухъ началъ скорѣе даетъ возможность предсказывать ихъ будущій синтезъ, созданіе новаго, болѣе совершеннаго міропостиженія, новой морали, новой метафизики. И этотъ синтезъ особенно ясно предчувствуется на русской почвѣ.

ВЪ ПОЛУСНѢ.

Изъ дневника занятаго человѣка.

Вертишься день-деньской, какъ бѣлка въ колесѣ. Газеты иной разъ прочитать некогда. А и возьмешь газетный листъ, такъ порою не на радость.

Вчера только поздно вечеромъ удосужился я взять въ руки газету. Читаю я газету безопасную, такую, чтобы начальство мое не смотрѣло на меня косо, какъ смотрятъ на подписчиковъ „пакостныхъ“, по выраженію одного директора провинціальной гимназіи, газетъ.

Уже поздно очень было, и ко сну клонило, но не хотѣлось отойти ко сну, не узнавъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, кто на насъ злоумышляетъ. Читаю. Глаза слипаются. Въ головѣ туманъ.

И грезится мнѣ сквозь этотъ туманъ чье-то лицо, странно-зыбкое и перемѣнчивое: не то „одно изъ славныхъ русскихъ лицъ“, не то бритое, самодовольное и наглое лицо Сквозника-Дмухановскаго. Говоритъ что-то. Различаю отдѣльныя, мало связныя фразы.

— На Антона и на Онуфрія. Весною и осенью. А также и въ прочіе сезоны. Для благомыслящей части русскаго общества всѣ времена года одинаково хороши. Воля начальства—законъ. И у меня чтобы безъ конституцій. Позвать мужика, онъ имъ задастъ. Караулъ! Ура!

Отрывочныя слова. Неясный гулъ. Лицо быстро мѣняетъ тысячи выраженій. Разсыпается мелкимъ бѣсомъ. Множество не то лицъ, не то свиныхъ рылъ. Лица, морды, красныя и синія пятна вертятся передъ глазами, и исчезаютъ. Изъ тьмы выплываютъ и опредѣляются понемногу двѣ фигуры.

Одна— дюжая, въ боярскомъ кафтанѣ, изъ русскаго собранія. Борода лопатою. Лицо красное. Глаза маленькіе, едва выглядываютъ изъ-за жирныхъ щекъ.

Другая—тощая, испитая фигурка. Въ пиджачкѣ. Подъ пиджачкомъ синяя блуза. Бородка клинышкомъ.

Дородный молодецъ стоитъ спокойно, ноги разставилъ, руки въ бока уперъ, на другого посматриваетъ презрительно. Тощій паренекъ безпокойно вертится, егозитъ, словно снизу его поджариваютъ.

— Ну, чего ворошишься?—спрашиваетъ дюжій молодецъ.

— Очень ужъ я недоволенъ,—отвѣчаетъ тощій паренекъ.

— Туда же недоволенъ! Крамольникъ! Чего же ты хочешь?

— Первое дѣло, чтобы по мордѣ меня не лупили.

— Ишь ты, райскаго блаженства захотѣлъ! Вотъ въ этомъ-то и есть ваша ошибка, что вы хотите,—тяпъ тяпъ да и рай на землѣ. Анъ, погоди,—рай впереди. Да и не для этакихъ. Ежели ты смирно, чинно, благо-

родно, то тебя никто и не тронетъ, развѣ только по ошибкѣ. А ошибка въ фальшь не ставится.

— Нѣтъ, ужъ вы лучше эту расцѣнку перемѣните. И свой ликъ мѣченымъ носить не желаю, да и ребятишекъ жалко. Кулачищи да нагайки,—пора бы ужъ эту артиллерію сдать въ арсеналъ. Или въ кунсткамеру.

— Самыя бунтовскія рѣчи. Неистовыя рѣчи. И гдѣ городовой? Казенный то паекъ тебѣ отпускаютъ? А ты бунтовать.

— Бунтовать мы не согласны. А только вы бы моихъ пріятелей изъ клоповника отпустили. Дѣлать-то имъ тамъ нечего, а между прочимъ ихъ дѣтишкамъ подвело животишки. Попросить бы развѣ деньженокъ у японской микады, да слышь, говоритъ микада: своимъ де надо. Вотъ я и смекаю,—не забирать бы безъ суда людишекъ,—чтобы зря кому обиды не было.

— Да ты, курицынъ сынъ, сразу идеальнаго устроенія требуешь. Ахъ, ты! Ну и народецъ! Темпераментъ у тебя очень вредный.

— Какой есть, такой и въ честь. И говорить мнѣ охота. Языкъ, вижу, подвѣшенъ, а развязки ему настоящей нѣтъ, и отъ того мнѣ очень скучно. Поговорить бы хоть когда безъ помѣхи,—собраться, потолковать кое о чемъ вмѣстѣ.

— Ну, посмотрю я на тебя! Да о чемъ говорить то тебѣ, неумытое рыло? Вотъ подожди, соберутъ тамъ, которые достойные, они и поговорятъ, сколько имъ велѣно будетъ, а ты послушаешь, коли пустятъ.

— Это какіе же такіе достойные?

— А вотъ народъ выберетъ. Свободно выбирать будете.

— Очень мнѣ это даже удивительно, какіе же это

будутъ свободные выборы, ежели собранія можно разгонять, говорунамъ рты затыкать, а тѣхъ, кто побойчѣе, въ клоповникъ тащить. По-моему, одна только видимость выйдетъ, а настоящаго дѣла не будетъ.

— И выходишь ты, вижу я, смутьянъ, —и слушалъ я тебя очень даже достаточно. Эй, резервы, бей!

„Бой барабанный, крики, скрежетъ".

Все смѣшалось.

Я очнулся. Было, пока что, тихо.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

СКАЗОЧКИ

стр.

СНЫ

СТАТЬИ

стр.

Ц. 1 р. 50 к.